

ФРИДРИХ ГЕРШТЕККЕР

МИССИСИПСКИЕ
ПИРАТЫ

Фридрих Герштеккер

Миссисипские пираты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167567

Аннотация

«Весной 18... года на склоне лесного холма неподалеку от реки Уабаша, катившей свои прозрачные воды в реку Огайо, отдыхали два человека. Младший выглядел лет на двадцать пять и, судя по одежде, походил более на моряка, нежели на охотника. На его светлых, курчавых волосах довольно лихо сидела низкая шляпа с широкой лентой. Под синей матросской курткой рельефно обрисовывались плечи, которыми мог бы гордиться сам Геркулес; панталоны из белого холста поддерживал пояс, за которым торчал нож в широких кожаных ножнах. Красная фланелевая рубашка и черный шелковый галстук дополняли этот костюм. Только шитые высокие сапоги – так называемые мокасины – указывали на то, что молодой человек был более знаком с лесной жизнью, нежели с жизнью моряка...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	18
Глава III	30
Глава IV	38
Глава V	49
Глава VI	57
Глава VII	67
Глава VIII	76
Глава IX	83
Глава X	95
Глава XI	102
Глава XII	108
Глава XIII	116
Глава XIV	124
Глава XV	133
Глава XVI	142
Глава XVII	149
Глава XVIII	158
Глава XIX	163
Глава XX	168
Глава XXI	172
Глава XXII	179
Глава XXIII	185

Глава XXIV	192
Глава XXV	202
Глава XXVI	207
Глава XXVII	211
Глава XXVIII	222
Глава XXIX	229
Глава XXX	233
Глава XXXI	244
Глава XXXII	249
Глава XXXIII	259
Глава XXXIV	265
Глава XXXV	271
Глава XXXVI	277
Глава XXXVII	285

Фридрих Герштеcker

Миссисипские пираты

Die Flußpiraten des Mississippi.

* * *

Глава I

Могила в лесу

Весной 18... года на склоне лесного холма неподалеку от реки Уабаша, катившей свои прозрачные воды в реку Огайо, отдыхали два человека. Младший выглядел лет на двадцать пять и, судя по одежде, походил более на моряка, нежели на охотника. На его светлых, курчавых волосах довольно лихо сидела низкая шляпа с широкой лентой. Под синей матросской курткой рельефно обрисовывались плечи, которыми мог бы гордиться сам Геркулес; панталоны из белого холста поддерживал пояс, за которым торчал нож в широких кожаных ножнах. Красная фланелевая рубашка и черный шелковый галстук дополняли этот костюм. Только шитые высокие сапоги – так называемые мокасины – указывали на то, что молодой человек был более знаком с лесной жизнью, нежели с жизнью моряка.

Рядом с ним лежал убитый медвежонок, на которого со злобой, тяжело переводя дыхание и зализывая раны, поглядывала превосходная бурая собака. Раны явно свидетельствовали о том, что победа над зверем досталась ей не даром.

Второму охотнику было, по-видимому, лет шестьдесят. Он был пониже ростом и не так крепко сложен, как его товарищ, но в нем не было еще ничего стариковского. Глаза

светились юношеским задором, щеки горели здоровым румянцем. На нем была охотничья бумажная блуза, но вместо короткого матросского ножа на боку висел длинный и широкий тесак.

– Том, – сказал он товарищу, – слишком запаздывать здесь не годится. Солнце скоро зайдет, а нам еще далеко до реки.

– Всего три четверти мили, никак не более, – ответил молодой человек. – Но, Эджворт, как ни старались бы нанятые нами люди, им не донести нашей лодки сюда к вечеру. Они должны будут остановиться, когда смеркнется, чтобы не наткнуться на какой-нибудь подводный камень или затонувший пень. Плыть по Уабашу ночью небезопасно.

– Вы, по-видимому, хорошо знакомы со здешней местностью?

– Еще бы! Я охотился здесь в продолжение двух лет и знаю каждый ручеек, каждое дерево. Это было еще до того, как я познакомился с Диксоном и отправился на его шхуне в Бразилию. Бедняга! Не думал он тогда, что его ждет такой конец.

– Вы не рассказывали мне подробно об этом грустном событии, Том.

– Расскажу хоть сегодня, если хотите, но прежде разведем костер и перекусим, чтобы потом хорошенько выспаться до рассвета и тогда уже пойти на берег ждать нашу барку.

– Вы уверены, что они не пройдут мимо нас?

– Будьте спокойны! Билл знает, где надо пристать.

– Если так, примемся за дело, – сказал Эджворт, начи-

ная соорудить костер из валежника, находившегося близ соседнего ручейка. Скоро пламя охватило сухие сучья, и старик, нарезав несколько ломтей из медвежьей туши, принялся поджаривать их на углях.

Оба спутника поджидали плоскодонное судно, перевозившее товар в Новый Орлеан из поместья в Индиане, принадлежавшего старому Эджварту. В этот раз на плоскодонке был груз виски, лука, яблок, окороков, копченой дичи сушеных персиков и кукурузы. Сверх того, Эджворт имел с собою изрядную сумму денег для закупки товаров, которые не найти в краях, где он проживал.

Том был сиротой и приходился дальним родственником Эджварту. Раньше он тоже намеревался обзавестись фермой на берегах Уабаша, но увлекся рассказами Диксона, старого приятеля его покойного отца, и отправился с ним в Новый Орлеан. Сбыв там выгодно свои товары, Диксон и Том посетили Гавану, а затем Бразилию, где Диксон был вероломно убит. Том возвратился домой, но не захотел жить в своей усадьбе и стал просить Эджворта позволить ему плавать с ним по Миссисипи. Старый фермер был недоволен просьбой родственника, ему казалось, что молодому человеку следовало бросить бродячий образ жизни, заняться хозяйством и стать, наконец, степенным, достойным уважения фермером. Но Том настоял на своем и теперь, отдыхая со своим спутником в лесу, не переставал восхищаться прелестями вольной жизни.

– Чертовски здорово здесь, – весело говорил он, – когда погода хороша и попадетя на зуб такое вкусное кушанье, как медвежье мясо.

– Вы обещали рассказать мне о Диксоне, Том, – заметил старик.

– Если вы настаиваете, пожалуйста, но это не очень веселая история. Мы вошли в русло Сан-Хосе, надеясь сбить пшеницу, лук, виски и жечь местным плантаторам, но пришлось заночевать в пустынном месте, прежде чем мы успели добраться до какого-то поселка. Привязав наше суденышко к стволу пальмы, мы улеглись спать на берегу, не приняв никаких мер предосторожности. Я почти мгновенно заснул, однако Диксон вскоре разбудил меня, заслышав подозрительный шорох, и только тут я сообразил, что на нас могли напасть врасплох краснокожие. Диксон бросился к лодке с криком: «Вставайте! Грабят!» – но споткнулся и упал, едва успев вскочить на палубу судна. Экипаж наш состоял всего из трех матросов и одного юнги; пока они проснулись и поняли в чем дело, я, схватив попавшуюся под руку острогу, стал наносить ею удары грабителям. Они попрыгали или попадали в воду, а юнга, по счастью, догадался перерубить канат, прикреплявший лодку к пальме, и нас тотчас отнесло на середину реки. Двое из наших матросов, Мелерс и Гевитс, говорили, что отбили пятерых индейцев, ухватившихся за борт лодки. Так ли это было, не знаю, но наш бедный капитан лежал мертвый на палубе, грудь ему пробило насквозь

копьем, а голова была раздроблена палицей.

– Что же вы сделали с грузом?

– Я продал его, накупил другого товара, имеющего у нас хороший сбыт, и потом, месяца через четыре, прибыл в Чарльстон, где жила вдова Диксона. Она горевала о муже, но, по правде сказать, деньги, которые я ей привез, помогли ей быстро утешиться. Всего через два месяца она была уже замужем за соседним плантатором. Так всегда происходит в жизни.

– По крайней мере, она наверняка знала, что ее мужа нет более в живых, – задумчиво проговорил старик. – А каково оставаться в неизвестности об участи своих близких – ждать ежедневно их возвращения и приходить, наконец, к мысли, что любимого существа уже нет, что даже прах его развеян, может быть, ветром пустыни!

– О, здесь такая неизвестность насчет судьбы близких нам людей дело самое обыкновенное, – сказал Том. – Сколько людей исчезает бесследно каждый день.

– Случается, однако, что и возвращаются неожиданно, – возразил Эджворт. – Как же здесь неловко лежать, должно быть, я постелил одеяло на кочках.

Он привстал, чтобы перенести свою подстилку на другое место, а Том, решивший ему помочь, внезапно воскликнул:

– Немудрено, что вам было неудобно лежать! Это не кочки, а кости оленя!

Эджворт поднес одну из костей ближе к огню, чтобы рас-

смотреть ее.

– Том, – проговорил он, – это не кости оленя!

– Ну, может быть, волка или медведя, – проворчал молодой человек, уже успевший задремать.

– Мне кажется, что эта человеческая кость... – продолжал Эджворт. – И именно берцовая кость.

– Так не давайте дотрагиваться до нее собаке, – проговорил Том с неожиданным оживлением, поднимаясь и оглядываясь кругом.

– Что за дьявол? – спросил старик, озадаченный его очевидным волнением. – Кость действительно человеческая.

– Если так, – сказал Том, – то я узнаю это место. – Когда мы нашли труп, то забросали его хворостом. Вот почему здесь такая куча сухих ветвей. Да, это именно то место. Вот и дуб, на котором я вырезал крест.

– Но что это был за человек? Как он умер? – спросил Эджворт.

– Я не могу точно ответить на эти вопросы, знаю только, что убил несчастного один лодочник, с целью поживиться несколькими долларами. Этот Билли...

– Кто, лодочник?

– Нет, тот, убитый. Он служил на нашей шхуне; нанялся к нам всего дня за четыре до отплытия, так что я ничего еще не знал о нем. Кажется, он был из Огайо. Ну, этот Билли имел неосторожность показать тому негодяю свои деньги, и, когда мы сошли на берег и уселись у огня, лодочник стал угова-

ривать его сыграть в карты, но Билл отказался, чем обозлил мошенника. Тот не выдал, однако, своей досады и пригласил Билла заночевать с ним на шхуне. Мы остались на берегу, но утром, возвратившись на судно, не нашли обоих. Прождав бесполезно до вечера, мы заметили стаю коршунов, круживших над одним местом. «Чуют труп», – сказал один из наших товарищей, старый охотник. – Нет сомнения, что этот злодей убил Колченогого.

– Колченогого! – повторил Эджворт с ужасом. – Почему вы прозвали так Билли?

– У него правая нога была чуть короче левой, и он прихрамывал на ходу. Мы пошли искать труп, и я никогда не забуду того зрелища, которое представилось нам. Мы увидели несчастного и коршунов. Но что с вами, Эджворт? Вы бледнеете, вы...

– Скажите, у этого Билли, или Колченогого, как вы его называете, был шрам на лбу?

– Да, широкий багровый рубец. Вы знали этого человека? Вместо ответа старик заломил руки над головой и опрокинулся навзничь с громким стоном.

– Что с вами, Эджворт? – воскликнул испуганный Том. – Говорите, ради Бога! Вы знали бедного малого?

– Это мой сын! – прошептал старик, закрывая лицо руками.

– Бедный отец! Да помилует вас Господь!

Наступило молчание. Старик первым прервал его вопро-

сом:

– И вы не зарыли покойного?

– Мы сделали что могли, – ответил Том, подавляя волнение. – С нами не было других орудий, кроме индейских кистеней, а земля была сухая и твердая. Но к чему эти подробности, которые только расстраивают вас?

– Нет, нет, говорите! – попросил Эджворт умоляющим голосом. – Я хочу знать все.

– Мы навалили на него такую гору валежника, что ее не могли разгрести хищные звери, – продолжал Том, – а затем я вырезал ножом небольшой крест на стволе этого вот дерева.

Старик посидел еще некоторое время молча, потом печально посмотрел кругом и произнес срывающимся голосом:

– Так мы отдыхали на твоей могиле, милый мой Уильям! Какой конец, Боже мой! Но я не хочу, чтобы останки твои остались без погребения. Вы поможете мне похоронить их, Том?

– Охотно, но у нас нет ничего, кроме ножей.

– В лодке найдутся ломы и заступы, мои люди помогут. Не оставлю же я сына без погребения! Это все, что я могу для него сделать. Боже мой! Я так надеялся обнять его еще раз, а пришлось вот только увидеть его кости в этих дебрях! Спите, Том, вам необходим отдых после тяжелого дня. Я постараюсь тоже заснуть.

Он прилег, чтобы заставить и молодого человека сделать

то же, но не сомкнул глаз под наплывом скорбных мыслей. Едва потянуло утренним ветерком, он встал, подложил хвоста в костер и начал собирать при его свете в одну кучу все кости. Проснувшийся Том молча помогал ему, но, приблизившись к кусту, у которого лежала собака, остановился с удивлением.

– Что с тобою, Волчок? – спросил он. – Что тебе вздумалось рычать на меня? Не узнаешь, что ли? Не стыдно скалить зубы на меня?

Но собака продолжала ворчать, помахивая в то же время хвостом и как бы желая этим сказать: «Я знаю, что ты друг, но все же не подпущу тебя к этому месту».

– Посмотрите, что это с псом? – сказал Том, обращаясь к Эджворту.

Старик подошел к собаке и увидел у нее между лап череп своего сына. Верное животное понимало, что охраняет драгоценные останки.

– Неужели ты понял, что это принадлежит твоему хозяину, Волчок? Помнишь ли ты его, добрый мой пес? – сказал старик дрогнувшим голосом.

Волчок припал к земле, пристально глядя на Эджворта, и испустил тихий, жалобный вой. Убитый горем отец не выдержал более, он опустился на траву, обвил шею собаки руками и зарыдал. Волчок лизал ему лицо, стараясь положить лапу на его плечо.

– Удивительно! – пробормотал Том, тронутый поведени-

ем собаки.

– Узнал своего хозяина... вспомнил... – говорил Эджворт, лаская животное. – Мне это отрадно, добрый мой Волчок.

Он с трудом поднялся на ноги, продолжая гладить собаку. В эту минуту со стороны реки раздался выстрел.

– Это наши! – сказал Эджворт. – Окажите мне услугу, Том, приведите их сюда.

Молодой человек пошел к реке. Старик, оставшись один, опустился на колени перед дубом, столько лет осенявшим останки его сына. Он молился усердно перед вырезанным на дереве крестом, но лишь только слышал шаги приближавшихся людей, поднялся на ноги и твердой поступью пошел им навстречу, сохраняя спокойный вид.

Том рассказал матросам о том, что случилось, и они молча принялись рыть яму для погребения костей. Завалив останки землей, насыпали над могилой небольшой холмик и также молча воротились к лодке, унося с собой медведя, убитого Томом и Эджвортом.

– Эй! Никак свежее жаркое? – крикнул оставшийся на вахте матрос, человек самой отталкивающей внешности, рябой, с жесткими всклокоченными черными волосами. – Вот спасибо капитану! Самое лучшее, что он сделал до сих пор. Но что ж, плывем дальше? Медлить нечего, вода спадает.

– Еще дело есть, – ответил один матрос.

– Что еще за дело?

– Надо отнести туда кирпичей, чтобы сложить хоть какой-нибудь памятник.

– Вот дураки! Хотят разобрать печку! На чем же мы будем пищу готовить?

– Найдем кирпичи в Винсене, – сказал Том. – Помоги нам.

– Вот еще! Я нанялся быть лоцманом, а не кирпичи таскать! – ответил тот грубо и растянулся на палубе. – Придумали тоже! Хоронить кости, которые сгнили бы и без вас!

Никто из матросов не ответил на непристойную выходку. Каждый из них взвалил себе на плечи кирпичей сколько мог, и через полчаса над могилой убитого охотника возвышался маленький памятник. Потом люди счистили мох, начавший покрывать крест, вырезанный на стволе дерева, и пошли обратно к реке со своим хозяином, который пожал им всем руки, когда они кончили работу, и шел к берегу впереди всех твердой походкой, закинув карбин за спину.

Громадные весла грузного судна пришли в движение, направляя его на середину реки. Когда оно попало «в струю» и плавно тронулось вниз по течению, матросы позволили себе отдохнуть, улеглись на палубе, нежась под лучами солнца, золотившего верхушки деревьев окрест. Эджворт, сидя на корме вместе с Волчком, не сводил грустного взгляда с величественной чащи, закрывавшей могилу его сына, но скоро, на одной из извилин реки, крутой утес заслонил горизонт, и характер пейзажа совершенно изменился: река катила свои стремительные воды уже между каменистыми, высокими бе-

регами.

Глава II

Уличные сцены

Хелена, крупный город штата Арканзас, расположенный на правом берегу Миссисипи, походил на театр перед большой премьерой. По случаю выборов здесь наблюдался большой наплыв народа, встречались люди из различных провинций, некоторые в замшевых блузах с разноцветной бахромой, как пионеры прерий¹, другие в менее оригинальных костюмах, но все были возбуждены, что подтверждалось порывистыми жестами и общим неумолчным галдежом.

Основная толпа стояла перед отелем «Юнион»², лучшим в городе, и хозяин его, мужчина очень высокий и сухопарый, с всклокоченными волосами, выдающимися скулами, длинным носом и добродушными голубыми глазами, с видимым удовольствием прислушивался к тому, что говорилось перед его крыльцом. В доме у него кипела работа, заботливая хозяйка суетилась, исполняя требования многочисленных посетителей и готовя комнаты для ночлега тем из них, которые жили слишком далеко от города, чтобы успеть воротиться к себе домой в тот же вечер. Ей помогали слуга негр и несколько женщин. Между тем уличные ораторы, под влия-

¹ То же, что и первопроходцы, первооткрыватели, первенцы, первопоселенцы.

² «Союз».

нием частой выпивки, приходили во все большее и большее возбуждение, со всех сторон сыпались ругательства и угрозы и, наконец, колебания толпы из стороны в сторону доказали трактирщику, что его надежды сбываются и разговоры вот-вот перейдут в драку.

Прислонившись к косяку двери и засунув руки в карманы, он поглядывал с наслаждением на эту сцену, которую предвидел и которой сердечно желал.

Первый удар был нанесен одним ирландцем, низким, но коренастым малым с рыжими волосами и бородой еще более яркого оттенка. На нем был какой-то смешной нанковый балахон с расстегнутым воротником и засученными рукавами. Но если наружность Патрика О'Тулла была поистине карикатурна, то сам он, по-видимому, совсем не любил шутить. Ему стоило проглотить несколько капель виски, чтобы почувствовать влечение к тому, что он называл «разумным диспутом», и хотя он был вовсе не задиристого нрава, но, тем не менее, никогда не уходил с места, если предвиделась хотя малейшая возможность пустить в ход кулаки.

В этот раз ему, однако, не поздоровилось: едва он сбил с ног своего противника, большинство из не принимавших участия в схватке, набросились на него, видимо, желая отомстить за упавшего.

– Прочь, негодяи, волчьи дети! – кричал Патрик, раздавая во все стороны полновесные удары. – Это что же? Драться, так честным манером, как следует порядочным людям. Один

на один, или хотя бы двое против одного, или даже трое, если на то пошло! Но не накидывайтесь же дюжиной на одного!

– Ну ладно! – закричали в толпе, как бы соглашаясь с ним, но человек, которого Патрик сбил с ног, поднялся с земли, прикрывая левой рукой вспухший глаз, правой вытащил из кармана нож и с бешеным криком ринулся на ирландца. Тот успел принять оборонительную стойку и вовремя схватил противника за руку, встряхнув при этом так, что тот снова рухнул на землю. Патрик обратился тогда ко всем присутствующим, надеясь, что они примут его сторону при виде такого предательского нападения, но толпа была настроена против него. В ответ раздались крики:

– Смерть ирландской собаке! Он осмелился тронуть гражданина Северо-Американских Штатов! Зачем его принесло сюда? Смерть ему, смерть! Бей!

– В воду его! – крикнул великан с бледным лицом, пересеченным большим шрамом, который тянулся наискось ото рта далеко за левое ухо, придавая его физиономии отвратительное выражение.

– В реку его, в реку! Эти подлецы немцы и ирландцы только хлеб отбивают у честных трудяг! Пусть послужит ужином ракам Миссисипи.

– В реку! В реку! – подтвердил другой. – Да свяжите ему руки за спиной! Пусть так и плывет обратно к себе в Ирландию!

Лица более миролюбивые, не желавшие гибели человека,

постарались заступиться за несчастного, но были оттиснуты разъяренной толпой, и положение Патрика казалось безнадежным. Он знал, что его ненавидят, что ему нечего ждать пощады. И вдобавок, река была у них под боком. Однако один человек бросился вперед и ухватил ирландца за руку. Был это не кто иной, как почтенный трактирщик Ионафан Сمارт.

– Будет! – произнес он повелительно, с достоинством и твердостью настоящего судьи.

Но толпа не была расположена подчиняться, и раздались грозные голоса:

– Сمارт, не суйся в это дело! Прочь! Отпусти этого человека!

Трактирщик стоял, однако, на своем, крича в свою очередь, что не позволит вырвать ни одного волоса с головы бедняги.

– В таком случае, сам напрашиваешься! – выкрикнул один из державших Патрика, выхватывая из кармана пистолет и прицеливаясь в Смарту.

По счастью для великодушного янки, оружие дало осечку, он успел выхватить из-за пояса длинный нож и кинулся на пытавшегося выстрелить. Тот успел уклониться от удара, который пробил бы ему череп, и лезвие только скользнуло по руке, разорвав рукав сверху донизу. Но намерения Смарты были столь очевидны и взгляд так выразителен, что державшие Патрика отступили. Лишь только ирландец почув-

ствовал себя на свободе, как тотчас же поднялся на ноги, закудахтал, как сердитый петух, и был готов снова кинуться в драку, но Смарт, не давая ему опомниться, схватил его за шиворот, притащил к своему крыльцу, впихнул в дом и запер дверь прежде, нежели ошеломленная толпа успела прийти в себя от неожиданного поворота дела.

Человек со шрамом первым нарушил молчание.

– Неужели мы спустим такое оскорбление? – крикнул он. – Что это за долговязый янки, который смеет диктовать свои законы честным гражданам Арканзаса? Подождем его! Пусть изжарится со своей женой и всей прислугой!

– Отлично! Поджечь трактир! – загалдели в толпе. – И угли возьмем с его же собственной кухни!

Толпа всегда предрасположена к преступлению. Вся масса народа, собравшаяся у гостиницы, хлынула к дому, как лавина, и предалась бы дальнейшим неистовствам, если бы перед ней не появилось новое лицо. Человек этот был настроен, по-видимому, самым миролюбивым образом и, подняв руки вверх, попросил позволения сказать несколько слов.

Он был высок и строен, высокий лоб, глаза и волосы каштанового цвета, рот самой изящной формы. По тонкому сукну одежды и снежной белизне рубашки можно было тотчас догадаться о принадлежности его к высшему обществу. Действительно, то был врач и юрист, прибывший с год назад из Северных Штатов. Глубокие познания во врачебной науке и доброжелательность при общении быстро обеспечили ему

обширную практику и, кроме того, он был избран на должность городского и областного судьи.

– Джентльмены, – сказал он, обращаясь к толпе, – подумайте хорошенько о том, что вы хотите делать. Мы все подчинены законоположениям Союза, и суды наши также готовы защищать нас от насилия, как и карать за насилие над слабейшими. Мистер Сمارт не оскорблял вас, а, напротив, удержал от преступления, которое навлекло бы на вас очень печальные последствия. Именно он оказал вам услугу, и я полагаю, что вы могли бы выразить ему признательность иным способом. Кроме того, мистер Сمارт вообще человек достойный.

– Достойный! И мы обязаны ему признательностью! – воскликнул тот, который хотел выстрелить в Смартга. – Вот так сказано! Он меня чуть пополам не разрезал, как яблоко. Сжечь его харчевню, и дело с концом.

– Джентльмены, – сказал судья, – если мистер Смарт вас обидел, то я уверен, он принесет вам извинения. Пойдемте к нему, потолкуем по-приятельски, и он согласится, я знаю, если мы наложим на него контрибуцию в виде виски. Дело уладится к обоюдному удовольствию. Как вы полагаете? Идет?

– Да, – согласился человек со шрамом, – пусть он нас угостит, но попадись он мне еще раз, я его тоже угощу девятью дюймами стали. Ребята, в трактир!

Толпа с диким воем кинулась к гостинице, и миролюбивое посредничество судьи могло бы иметь роковой исход, но

Смарт знал, с кем имел дело. Если бы он впустил этих людей в том возбужденном состоянии, в котором они находились, то был бы вынужден подчиниться им полностью и исполнять все их безумные требования. Поэтому, видя, что толпа ринулась к его дому, он подошел к окну с карабином в руках и объявил клятвенно, что уложит первого, кто переступит порог.

Он был известен как меткий стрелок, и угроза не могла быть принята в шутку. Судья снова выступил посредником, он заявил Смарту, что эти люди уже отказались от своих враждебных намерений и, поэтому, он просит его отложить в сторону ружье, чтобы не выказывать враждебности и со своей стороны.

– Поставьте им четверть или полбочонка виски, – сказал судья, – и они выпьют за ваше здоровье. Не лучше ли жить в добром согласии с соседями, нежели находиться вечно на военном положении?

– Вы очень добры, мистер Дейтон, предотвращая кровопролитие. Мало кто из ваших братьев принял бы на себя такой труд. Желая доказать этим добрым людям, что не сержусь и хочу жить с ними в мире, я пожертвую им целый бо-чонок, только прикажу вынести его на улицу. У меня женщины в доме, и я думаю, что самым этим джентльменам будет удобнее пить виски на чистом воздухе, нежели стесняться присутствием дам.

– Прах побери! Виски! – проговорил человек со шра-

мом. – И вы дадите нам, в самом деле, целый бочонок? И согласитесь признать, что сожалеете о случившемся?

– С удовольствием, – ответил Смарт, хотя на губах его играла презрительная усмешка. – И я даже предоставлю вам бочонок самого лучшего виски из моего погреба. Все ли джентльмены довольны?

– Довольны! Довольны! – закричала толпа. – И вправду, подавайте виски сюда! Где женщины, там пьется не так свободно. Только не мешкайте, Смарт. Пользуйтесь тем, что мы в добром настроении!

Через несколько минут плечистый негр с курчавыми волосами вынес громадный глиняный кувшин с виски и несколько жестяных стаканов. Толпа расположилась для выпивки подальше, на откосе реки, и шумела там до поздней ночи. Смарт, оставшись с Дейтоном, поблагодарил его за оказанную помощь.

– Я только исполнил свой гражданский долг, – возразил судья. – Одно гневное слово порождает часто большие несчастья, а решительный человек, если только умно возьмется за дело, может всегда руководить толпой.

– Не знаю, так ли это, – сказал Смарт, покачивая головой и глядя на речной откос. – Людей, подобных этим, трудно направлять оружием или добрыми речами. Это скоты, которым нечего терять, кроме жизни, они ничем не дорожат и даже ею готовы пожертвовать из-за сущего пустяка. Во всяком случае, я рад, что все так обошлось, не люблю проливать

кровь, да еще ради пустяков! Вы зайдете, доктор, ко мне?

– Нет, Смарт, мне некогда, но я попрошу вас к себе. Приходите, мне надо поговорить кое о чем с вами.

– А если эти люди вернуться?

– Не думаю. Они грубы, дерзки, скоры на руку, но я не считаю их способными на умышленное злодейство. Они хотели поджечь ваш дом в минуту раздражения, но теперь злоба их улеглась, и они не захотят вредить вам.

– Тем лучше! Но мой негр все же посторожит здесь без меня, и где бы я ни был в городе, всегда услышу его рожок в случае тревоги. Я приду к вам через полчаса.

Мистер Дейтон ушел, а Смарт воротился в гостиницу, где его ожидал неприятный прием. Миссис Смарт находилась в самом отвратительном расположении духа, вследствие сцены, произошедшей перед гостиницей, а также и потому, что ей пришлось хлопотать без отдыха целый день. Она была не из числа женщин, которые переносят неприятности молча, и чувствовала всегда потребность излить на кого-нибудь свою досаду. Заслышав шаги мужа, она сдвинула на затылок шляпу, защищавшую от огня очага, подбоченилась и встретила супруга такими словами:

– Ну, что путное изволили совершить сегодня, мистер Смарт? Ведь стоит мне только отвернуться, как случается беда! Нет на свете такой глупости, в которую не постарался бы сунуть свой нос мистер Смарт!

– Миссис Смарт, – ответил владелец гостиницы, бывший

в таком отличном настроении, что тон супруги не мог нарушить его веселости, – миссис Смарт, я спас сегодня жизнь человеку и полагаю...

– Спас жизнь человеку! И к чему, позвольте узнать? О чужих жизнях заботится! Вы подумали бы лучше о жене. Вам и дела нет до того, как она работает, мучится. Вы бросаетесь бочками виски, как будто оно так и валяется на улице, а мне не приходится трудиться в поте лица для того, чтобы приобрести это самое виски!

– Я полагаю, – закончил свою фразу Смарт, совершенно спокойно и как бы вовсе не слыша гневной тирады жены, – я полагаю, что заплатил за него не слишком дорого.

– А я вам скажу, – вскричала миссис Смарт, выведенная из себя хладнокровием мужа, – я вам скажу, что вы человек бесчувственный! Вы не жалеете собственного сына! Наш Филипп уже подрастает, но вам до этого дела нет, вы ведете дела к разорению, и когда бедный мальчик достигнет совершеннолетия, ему некуда будет голову приклонить! Вы изверг, а не отец!

– Изверг, о котором вы говорите, тоже не знал, куда ему голову приклонить, когда возмужал, – сказал Смарт, улыбаясь и потирая руки. – Но Смарт-отец дал хорошее воспитание Смарту-сыну, и Смарт-сын так воспользовался его воспитанием, что сумел через несколько лет завести собственную, лучшую всей Хелене гостиницу. В настоящее время старый Смарт уже умер, молодой Смарт сам стал старым

Смарт, если же, согласно обычному течению жизни, молодой Смарт...

– Ах, довольно всякого вздора о старых и молодых Смартах! Займитесь делом, загляните в конюшню, пришлите ко мне негра, надо, чтобы он нарвал бобов в огороде, принес сахар со склада. О, мистер Смарт! Ваше легкомыслие сведет меня в гроб!

– Мой сын послушает советов старого Смарта, как бывший молодой Смарт слушал, во время оно, своего старика, – продолжал янки с тем же невозмутимым спокойствием. – Поэтому можно надеяться, что Смарт-сын сумеет заработать себе на хлеб не хуже своего отца и столь же честно, как отец.

– Пошлите ко мне Сципиона! – почти прорычала миссис Смарт, вне себя от бешенства и колотя чумичкой по столу. – Слышите, Ионафан? Пошлите сюда негра и уходите, если не желаете моей смерти. Если же не уйдете, я воспользуюсь кухонным правом³!

Произнеся эту угрозу, миссис Смарт схватила половник и опустила его в кипяток.

Смарт хорошо знал, что его жена никогда не приведет подобную угрозу в исполнение, она слишком хорошо понимала характер своего мужа, для того чтобы осмелиться перейти от угроз к действиям, однако, ради прекращения спора, он

³ «Кухонное право» – укоренившийся обычай плеснуть кипятком в потолок того, кого хотят выдворить из кухни. Этим «правом» пользовались обычно судовые коки.

встал, пошел к двери и, уже на пороге, спросил, не прикажет ли она еще чего, прежде чем он уйдет из дома?

Такое молчаливое признание за нею непререкаемого авторитета в хозяйстве тотчас же смягчило ее сердце. Она отошла от кастрюли с кипятком, вытерла передником лицо и проворчала:

– Если у вас вечно какие-то дела, то, разумеется, вам не до хозяйства! Я должна, однако, напомнить насчет лошадей.

– Им дан корм.

– А бочка с сахаром?

– Ее уже доставили в контору.

– Вот еще бобов надо бы.

– Сципион набрал их уже с полчаса тому назад.

– Прекрасно, но те две комнаты, которые нужны только что прибывшему джентльмену?

– Они готовы, мы прибрали их вдвоем со Сципионом. Угодно ли вам приказать еще что-нибудь, миссис Сمارт?

Досадуя в душе на то, что не к чему придраться, миссис Сمارт принялась ворошить угли на очаге с таким ожесточением, что лицо ее совсем побагровело. Потом она попыталась приподнять тяжелый котел с водой, но не смогла даже сдвинуть его с места. Ионафан подошел к плите, подвесил котел, потом с улыбкой повернулся к сердитой жене, громко чмокнул ее в румяные щеки и вышел, засунув руки в карманы и насвистывая популярную национальную мелодию «Янки Дулл».

Глава III

Будни гостиницы «Союз»

Гостиницы в Соединенных Штатах весьма своеобразны, но походят одна на другую, как станции железных дорог. На прилавке – все равно, мраморный он или окружен простой деревянной решеткой – неизменно красуются маленькие графинчики с мятными или полынными эссенциями, корзинки с апельсинами и лимонами, различные вина, настойки, ликеры и бутылки шампанского с горлышками, покрытыми свинцом.

Кроме как в частных домах, настоящего комфорта нигде в Америке нет, не ищите его ни на постоянных дворах, ни в нарядных отелях, ни в простой харчевне, ни в меблированных комнатах!

По большей части, в общем зале стулья стоят только возле камина. И забавно, что даже летом, когда в камине нет огня, курильщики все же садятся не иначе как здесь и поплевывают в очаг. Никому не придет в голову остаться на полчаса за столом со стаканом вина в руках, чтобы побеседовать с приятелем или посидеть спокойно в стороне, наблюдая за входящими. Здесь в обычае стоять группами, выпить наскоро стакан вина, пробежать мельком газету и затем поспешить прочь заниматься своими делами или удовольствиями.

Гостиница «Союз» ни в чем не отступала от общего правила. В большом зале, прямо против двери, помещалась стойка с обычными принадлежностями, посередине стоял квадратный стол с лежащими на нем газетами, и все убранство комнаты довершалось дюжиной стульев, стенными часами с гирями и маленьким зеркалом.

Состав посетителей был несколько разнообразнее обыкновенного. Лишь двое из них сидели, и так неподвижно, что их можно было тоже принять за предметы украшения зала; сидели они у камина, спиной к остальной публике, положив ноги на каминную доску.

Основная группа состояла из молодого местного адвоката по фамилии Робиас, фермера, приземистого человека, которого нельзя было не признать за моряка, несмотря на его потертый черный цилиндр и светло-голубую блузу, и почтальона, развозившего письма и посылки между Хеленой и почтовой станцией Стронг на реке Сент-Френсис.

Предметом разговора служило только что случившееся происшествие. Почтальон, маленький, худенький человек, двадцати пяти лет, очень дивился тому, что целая толпа сильных и смелых людей дала провести себя и упустила из рук свою жертву.

– Джентльмены! – восклицал он, повторяя беспрестанно это слово, как бы для того, чтобы убедить всех и в своей принадлежности к джентльменству. – Джентльмены! Вырождается род людской в Арканзасе! Демократический принцип

утрачен, и монархические идеи набирают силу! Джентльмены! Я убежден, что в Вашингтоне скоро изберут короля, и королем этим будет генерал Скотт.

– Скотт? Какой вздор! – перебил фермер. – Но, во всяком случае, если его «там» выберут, пусть и держат его у себя. Перейти Миссисипи мы ему не позволим. Наши деды, проливавшие свою кровь за независимость, восстали бы из гробов, чтобы покарать нас за подобный позор! Это все европейские выходцы сеют здесь рабские идеи. Собаками бы их затравить, негодяев!

– Зачем? – возразил адвокат. – Нас защитит наша конституция.

– Конституция? Да она сама не устоит, если мы ее не защитим! От вас, адвокатов, толку немного. Фермер – вот сила, это настоящая опора государства! Он землю возделывает, дает ход промышленности, своим потом удобряет почву Америки и никогда не жалуется на тяжелый труд! Конституция! Что в ней проку, если народ слаб и никуда не годится?

– Верно, – подтвердил почтальон, хотя вовсе не понял основной мысли фермера. – И вот почему меня удивляет, что целая сотня людей послушалась одного человека. Случись все это при мне, я показал бы им, – он оглянулся, чтобы удостовериться в отсутствии трактирщика, – показал бы как проучить этого янки, вмешивающегося не в свои дела!

– Что до меня, – возразил хладнокровно фермер, – то я, напротив, очень доволен тем, что народ дал себя образумить.

Видно, что здесь, в городе, все же меньше негодяев, чем говорят, и встречаются люди, способные навести порядок. Но что еще нового?

– Продали с торгов дом и земли Голькса, – ответил человек в голубой блузе.

– Голькса? Богача Голькса? – с изумлением воскликнул фермер. – Быть не может! Я приезжал сюда на прошлой неделе и ничего не слышал...

– С тех пор много чего произошло! Голькс, как вам известно, отправился с товаром в Новый Орлеан. Барка его затонула, весь экипаж, наверное погиб, потому что молодой Голькс возвратился один.

– Как, разве у старика имеется сын? Голькс не был женат.

– Был, когда-то прежде женат. Молодой Голькс очень желал остаться здесь, но с ним случались приступы лихорадки, и место ему опротивело так, что на третий же день по возвращении он решил все продать. Сегодня и состоялись торги.

– Видно, малый не любит терять времени! – заметил почтарь. – И задешево пошел дом?

– Нет, – сказал Робиас. – Ведь это самое красивое здание во всем городе! Охотников купить нашлось много, в том числе я сам и мистер Дейтон. Но здешний хозяин перебил у всех нас кусок, набавил цену, да еще заплатил наличными немедленно. О, мистер Смарт славно обделывает свои дела!

– Все это странно, – проговорил фермер. – Голькс говорил мне, что у него нет ни детей, ни родственников в Америке, и

что он собирается продать здесь все и вернуться в Германию.

– Он любил молодиться и поэтому выдавал себя за холостяка, – заметил блузник. – Вы знаете, может быть, молодую вдовушку, что живет рядом с Дейтонами?

Говоря это, он скривил рот в язвительной усмешке.

– Да, жаль бедную женщину! – сказал молодой торговец, подошедший к группе при последних словах говорившего. – Ведь они были помолвлены, как говорят. Она убита горем, а бедный Голькс, вместо брачного ложа, покоится на дне Миссисипи!

– Однако что-то очень уж много судов погибает на этой реке, – заметил фермер. – Правительство должно бы позаботиться об очистке русла. Сколько тут схоронено человеческих жизней, да и ценнейших грузов.

– Сами хозяева часто виноваты, – живо возразил блузник. – Сидит себе человек на земле, никогда на воде не бывал, но вдруг построит плоскодонную лодку или купит старую, никуда не годную, нагрузит ее и сам у руля станет. Что же мудреного, если невзначай наткнется на что-нибудь? С Миссисипи шутки плохи! Жалеют заплатить сорок или пятьдесят долларов хорошему лоцману, вот в чем вся беда!

– Это не совсем справедливо, – заметил фермер. – Дело в том, что зачастую в лоцманы нанимаются люди, вовсе не знакомые с рекой. Они клянутся, что изучили ее фарватер в тонкости, а в сущности, пускаются на удачу. Пронесет Бог – хорошо, получай большие деньги, не посчастливилось – что

ж, плавать мы, разумеется, можем, до берега доберемся, а остальные пусть пропадают!

– Всякое бывает, конечно, – произнес блузник с презрительной усмешкой, – но...

– Вы говорите о лоцманах? – вмешался в разговор маленький, сухощавый, седой человечек, со странно бегающими серыми глазками. – Не о том ли именно лоцмане, который побывал у меня в руках и мог бы служить образцом для врача-специалиста, интересующегося переломами? У него было сломано четыре ребра, рука пополам, затылок раздроблен, но человек все же оставался живым! Я старался поддерживать в нем жизнь целый час, но он так и скончался в мучениях.

– Я думаю, что было бы человечнее дать ему скорее умереть, – перебил фермер.

– Этот несчастный пострадал при взрыве котла на пароходе «Генерал Браун», – сказал адвокат. – Около пятнадцати человек погибли при этой катастрофе.

– Были и еще интереснейшие раненые, – перебил опять маленький человечек. – У одного негра голова висела на лоскутке кожи, а у одной женщины...

– Избавьте нас от подробностей, – прервал его фермер, морщась. – Они отобьют весь аппетит.

– Извините, но они имеют неоценимое значение в научном отношении, и, смею вас уверить, что берега Миссисипи просто кладезь для изучения трупов и ран! Так, например,

близ Виктории на слиянии двух рек ежедневно находят тела. У одного из них на бедре...

– Да замолчите, черт вас возьми! – с бешенством крикнул человек в блузе. – Я часто видел кровь и сам не какой-нибудь неженка, но терпеть не могу хладнокровных рассуждений о страданиях человеческих! Душу воротит от ваших речей!

– Ладно, ладно! Не стоит и слов терять с подобными людьми! – закричал в ответ странный человечек, нахлобучивая шляпу и выбегая за дверь. – Понятия ни о чем не имеете!

– Это кто, доктор? И практикует он? – с любопытством спросил фермер.

– Собственно, он вовсе не врач, – отвечал адвокат. – Но все зовут его доктором потому, что у него страсть говорить о ранах, трупах, хирургических операциях. Обращаются же к нему, как к врачу, изредка разве только эмигранты, да и то по ошибке. Он живо отправляет их на тот свет и сохраняет трупы в спирту или иным способом, составляя, таким образом, то, что он называет своим музеем. Он даже ворует с кладбищ головы покойников с этой целью.

– Можно ли поверить, что человек находит удовольствие в подобном занятии! – воскликнул фермер.

– Это у него своего рода мания, – продолжал Робиас. – Живет он одиноко в лесу, неподалеку от города. Навещают его там разве только волки и коршуны.

– Скажите, кстати, правда ли все, что рассказывают о линчевателях? – спросил фермер недоверчиво. – В газетах бы-

ло описание их расправы с методистским проповедником, которого они будто бы сожгли заживо. Не верится что-то. Неужели законные власти оставили безнаказанным этот варварский акт?

– О! – Воскликнул человек в блузе. – Что ваши суды против людей, которые берут на себя исполнение правосудия? Законы хороши для старух и детей, которые верят канцелярским писакам, а остальным надо уметь самим постоять за себя в такой стране, где суд плохая защита! Суд Линча – действенный суд!

– Нет, я другого мнения, – возразил фермер. – Наше законодательство возвело Соединенные Штаты на ту высоту, которую они занимают, и долг каждого гражданина уважать однажды признанную власть. Я не спору, что совершается много преступлений, избегающих законного возмездия, но, тем не менее, всякий американец должен свято чтить законы, потому что они обеспечивают нашу свободу. Однако становится поздно, мне надо торопиться, чтобы успеть до ночи в Кильон.

Он простился со своими собеседниками, сел на лошадь, привязал к седлу два мешка с деньгами и поехал рысью из города, направляясь к лесу, расстилавшемуся к северу от Хелены.

Глава IV

Вечер у Дейтона

Веселое общество сидело за чайным столом в гостиной прелестного коттеджа. Дейтону пришлось позвонить два раза, потому что громкий говор, смех и мелодичные звуки вальса заглушили первый звонок хозяина дома.

– Наконец-то! – воскликнула молодая девушка, вскакивая из-за рояля и бросаясь навстречу Дейтону. – Самый строгий и точный из судей заставил сегодня ждать себя самым непростительным образом!

– Неужели шалунья Адель ожидала меня? Неужели она заметила хоть раз мое отсутствие?

– Заметила, как и всегда замечая, но сегодня была особенная причина для этого. Мистер Лейвли ждет вас уже целый час, господин доктор, и намерен сообщить вам что-то очень важное и ужасное, судя по тому, что он не произнес еще ни одного слова с тех пор, как прибыл сюда. Миссис Бредфорд тоже здесь.

– Позвольте вставить слово, моя милая! – перебила девушку названная ею гостья. – Я знаю, что я не молчалива, и сознаю эту слабость, а как говорит достопочтенный мистер Лоторг, «сознающий свой грех уже на пути к совершенству». Мой дорогой покойник – ангел кротости и терпения! – не

хотел признавать этого. Поверите ли, мистер Дейтон, что он все время упрекал меня в том, будто я много говорю? «Друг мой, – говорила я, – сознаю, что я болтлива, но если сознаю, то и исправлюсь!»

– Не хотите ли еще чашку чая, миссис Бредфорд? – предложила миссис Дейтон, в надежде остановить неиссякаемый поток слов, а Адель воспользовалась минутой, чтобы снова заиграть вальс, звуки которого остановили автобиографические излияния гости.

– Почту принесли, Адель? – спросил Дейтон у девушки.

– Нет еще, но мистер Лейвли вполне способен ее заменить, – ответила шалунья, поглядывая искоса на молодого человека, которому, очевидно, было не по себе. Он решительно не знал, как себя держать. Сначала закинул правую ногу на левую, потом вытянул обе чуть ли не до середины комнаты. Точно также ему мешали руки, и вообще, он напоминал рыбу, выброшенную на берег. Особенно смущал его насмешливый взгляд Адели. Он уже порывался уйти, но его шляпу далеко запрятали.

Между тем Джеймс Лейвли был вовсе не из робких или простоватых. Он считался очень толковым фермером и смелым охотником, но вырос среди лесов и потому умел проявлять свои таланты только там, а в женском обществе совершенно терялся. В этот вечер его окончательно доконнали шуточные выходки Адели.

Желая ободрить молодого гостя, Дейтон стал расспраши-

вать его о домашних делах, о здоровье родителей, о хозяйстве. Юноша тотчас оживился.

– Благодарю вас, – заговорил он. – У нас все обстоит хорошо, только черная корова вчера захворала, вот почему и здесь. По крайней мере, это одна из причин моего приезда. Но я хотел бы...

Он заикнулся, покраснел до ушей и бросил взгляд на дам, сидевших в стороне.

– Я хотел бы... мне было бы желательно...

– Не стесняйтесь, мистер Лейвли! – вскричала миссис Бредфорд. – Забудьте о нас! И не думайте, что мы, как женщины, не сумеем сохранить вашей тайны. Мы болтаем, но не проболтаемся! Мой покойник говаривал: «Ты даже слишком сдержанна, Луиза! Ты не выдашь, чего не захочешь, хотя бы тебя пытали десять инквизиторов! Ты»...

Новое шумное аллегро Адели прервало и на этот раз словоизлияния миссис Бредфорд, и мистер Дейтон спросил у молодого человека, в чем заключается дело, о котором он хотел ему сообщить.

– Никакого дела нет, сэр... – Произнеся это, мистер Лейвли с каким-то отчаянным порывом сунул обе руки себе в карман и тотчас выдернул их обратно, точно натолкнулся на горячие уголья. – Никакого, сэр... Но матушка полагала... то есть, отец говорил... что если вам будет угодно... то есть, если ваши дамы пожелают... приехать к нам... то есть, если вам это приятно... и погостить... сколько будет угодно, то

есть подолее... Матушка надеется...

Приглашение, очевидно, нисколько не касалось миссис Бредфорд, но она сочла необходимым откликнуться на него прежде всех.

– Миссис Лейвли, право, слишком любезна! – воскликнула она. – Правда, вода в Миссисипи прибыла, и вся река запружена судами, но все же перебраться можно, и хотя теперь самый разгар торговли, всегда есть возможность найти недельку-другую, чтобы погостить у добрых соседей. Мой покойник неустанно твердил: «Луиза, ты не знаешь, что значит доброе соседство!» Поблагодарите вашу матушку, мистер Лейвли... На будущей неделе непременно приеду.

Сказав это, она принялась пить чай, а Джеймс окаменел от ужаса. Мысли его так спутались, что он задал себе вопрос, не пригласил ли он и в самом деле эту ужасную болтунью, которую не терпели в его семье? И только ласковый тон миссис Дейтон привел его в чувство.

– Мы будем у вас непременно, – проговорила она. – Но садитесь ко мне поближе, расскажите о себе... Поправился ли ваш отец?

– Ему гораздо лучше, миссис Дейтон, недавно мы с ним охотились на медведя, уже по этому вы можете судить о состоянии его здоровья.

– И он по-прежнему ходит босиком? – спросила Адель.

– Это у него дурная привычка, – заметил Дейтон. – В ней причина его лихорадок. Скажите вашей матери, что она на-

прасно не настаивает на том, чтобы он носил обувь.

– Да что может сделать матушка? – возразил молодой человек. – Разве он послушается? Вы не знаете, до чего он упрям.

– Точно, как и мой покойник... – начала миссис Бредфорд, но речь ее была прервана таким громким звоном дверного колокольчика, что все вздрогнули. Один Дейтон остался спокойным.

– Пришел Смарт, – сказал он. – Я пригласил его на сегодня.

Ионафан Смарт вошел в комнату в шляпе, но снял ее тотчас и дружески пожал руки всем, за исключением миссис Бредфорд, которую удостоил кивком головы.

– Вижу и очень рад, что вы все в добром здравии, – сказал он, садясь. – Это мне чай, мисс Адель? Благодарю вас. Сливки не надо... а вот капельку рома, если позволите... Но я, кажется, прервал разговор? Извините, я знаю, что немного опоздал, но...

– О, вы всегда кстати, почтеннейший мистер Смарт! – воскликнула миссис Бредфорд. – Я рассказывала... Позвольте, о чем это я рассказывала? Ох и память у меня!.. Да, именно...

– Но доктор просил меня непременно прийти, во всяком случае, – продолжал свою речь мистер Смарт, как бы вовсе не замечая слов этой дамы. – И я не мог отказаться, особенно после того, что произошло...

– Что произошло? Мы ничего не знаем, – спросила Адель.

– Доктор ничего не рассказывал вам? – спросил Смарт.

– Решительно ничего! – воскликнули разом все женщины.

– Он оказал мне неоценимую услугу...

– Дорогой мой Смарт, я только выполнил свой долг как должностное лицо города, – возразил Дейтон.

– Он спас мне жизнь, рискуя своей собственной.

– Никакого риска не было, вы напрасно восхваляете меня, Смарт. Эти негодяи не посмели бы...

– Как бы не так! Они способны на все. Но вы удержали их и не дали убить меня и сжечь дом.

И Смарт рассказал в подробностях о происшествии.

– Вы упустили один эпизод, Смарт, – сказал доктор, – и именно то, что вы спасли ирландца, действительно рискуя жизнью. Один из этих мерзавцев уже прицелился в вас.

– Что за ужасы происходят в Хелене, однако! – заметила с тревогой хозяйка дома.

– То же, что и прежде не раз случалось, – возразил Смарт, пожимая плечами. – Но, правду сказать, городок наш славится происшествиями!

– Вот именно, как говорил мой покойник, – подхватила миссис Бредфорд. – Он не переставал меня убеждать: «Когда я умру, не оставайся в Хелене, Луиза! Ты женщина робкая. Куда тебе!» И я утешала его: «Будь спокоен, уеду, лишь только ты глаза закроешь». Но как мне сдержать слово? Я одинока, в чужой стороне мне будет еще более жутко, чем

здесь.

– У вас остался кто-нибудь в доме, сударыня, я надеюсь? – неожиданно перебил ее Смарт.

– Как? Что? Почему вы об этом спрашиваете? – вскрикнула она, быстро поднимаясь с места. – Никого у меня в доме нет. Я прогнала сегодня немца, которого наняла для поденной работы. Он так грубил! Но что с вами, мистер Смарт? У вас такое лицо...

– Не тревожьтесь, – спокойно ответил трактирщик, – может быть, то, что я видел, не имеет никакого значения.

– Что вы видели? Говорите!

– Ничего особенного, правду сказать... Какая-то женщина стучала в ставень окна вашей кухни.

– Женщина... в ставень...

– Да. Так как ей не отворяли, то она обошла кругом, постучала и, разумеется, напрасно. Тогда она вынула связку и стала подбирать ключ.

– Подбирать ключи к замку! И вы ее не остановили? Не велели арестовать? – в бешенстве, завопила миссис Бредфорд, надевая наскоро шляпу и накидывая на плечи мантилью. – И она вошла в дом? Говорите же! О, мистер Смарт!

– Я не могу ответить с точностью на ваш последний вопрос, миссис Бредфорд, потому что я посмотрел на часы, увидел, что и без того запоздал, и поспешил сюда.

– Оставив ее там! Это неслыханно!

– Что вы ищете, миссис Бредфорд? – спросила Адель.

– Шляпу, мою шляпу!

– Она у вас на голове, – вежливо произнес Смарт.

– Прощайте, миссис Дейтон... Адель... мистер Лейвли.

Доктор, не пойдете ли вы со мной?

Дейтон поднялся с места, но Смарт незаметно ему подмигнул. Доктор по выражению лица трактирщика понял, в чем дело, и сказал миссис Бредфорд:

– Я охотно пошел бы с вами, дорогая моя соседка, но мне необходимо закончить кое-какие расчеты с мистером Лейвли. Мой слуга вас проводит и пригласит констебля, если вы сочтете нужным, а потом вы можете прислать за мной.

– Мистер Смарт, – сказала миссис Дейтон с некоторой тревогой, когда испуганная гостя удалилась, – в самом деле, почему вы не задержали эту женщину?

Смарт весело расхохотался.

– Никакой женщины не было, дорогая миссис Дейтон! Дайте-ка мне еще чашечку чая. Просто, я сказал первое, что взбрело в голову, чтобы спровадить эту особу. Иначе она занимала бы нас весь вечер воспоминаниями о своем «дорогом покойнике».

Если бы миссис Бредфорд могла услышать единодушный взрыв смеха, который последовал за признанием Смарта, она не на шутку обиделась бы, но почтенная дама была уже далеко. Между тем весь этот эпизод так оживил общество, что даже бедный Лейвли сделался немного раскованнее и признался, что намерения этой дамы испугали его до крайности.

– Занудливая особа, – сказала миссис Дейтон, – и я не знаю, как от нее отделаться. Я ее не приглашаю, а она всегда приходит.

– Она вообще пользуется здесь незавидной славой, – заметил Сمارт.

– Я не люблю ее, но думаю, что слухи все же преувеличены, – возразил Дейтон. – Ее обвиняют в тайном сбыте водки неграм, и я установил за ней надзор, но пока ничего еще не выяснил. Разумеется, если она окажется виновной, я, в качестве судьи, не пощажу ее, несмотря на близкое знакомство, но отказывать ей от дома так, без видимой причины, не могу. Вы знаете здешнее общественное мнение: все стали бы тотчас кричать, что я-де зазнался, возгордился. Поэтому лучше уж терпеть ее несносную болтовню, нежели навлечь на себя общее нерасположение.

– Письмо мистеру Дейтону, – сказала служанка, отворяя дверь и держа в руках поднос с запечатанным конвертом.

– Кто подал, Нэнси?

– Почтарь, который разъезжает с мальпостом⁴. И он уверял, что спешное.

– Милая моя, – обратился Дейтон к жене, прочитав письмо, – меня спешно вызывают к опасно больному.

– Здесь, в городе? – спросила она с беспокойством.

– Нет, к сожалению, это в десяти милях отсюда, так что я вернусь только завтра утром. Нэнси, велите седлать лошадь.

⁴ Ящиком для писем позади почтовой кареты, перевозящей легкую почту.

– Джордж, – сказала миссис Дейтон со вздохом, – мне очень лестно, что здесь так ценят твои знания, но право, я была бы более счастливой, если бы ты оставался дома. Эти постоянные ночные поездки расстроят вконец твое здоровье.

– Ничего, – ответил Дейтон, надевая толстый плащ с рукавами. – Ты тревожишься совершенно напрасно. Ночная свежесть не повредит мне. Признаюсь, мне самому было бы приятнее скоротать вечер с вами, но что же делать? Могу ли я, ради своего удобства, оставить без помощи страдальцев, надеющихся получить от меня облегчение? И к тому же, когда мне известно, сколько здесь шарлатанов.

– Вы совершенно правы, – сказал Смарт, – но я не желал бы заниматься профессией, которая не дает покоя ни днем ни ночью. Кто тревожит вас на этот раз?

– Недавно прибывший сюда немец, некто Брандер. Заболел, вероятно, перемежающейся лихорадкой. Лошадь уже у крыльца. Прощайте... Вы тоже собираетесь ехать, Лейвли?

– Да, но по дороге ли мне с вами, мистер Дейтон?

– Не думаю, я поеду проселком, на Байлей. Тут короче.

– Без сомнения, но вам придется пересечь болото, – сказал Джеймс, – а это опасно даже днем.

– Дорога мне знакома, как здешняя главная улица! – возразил доктор. – У меня там свои отметины, я срубил несколько сучьев, мешавших проезду. До свидания, мои милые! Надеюсь возвратиться к завтраку.

Лейвли тоже почтительно раскланялся с дамами, не осмеливаясь, однако, взглянуть на Адель, и прошептал только:

– Могу ли я сказать матушке, что вы приедете завтра?

– Можете, – отвечала миссис Дейтон, протягивая ему руку, которую он удержал в своей, размышляя о том, можно ли и должно ли ему сказать что-нибудь и мисс Адель. Добрая хозяйка, понимая, что происходит в душе молодого человека, спросила его ласково: – И привезти мне с собой нашу молодую гостью?

Джеймс вздрогнул и так сжал ее пальцы, что они чуть не хрустнули.

– О, – проговорил он, краснея, – мисс Адель найдет, может быть, что у нас очень скучно. – Так не остаться ли мне здесь с миссис Бредфорд? – проговорила девушка.

– О, мисс Адель... вы осчастливите нас.

– Ждите нас, Джеймс, – решительно сказала миссис Дейтон, между тем как ее муж кричал с улицы:

– Что же вы, Лейвли? Выходите вы или нет?

Молодой человек опрометью бросился из комнаты и вскочил в седло. Они выехали из города вместе, но через несколько минут дороги их разошлись.

Смарт тоже простился с дамами и вышел, посвистывая, заложив руки в карманы, но направился не домой, а к реке, у берега которой были причалены плоскодонные барки и другие суденышки столь же примитивной конструкции.

Глава V

Таинственный остров

Вид Миссисипи был великолепен при свете луны, которая то ярко отражалась в серебристых волнах, то проглядывала сквозь облака, гонимые порывистым ветром. На самой реке было тихо, слышался только плеск волн, ударявшихся о бока барок и лодок, да голоса пировавших в прибрежных кабаках матросов.

Смарт медленно шел по берегу, поглядывая на воду. Неожиданно внимание его привлек человек, в котором он узнал спасенного им ирландца.

– Эй, любезный! – крикнул ему Смарт. – Видно, нос у тебя очень чешется или ты любишь холодные ванны. С какой стати ты толчешься по соседству с теми, кто хотел тебя погубить? Мне не удастся спасти тебя во второй раз, может быть!

О'Тул, не узнав сразу трактирщика, схватился было за нож, но сразу успокоился и отвечал шепотом:

– Эти люди еще хуже, нежели вы воображаете, мистер Смарт! Они члены настоящей шайки.

– Я думаю, они просто лентяи и пьяницы, – презрительно возразил Смарт.

– Нет, нет, у них есть особые сигналы. Заметили вы, что этот негодяй, которого я сбил с ног, свистнул как-то особен-

но, и тогда вся эта ватага кинулась на меня. О, у них свои знаки. Но я за ними слежу.

– А я советую вам, Патрик, держаться от них подальше, не то не миновать вам реки. Ну, прощайте!

Во время этого разговора одна шлюпка отделилась от берега, направляясь к середине реки, и потом повернула по течению. Рулевым на ней был тот самый человек со шрамом, который набросился на Патрика. Из девяти человек, находившихся с ним лодке, четверо гребли, остальные лежали на дне. Все эти люди участвовали в схватке перед трактиром Смарта.

– Не взять ли нам ближе к берегу? – спросил один из гребцов.

– Это зачем? Чтобы сесть на мель или обратить на себя внимание жителей? – возразил рулевой. – И то и другое во все нежелательно. Бросьте-ка весла, надо плыть как можно тише, пока не минуем город.

Шлюпка двигалась бесшумно и скоро оставила за собой городские предместья. По знаку рулевого гребцы снова заработали веслами, и легкое суденышко быстро понеслось в такой близости от берега, что они могли различать светляков, копошившихся в кустах и траве.

В одной миле далее лодке пришлось плыть мимо деревни. Чтобы избежать малейшего шума, люди обмотали весла холстом, но одно из них задело за пень, торчавший из воды, и выпало из рук гребца. Рулевой успел его подхватить, но это

не могло не вызвать некоторого шума, и две большие собаки выскочили тотчас с лаем из ближайшего домика, а какой-то человек влез на ствол смоковницы, опрокинутой в воду, и стал размахивать платком, чтобы заставить пльвших остановиться.

Спрятаться было нельзя, и рулевой спросил спокойно:

– Что вам угодно, мистер?

Говоря это, он повернул лодку против течения и громко приказал одному из гребцов ухватиться за сучья лежавшего в воде дерева, чтобы удержаться на месте.

– Берегись, Нил! Что ты делаешь? Лезешь волку в пасть! – шепнул один из гребцов с тревогой.

– Молчи! Я знаю, что делаю. Не следует возбуждать подозрений.

– Куда держите путь? – раздался вопрос с берега.

– К мысу Монтгомери.

– Есть у вас место? Можете принять одного пассажира?

– Добыча сама в руки лезет! – шепнул сосед рулевому. – Соглашайся, Нил, у этого малого наверняка есть поклажа, от которой его можно избавить.

– Нет! – крикнул рулевой, не обращая внимания на советы товарища. – Нас здесь уже вдоволь, и если встретимся с пароходом, то, пожалуй, и подвернемся под него... Отпусти! – приказал он державшемуся за дерево. – Ну, вперед!

– Отчего бы не принять пассажира? – заворчал говоривший. – Ты лишил нас верной добычи по своей прихоти, и

атаман не похвалит тебя за это.

– Не болтай о том, чего не понимаешь! – резко возразил Нил. – Забыл, верно, каких хлопот нам стоила недавняя история с дрянным чемоданишком? Не стоит руки марать из-за мелочи. Худо только, что нас видели, Ну, да ничего! Работайте дружно. Атаман ждет нас, он решит в эту же ночь насчет нашего ближайшего дела.

Гребцы налегли на весла, и скоро показался покрытый богатой растительностью островок.

Он состоял из наносной почвы, как и все острова на Миссисипи, и берега его защищались громадными камышовыми порослями, ивняком и исполинскими деревьями. Когда-то, по-видимому, здесь была пристань, но в то время, к которому относится наш рассказ, суда старались обходить этот островок, опасаясь окружавших его подводных камней. Он был известен под номером 61⁵. Избегавшие его судовладельцы не знали, что в чаще, притаившись, следили за ними какие-то люди, говорившие угрюмо:

– Счастье ваше, что вы не пристали сюда!

Остров лежал близ левого берега Миссисипи и имел в длину около трех миль; он расширялся к одной стороне, покрытой густой чащей, между тем как противоположная его сторона заканчивалась мысом, от которого тянулась отмель,

⁵ Если бы все острова, начиная с истока Огайо до Нового Орлеана были поименованы, это сбивало бы с толку речников, поэтому они обозначаются только номерами, всего на Миссисипи 125 островов различных размеров.

позволявшая доходить, при спаде воды, до другого островка, находившегося в полумиле далее. Второй островок считался принадлежащим к номеру 61, потому что вода, покрывавшая временами отмель, была все же недостаточно глубока даже для плоскодонных судов, хотя в июле, когда на Скалистых горах под жгучими лучами солнца таяли снега, сам островок покрывался водой. Справа номер 61 был защищен высокой грядой песчаниковых скал, которая тянулась в двухстах метрах от острова, заканчиваясь узкой полосой земли, покрытой деревьями.

Таким образом, скрывавшиеся на острове были вполне обезопасены от внезапного нападения на них с тех двух сторон, которые представляли собой какой-либо доступ с реки.

Фарватер, которым ходили по Миссисипи суда и пароходы, лежал к западу от номера 61. Ширина реки от вышеупомянутой лесистой косы к берегу штата Арканзас равнялась одной миле, а к берегу штата Миссисипи только полумиле. На обоих берегах, в виду острова номер 61, стояли лишь две полуразрушенные постройки.

Остров казался необитаемым, да и вовсе непригодным для жилья, судя по тому, что изложено выше, и путешественник, все же вздумавший пристать к нему, не скоро отыскал бы тропинку, по которой можно было проникнуть от берега вглубь. Поваленные громадные деревья заграждали всюду проход, и прорубиться сквозь них было не под силу человеку, по крайней мере на первый взгляд. Между тем на этом

острове, имелся целый поселок. Он состоял из девяти домиков, большого амбара-склада и пяти конюшен. Все постройки находились в связи между собой и располагались по подобию индейских крепостей, то есть представляли наилучший способ для обороны против превосходящих сил. Склад и один домик помещались в центре общего двора, прочие окружали двор, а конюшни, расположенные полукругом на восточной стороне, обращенной к штату Миссисипи, составляли уже сами по себе отличный блокгауз с бойницами. С западной стороны, наименее уязвимой при нападении, домики связывались между собой крепкими палисадами, а на крыше склада был установлен на турели фальконет⁶, служивший осажденным надежным средством защиты.

Между складом и соседним домиком, занимаемым предводителем шайки, находилась площадка, над которой раскидывался летом полосатый навес. Женатые люди размещались в отдельных домиках, для холостых был построен один, пообширнее, называвшийся «Bachelor's Halle»⁷. Он же служил местом общих собраний.

Таково было убежище «Речных акул», хозяйничавших на широкой Миссисипи. Атаманом их являлся человек, которому они беспрекословно повиновались, а его непререкаемый авторитет основывался на редком уме и беззаветной храб-

⁶ Старинная мелкокалиберная чугунная или медная пушка; устанавливалась на мелких судах.

⁷ Зал холостяков (*англ.*)

рости. Звался он капитан Келли, и головорезы, бывшие под его командой, страшно его боялись, но и преданы были ему безгранично.

От берега к поселку вели всего две тропинки и обе были искусно замаскированы как бы естественными заграждениями. Человек, незнакомый с ними, неминуемо угодил бы в болото или в непролазную чащу. Лодки пиратов были тоже укрыты от всякого постороннего глаза, но главной защитой злоумышленников была та полная тайна, которой они умели себя окружить. И для соблюдения этой тайны пираты выработали особую систему. Участники шайки связывались кровавыми клятвами, а разветвления ее среди населения штатов были так велики, обороты так обширны и скрытны, что желавший выдать своих, не знал бы кому довериться, потому что адвокат или судья, к которому он вздумал бы обратиться, вполне мог сам оказаться членом шайки и погубить его.

Вследствие всего этого остров номер 61 сделался надежным убежищем для всех, не ладивших с правосудием. Преступник укрывался на острове, а новые товарищи его искусно распускали слух о том, что он бежал в Техас. Атаман определил награду тому, кто предотвратит предательство, заколов вздумавшего изменить. Такая благоразумная мера, сулившая тысячу долларов чистоганом лицу, сохранившему общую безопасность, представляла столько соблазнов, что каждый ревниво следил за другим, равно как и за самим собой, удерживаясь от малейшей неосторожности.

В первую субботу каждого месяца происходило общее собрание членов под председательством Келли.

Пираты грабили чаще штат Миссисипи, нежели Арканзас. Один из них, затаившись на вершине дерева, как вахтенный на мачте, наблюдал за обоими берегами, подавая осторожные сигналы. Для бегства атамана от опасности на юго-западной оконечности острова за песчаной отмелью стояла всегда готовой лодка с притаившимися близ нее четыремя гребцами. Тропинка, которая вела к ней, была известна лишь посвященным. Эта лодка находилась на виду, но окружавшее ее мелководье не допускало к ней большие суда, и все считали ее просто брошенной.

Глава VI

Пираты и их атаман

В «Зале холостяков» царило веселье. В большом камине, несмотря на летний день, горел огонь, и двадцать рослых молодцов расположились возле него с трубками в руках.

Одеты, как обыкновенные судовые рабочие, они не носили при себе оружия, но стены зала были увешаны длинными американскими карабинами, французскими охотничьими ружьями, немецкими штуцерами, испанскими стилетами, всяческими ножами, топорами, аншпугами⁸. Одни из присутствующих напевали вполголоса грубые застольные или любовные песни, другие поджаривали на вертелах ломти дичи. Некоторые отбивали ногами такт песенки, которую громадный негр довольно верно наигрывал на плохонькой скрипке.

Вдруг дверь отворилась, и в зал вошел высокий и статный человек в черной суконной шляпе, надвинутой на глаза, широких матросских шароварах и лоцманской куртке.

Это был капитан Ричард Келли, предводитель шайки пиратов.

⁸ Деревянными или металлическими рычагами с заостренным концом, употребляемыми обычно для подъема и кантовки тяжестей на судах и другим боевым снаряжением.

Несмотря на грубость и дерзость, находившиеся в зале тотчас же поднялись и удовольствовались легким кивком, которым Келли ответил на их глубокие поклоны. Все молчали и почтительно смотрели на своего босса. Он подошел, так же молча, к камину, а некоторое время глядел на огонь и потом принялся быстро ходить взад и вперед по залу, заложив руки за спину.

– Вернулась лодка из Хелены? – спросил он у человека, появившегося в дверях.

– Нет еще, ваша милость, но, стоя сейчас очередным на вахте, я слышал вдали плеск весел. Прикажете что-нибудь?

– Пусть барка будет наготове, – распорядился Келли, опускаясь на стул, поставленный для него у камина. – Лошади должны прибыть из Арканзаса нынче ночью. Джонс обещал это наверняка, и их нельзя оставить здесь. Трое из вас переправят их в Уиксбург. Дальнейшие мои распоряжения получите там от констебля Брума.

– Замечательно, как нам сочувствуют административные лица! – со смехом воскликнул один из пиратов, по имени Блэкфут. – Вряд ли найдется город, в котором у нас не было бы сообщника между констеблями, сторожами, даже адвокатами, судьями или почтмейстерами! Поэтому, когда сажают в тюрьму кого-нибудь из числа наших в Арканзасе или в Миссисипи, это равносильно его оправданию. Поверите ли, капитан, что граждане Пинквилля выбрали на прошлой неделе в прокуроры нашего Тоби Кривого! Будь я проклят, если

не послушаю хотя бы одну из его речей!

Келли усмехнулся, но ничего не ответил и встал, говоря:

– Блэкфут, мне надо сообщить тебе кое-что.

Он вышел, не дожидаясь ответа, и Блэкфут последовал за ним на открытую площадку перед домом, ярко освещенную луной.

– Блэкфут, – сказал Келли своему подручному, – наши дела идут неплохо, но мы не вполне обеспечиваем свою безопасность. Наша тайна известна слишком многим, и если измена грозит смертью всякому, кто решился бы на нее, все же нельзя исключить невозможность предательства.

– Так что же? Допустим, что наше убежище будет открыто, какое свиное рыло возьмет нас здесь живьем?

– Но нам могут грозить опасности, которые трудно предвидеть. И если мы будем вынуждены бежать отсюда, где мы найдем другое, подобное этому, безопасное убежище?

– А маленький островок, заливаемый водой? А хижинки среди болот? Мало ли у нас нор!

– Да, но всего этого далеко недостаточно, – проговорил Келли, снимая шляпу и встряхивая волосами, мокрыми от росы.

Он был очень красив собой. Лоб его окружали волнистые пряди волос, в темных глазах читалась молодецкая удаль, рот оживлялся самонадеянной улыбкой. Глядя на него, Блэкфут спросил с недоумением:

– Чего же вы опасаетесь, капитан? Подозреваете кого-ни-

будь из наших? Назовите имя подлеца, и мы...

– Нет, – сказал Келли. – Была подобная опасность, но миновала. Тебе известно, что наш Роусон, будучи пойман, едва не выдал нас, стараясь спасти свою жизнь. Бели он не успел этого сделать, то лишь потому, что регуляторы сами оплошали и дали возможность индейцу Ассовуму спалить его заживо. Но подобный случай может повториться, наш остров могут превратить в груды развалин, мы останемся без приюта, и потому нам надо заблаговременно принять меры против подобной беды.

– Но что же мы можем сделать?

– Очень многое, и все это в наших силах. Начиная с завтрашнего дня, всю добычу из Нового Орлеана мы станем отправлять уже не сюда, потому что было бы глупостью копить здесь богатства на пользу тех, кто рано или поздно разорит наше гнездо. У нас есть немало сообщников в Техасе, и мы начнем переправлять все к ним. Не посчастливится нам здесь, – что же! Там будут у нас капиталы, с которыми мы сможем начать новые операции. Сверх того, несмотря на всю надежность нашей позиции здесь, на все предусмотренные нами меры по общей эвакуации, нас все же могут захватить превосходящие силы.

– Совершенно верно, но что же мы можем поделаться, спрошу я опять? И потом, рассудите сами, мы держимся здесь уже три года, и ни в штате Миссисипи, ни в Арканзасе, никто не подозревает о существовании нашего убежища!

– Именно эта трехлетняя безопасность обязывает нас не пренебрегать предосторожностями. Подумай, в течение последних десяти месяце сообщество наше так увеличилось, что сохранение тайны становится почти невозможной. Нас могут выдать, это почти неизбежно, и потому нам следует думать только о надежных средствах к обеспечению отступления отсюда в случае нужды.

– Какие еще средства? – спросил Блэкфут с недоумением.

– Нам необходимо завести свой собственный пароход.

– Пароход! Свой собственный! Великолепная идея! Мы можем отправиться на нем прямо в Техас. Но как вы рассчитываете добыть пароход? Купить или иным способом? А потом, и это главное, где мы его будем держать, так, чтобы он был всегда под руками? И выходит, что мысль прекрасная, но не неосуществимая.

– Вполне осуществимая, Блэкфут. И именно ты станешь капитаном парохода, развозящего грузы между Мемфисом и Напомоном. Это даст нам возможность связываться с сообщниками, и пароход будет всегда под рукой. Он может даже стоять здесь подолгу на якоре. Проезжающие суда будут думать, что он принадлежит лицам, которые захотели пробраться восточным рукавом реки, чтобы объехать номер 61 вокруг.

– Но покупка обойдется нам недешево.

– О, за деньгами дело не станет. Сэвидж Билл извещает меня, что ведет сюда с берегов Уабаша барку с богатым гру-

зом и что у владельца ее мы найдем порядочную сумму наличными. Пишут мне также из Питсбурга, Цинциннати, Луисвилла и других мест, что к нам в руки направляется немало роскошной добычи. Удвой сторожевые посты, чтобы не пропустить ни одного груза. Ночи теперь коротки, и надо успеть убрать захваченное до рассвета, иначе всякий проезжий судовщик выдаст нас.

– Кому вы поручите покупку парохода?

– Я отправился бы сам для этого в северные штаты, но у меня сейчас есть дела здесь. Что пишет оттуда Симпсон?

– От него никаких известий, и это очень даже странно. Он все еще в Джорджии, и последние донесения о нем говорят в его пользу.

– Мне кажется, что он действует слишком самостоятельно и намеревается пользоваться нашей поддержкой только пока это приносит ему личную выгоду. Но его нетрудно осадить. Мы напустим на него нашего адвоката Брума.

– Но Брум уже выехал оттуда, он здесь.

– Что ж, отправим его обратно. Он может взять одну из тех лошадей, которых сюда приведут, и продаст ее там. Приготовили настилку, чтобы перевести их с парома?

– Все готово, капитан. Но позвольте мне спросить: как прошла эта продажа с аукциона в Хелене? Наш самозванный наследник не попался? Признали его права?

– Как же! – ответил Келли, смеясь. – Штука отличная, ее можно и повторить при случае. Сумма выручки получилась

порядочная.

– И неужели никаких подозрений? Эти простаки поверили тому, что Голькс со всем экипажем погиб в Миссисипи? И смерть его приписали гибели лодки у наших подводных камней? Забавно! Любопытно мне также знать, как были проданы три последние наши барки в Новом Орлеане. Их перекрасили?

– Нет, но в будущем придется это делать обязательно. Я распорядился привезти краску, и первое же захваченное судно мы сначала перекрасим и уже в таком виде отправим в Новый Орлеан, – разумеется, если груз будет того стоить. Мне сообщили адрес негодянта, который будет забирать от нас весь товар. Да, вот еще что, Блэкфут: вчера прибыл в Хелену один человек, который едет в Литл-Рок для покупки там земель, соседних с нашими в Арканзасе. Выедет из Хелены он завтра рано утром на серой лошади.

– Один?

– Нет, его провожают почтарь, который состоит при мальпосте и знает в чем дело. Он подготовит все: они прибудут вместе к почтовой конторе в поселке Стронг, но приезжий не желает ночевать там, опасаясь, что с него возьму чересчур дорого, а остановится в доме, удаленном на три мили от Стронга. Дом на правой стороне дороги, на окне будет стоять зажженная свеча. Понимаешь?

– Как не понять! И эта экспедиция не потребует большого труда, разумеется. Но что прикажете делать с девушкой,

которую привели сюда вчера наши люди? Мне кажется, она помешанная.

– Как же ты допустил ее сюда на остров? – крикнул Келли, топнув ногой. Я же приказал кентуккийцу покончить с ней, но он так упрям.

– Я не очень доверяю этому человеку, ваша милость. Боливар открыл мне на многое глаза.

– Этот негр – хитрая голова, поручи ему следить за кентуккийцем. Затопили обе барки, с которых сняли груз?

– Да, ваша милость, в двух милях отсюда, подальше от острова.

– Прекрасно. Не худо бы тоже бросить одну или две затонувших лодки на берегу, чтобы отбить охоту у всех приставать сюда.

– Как же вы решаете насчет парохода?

– Скрывать это от товарищей нельзя, потому что деньги будут взяты из общей кассы, – ответил Келли после некоторого раздумья. – Я поговорю об этом на собрании. Где же сейчас девушка?

– Я запер ее во втором номере, но миссис Келли сжалилась над бедняжкой и взяла ее к себе.

– Вот хорошо! Джорджина прекрасно знает, что такое мне может не понравиться. Надо спровадить эту дурочку, Блэкфут, и как можно скорее. Пошли ко мне Болиvara. Здесь и без того слишком много женщин, что тоже это заставляет меня опасаться за нашу безопасность. По уставу, нам можно

держат здесь лишь двадцать женщин, а Блэкфут уже восемнадцатая!

Говоря это, капитан ходил взад и вперед в большом волнении, но внимание его было отвлечено прибытием людей из Хелены. Они шли гуськом по узкой тропинке и раскланивались с атаманом. Тот даже не ответил на их приветствие и сухо спросил:

– Письма где?

– Одно только, ваша милость, – сказал человек со шрамом на лице, – и почтмейстер передал мне его за несколько минут до нашего отъезда.

Келли поспешно взял письмо и направился к дому, но остановился у входа и сказал Блэкфуту:

– Пошли же ко мне негра, и если лошади придут ночью, дай им отдохнуть несколько часов, но на рассвете выкупайте их и отправьте тотчас же в глубь страны. Сандерс вернулся?

В ответ на это, вперед выдвинулся молодой человек, который мог бы назваться красавцем, благодаря своему стройному стану, голубым глазам и длинным белокурым волосам, но он был так пьян, что вся его привлекательность исчезала. Он сделал несколько шагов, пошатываясь и бормоча:

– Капитан Келли... имею честь.

– Довольно Сандерс, проспите! Я потребую вас к себе завтра утром. Идите к себе.

Сказав это, Келли вошел в свой домик и запер дверь на замок. Сандерс поплелся назад, продолжая бормотать:

– Скажите, как бесцеремонно! Потребую вас утром к себе. Спрашивается, зачем? Чтобы свернуть голову еще какой-нибудь несчастной девчонке? Разбить ей сердце? Ну, пусть он меня представит... пусть его... Товарищи мои! Порою мне так...

– Ну, ну, полно! – перебил его Блэкфут, хватая под руку. – Мы устали, спать хотим. И тебе тоже надо выспаться, а то глаза будут красные, перестанешь нравиться женщинам.

– Правда твоя... Правда, Блэкфут! Идем спать! Мы что, воруем сердца! Слава купидону и всем смазливым рожицам! Ты не сердись на меня, Блэкфут? Не сердись. Но хотя бы мне миллионы давали, не променяю я своей наружности... на твою... или на такую, как у того... Со шрамом.

– Ладно, ладно! Где уж нам равняться с тобой! – отвечал Блэкфут со смехом. – А все же ложись. Завтра у нас много работы.

Он уложил его и не уходил, пока тот окончательно не заснул, иначе Сандерс мог подняться снова и напиться уже так, что никуда не годился бы на другой день.

Глава VII

Красавица Джорджина

Маленькая комнатка среднего домика, убранная с баснословной роскошью, была до того переполнена вещами, — десятой доли которых вполне хватило бы для ее украшения, — что походила более на магазин, нежели на будуар.

Три стены этого покоя были затянуты драгоценнейшими шелковыми материями, затканными серебром, но и эта чудная обивка почти полностью закрывалась зеркалами, картинами, статуэтками из бронзы, слоновой кости, великолепными канделябрами и роскошным оружием. Четвертая стена была тоже разукрашена всевозможными дорогими вещами, но сама она представляла собой подобие стенки в корабельной каюте. Такое сходство придавали ей крошечные оконца со ставнями из деревянных пластинок. Простенки между оконцами были полузакрыты тропическими растениями, вползавшими до потолка, одеждами из индийских тканей и оружием тоже индийского производства.

Все это убранство производило впечатление излишества, неумеренного, не смягченного вкусом великолепия, и скорее неприятно поражало взор, нежели очаровывало его.

Посередине роскошного будуара стоял диван, на котором лежала молодая женщина в белом платье, опираясь на мяг-

кие подушки.

Рядом с ней, на низеньком табурете, сидела другая женщина, закрывавшая лицо руками и, казалось, впавшая в глубокое отчаяние.

– Он не умер, дитя мое! – говорила женщина в белом, ласково поглаживая её волосы. – Верьте мне, он жив и уже ищет вас, может быть. Но как ему узнать, где вы находитесь?

– Нет, – отвечала та, поворачивая к ней мокрое от слез лицо, – он не вернется никогда, он на дне реки. Разве я не видела, как его поразила пуля, как он упал? Я услышала плеск воды при падении тела и после этого лишилась чувств.

– Слушайте, Мария, я все же не знаю ничего до конца. Если вы рассчитываете на мою помощь, то должны рассказать мне все подробно.

– Вы хотите, чтобы я еще более растрвила свои раны? Но не сердитесь, слушайте. Шесть месяцев назад, тот, кого я позже полюбила, появился у нас в доме в первый раз. Он был так добр, благороден, благочестив. Родители мои не отвергли его любовь ко мне и благословили наш союз. Я стала женой моего Эдуарда, но он все время восхищался югом, на котором бывал прежде, и уговорил моего отца переселиться из Арканзаса туда. Отец продал свое поместье, получил за него хорошие деньги, и мы отправились в Луизиану, погрузив все наше имущество на плоскодонную барку. Эдуард взялся править сам, без помощи лоцмана, потому что отлично знал наши реки. Действительно, мы благополучно прошли Уабаш,

Огайо и вышли в Миссисипи. Но третьего дня, по ошибке Эдуарда, быть может, мы наткнулись на островок... О, я не могу больше, я схожу с ума!

– Что случилось с Эдуардом? С вашим отцом, матерью?

– Они все погибли.

– А вы?

– О, пожалейте меня! Не спрашивайте более. О, Боже! Эдуард, мой Эдуард не смог даже защитить свою жену, не мог избавить ее от этих отвратительных воспоминаний.

Она замолчала, беспомощно опустив голову на грудь.

– Вы останетесь со мной, Мария, – произнесла слушавшая ее женщина. – Вас не заберут от меня. Он не посмеет! – прибавила она, как бы говоря с собою. – Я приложу все усилия. А сейчас отдохните.

Она встала и отвела несчастную в небольшую комнатку, примыкавшую к будуару. Едва успела она затворить дверь, как послышались шаги, вошел Келли и спросил с заметным раздражением:

– Где женщина?

– Так-то здороваается теперь Ричард со своей Джорджиной? – проговорила красавица шутливо. – Ему нужно видеть чужую женщину, а не меня!

– Нет, Джорджина, – сказал он ласковее. – Ты знаешь, что я вижу только тебя среди всех.

Он нежно обнял ее, но продолжал:

– Мне все же нужно знать, где она. Ты поступила нехоро-

шо, взяв ее сюда.

– Слушай, Ричард. – сказала Джорджина, обвивая своими прелестными руками его шею, – я попрошу тебя оставить ее при мне. Ты сам знаешь, до чего грубы, невоспитанны здешние женщины, и они ненавидят меня, за то, что я не разделяю их циничных удовольствий. Мария дочь простого фермера, но такая милая, и, видимо, образованная. Она станет моей подругой, и это утешит ее в собственном горе.

– Дорогая моя, ты знаешь наш устав, – возразил Келли, усаживаясь на оттоманку. – Женщины не должны вмешиваться в распоряжения, касающиеся общей безопасности.

– Я замечу тебе, Ричард, что ты никогда не делаешь ничего для меня. Что бы я не попросила, у тебя всегда найдется причина мне отказать. Вот, к примеру, ты ни разу не брал меня с собой в Хелену.

– Я уже говорил тебе, что и сам не смею туда показываться.

– Так оставь мне хотя бы Марию, единственную, на которую я могу здесь смотреть без отвращения.

– Это очень лестно для меня.

– Ты несносен сегодня, Ричард!

– Будь благоразумна. Оставаясь здесь, эта женщина неизбежно увидит Сандерса.

– Так это он, негодяй!?

– Не осуждай его, он нам очень полезен. Но мне надо поговорить с тобой о деле. Наше положение здесь становится

слишком опасным, нам необходимо скрыться отсюда вглубь Техаса. Будь готова на всякий случай.

– А твои товарищи?

– Они выберут себе нового атамана.

– А если они не захотят тебя отпустить?

– В таком случае, они последуют за мной, – ответил Келли с видимым смущением. – Но, как бы то ни было, Марию нельзя здесь оставлять. Надо опасаться всего, что может выдать наши намерения.

– Но что станет с ней, если я соглашусь с твоим требованием? – с тревогой спросила Джорджина.

– Боливар отвезет ее в Натшец. Ты довольна?

– Мне приходится всегда только повиноваться тебе, – проговорила она, хмуря брови. – О, прошло то время, когда мое желание было законом для тебя!

– Но рассуди же, пойми, что мы не можем жертвовать нашей безопасностью, нашей жизнью, ради какой-то полупомешанной! – сказал Келли, обнимая жену. – Если бы я оставался постоянно здесь, мне было бы легче исполнять твои прихоти. Я сам охранял бы тебя.

– Ты опять уезжаешь?

– Необходимо, друг мой.

– Слушай, Ричард, – начала она, глядя пристально ему в глаза, – если я только узнаю, что ты мне не верен... что ты обманываешь меня... тогда как я пожертвовала ради тебя не только своей жизнью, но и жизнью родителей моих... если

бы я уверилась в твоей измене... о клянусь тебе духом тьмы, я отомстила бы тебе так, как не мстила еще никому ни одна женщина!

– Ты так ревнива, Джорджина? – сказал он, снова обнимая ее. – Но для кого же я тружусь? Ради кого стал вне закона, пролил первую кровь? О, твоя ревность не сердит меня, она свидетельствует о твоей любви, но все же ты несправедлива. Я знаю, что ты не равняешь меня с другими, что ты уважаешь меня, что ты и не полюбила бы меня, если бы я был обыкновенным человеком. Имей же доверие ко мне.

– Хорошо! – воскликнула она. – Я буду доверять тебе во всем, но не отчуждай же и ты меня совершенно от света, познакомь со своими друзьями.

– Исполнить твою просьбу гораздо труднее, нежели ты думаешь.

– Следовательно, ты мне отказываешь?

– Кто же говорит это? О, как ты стала недоверчива, Джорджина! Скажи, кстати, зачем был послан на берег твой метис? Присматривать за мной?

– Если бы и так? Что из того?

– Я так и подумал. Ты совершенно перестала доверять мне, бедняжка? Ну, хорошо, посылай своего соглядатая, я не буду его прогонять, пусть следит за мной повсюду и доносит тебе обо всем, что увидит. Довольна?

– Но как решишь ты насчет несчастной Марии?

– Пусть она остается пока при тебе, потому что я увожу с

собой Сандерса. Но когда Блэкфут вернется сюда, ты не станешь противиться, я надеюсь, исполнению тех правил, которые установлены для безопасности не только прочих, но и для тебя лично? Ты все еще сердишься на меня?

– Могу ли я сердиться, когда ты такой добрый? – проговорила она, обнимая его.

– Так похороним же все наши споры и недоверия в этом поцелуе. У нас столько внешних опасностей, что не стоит создавать себе еще и внутренних бурь. Будем жить в мире, сохраняя силы наши на тот решительный шаг, который упрочит наше счастье.

Пока Келли говорил со своей женой, Блэкфут и негр тоже беседовали кое о чем.

– Что-то он затевает, – говорил Блэкфут. – Хотелось бы знать его настоящие намерения.

– О, он не высказывается никогда откровенно, только я умею угадывать! – отвечал негр. – Если он говорит, что пойдет вверх по реке, это значит, что по течению. Если скажет, что едет в Арканзас, то, поверь, Арканзас последнее место, о котором он думает.

Блэкфут, посмотрев на негра, принялся прохаживаться возле него, потом неожиданно спросил:

– Ты сопровождал его когда-нибудь в Хелену?

Негр пристально взглянул на собеседника и только через минуту утвердительно кивнул головой.

– И тебе известно... – продолжал Блэкфут.

– Молчи! – шепнул Боливар, поглядывая с испугом на дом атамана. – Я не пророню ни слова о его делах, я поклялся молчать, да и хорошо помню, как он обошелся с тем испанцем: отрезал ему нос, уши, руки... и потом кинул издыхать в болото. О, белые свирепее черных!

С вершины соседнего дерева раздался свист.

– Вот и еще какая-нибудь работенка привалила! – проворчал негр. – Вроде у нас и так ее мало. Всех лошадей за раз перевезут?

– Нет, регуляторы настороже и сразу же заметят наши следы. Тех двух коней, которых мы ждем из-за реки, проведут через болото, это поручено Бойсу, а прочих доставят водой. Но пойдем-ка на пристань, надо помочь вывести лошадей.

Приведенные животные были вконец измучены, они даже отказывались есть превосходный корм, который им засыпали в ясли на конюшне. Джонс Бойс рассказывал, что загнал коней так, потому что за ним гнались по пятам регуляторы. Речь его была прервана появлением Келли, который, видимо, озабоченный чем то, не стал даже спрашивать Бойса, а отвел Блэкфута в сторону и сказал:

– Джорджина настаивает на том, чтобы послать метиса на тот берег. В первый раз его пусть перевезет Боливар... но чтобы тот до берега не доехал. Ты меня понимаешь?

– Не доехал... то есть, вы имеете в виду метиса Олио?

Келли утвердительно кивнул и продолжал, подавая конверт:

– Приказание Сандерсу в этом конверте. Все остальное тебе известно.

– Когда вы ожидаете Сэвэджа?

– Очень скоро. Согласно его расчетам, он должен был прибыть со своими пассажирами в Хелену еще вчера. Вы условились насчет сигнала?

– Как же, ваша милость. Он пройдет близехонько от острова, выстрелит у подводных камней и потом выбросит судно на берег немного пониже.

– Отлично. Лошадь моя отдохнула?

– Совершенно, ваша милость. А как же насчет молодой женщины?

– Ты передашь ее негру, которому я сам отдам приказания. А тебе надо присмотреть за этим молодцом.

– За кем еще? За Джонсоном?

– Да! Не выпускай его с острова, пока я не прикажу.

– Он кажется таким преданным.

– Тем лучше для него. Прощай. Ложись спать.

Глава VIII

Беседа на болоте

Солнце уже часа два стояло над горизонтом, когда на полузатопленной пойме, окаймляющей Миссисипи на протяжении нескольких миль, напротив таинственного острова показались два всадника на превосходных конях.

Среди этого громадного болота не было видно ни одной тропинки, не было никаких следов, указывающих на присутствие человеческого жилья. Всюду виднелись лишь камыши и стволы подмытых водой деревьев, над которыми носились тучи moskitov.

Но всадники знали, по-видимому, дорогу. Они ехали уверенно, петляя среди грязных луж. Тот из двоих, который был постарше, внешностью полностью соответствовал дикой природе, среди которой находился, но младший уже решительно не гармонировал с ней. Он не походил на местного охотника или пионера, а казался щеголем, выехавшим прогуляться на чистокровном скакуне. На нем был светло-коричневый редингот⁹, сшитый по последней французской моде, шелковый жилет и цветные панталоны, и только ноги его были в красных фланелевых гетрах, подобных тем, которые носят западные фермеры. Но эта обувь была надета, очевид-

⁹ Удлиненный сюртук.

но, лишь для предохранения ног от грязных болотных брызг. Он был красив собой и если бы на верхней губе не пробивались усы, то его миловидное лицо с голубыми глазами, выглядывавшими из-под черной шляпы самого изящного фасона, могло заставить кого угодно принять его за переодетую девушку. Но никогда красота не была столь обманчивым признаком душевной чистоты, как в данном случае.

Этот юноша явился на остров под именем Эдуарда Сандерса, и его испорченность и способность к лицемерию принесли большие выгоды пиратам. Никто не знал о его прошлом, но так как он сам о нем не рассказывал, а прочие разбойники тоже не могли сообщить о себе ничего похвального, то никто и не старался его расспрашивать. Сандерс говорил только, что он из Джорджии, сын плантатора, и все вынуждены были удовлетвориться этим объяснением.

Он появлялся, притом очень редко, на острове и не сходил близко ни с кем, кроме самого Келли и его жены. Такая сдержанность объяснялась тем, что он стоял, по воспитанию, несравненно выше своих товарищей. Единственный, с кем он еще беседовал временами, был Блэкфут, уверявший, что «грабеж такое же занятие, как и прочие», и пристрастившийся к этому занятию как индеец к охоте за бизонами.

Блэкфут был на этот раз в костюме фермера, но с карабином за плечами и ножом за поясом. В дороге он выдавал себя за колониста, снявшего недавно ферму на берегах Миссисипи и желающего поместить свой капитал в какое-нибудь

выгодное предприятие. Оба они направлялись к Хелене, где у Сандерса было тайное и ответственное поручение.

– Ну и дорога! – воскликнул Сандерс. – Здесь кости переломаешь и, что еще хуже, выпачкаешься с ног до головы. Хорош я буду по приезде в Хелену! Не заблудились ли мы?

– Нет, не бойтесь, прямая дорога на Хелену уже в какой-нибудь миле от нас. Ой, ой! Вы и впрямь изрядно выпачкались. Почему вы не захотели завернуться в одеяло, как я вам советовал?

– Потому, что потом я не очистил бы мое платье от пуха в течение целой недели. Высохшая грязь скорее отстанет. Но расскажи-ка мне, с какой целью мы покупаем пароход?

– Я говорил уже вам, что мы надуем тех, кто выследит нас. Удерем с нашими капиталами на паровом судне! Мысль недурна, а?

– Да, пароход позволит расширить наши предприятия и заняться настоящим корсарским делом еще по дороге в Мексику. Нам легко будет перехватывать небольшие шхуны и другие мелкие суда. А почем знать, со временем не наложим ли мы лапу и на какой-нибудь пароходик дяди Сэма? Вот была бы уже заправская добыча! Но прежде чем воспользоваться пароходом, следует его купить.

– Дело будет обсуждаться на общем собрании, а купить – много времени не займет! Снарядить и вооружить можно тоже за двое суток.

– А много у нас денег в кассе, Блэкфут? – спросил Сандерс

после некоторого размышления. – В последнее время у нас было много добычи.

– Денег? Право, не знаю. В субботу атаман, видимо, представит расчет. Мне известно только, что он пересылал большие суммы в Мексику, для покупки земель.

– Общество давало ему согласие на это? – с живостью спросил Сандерс, поворачиваясь к своему спутнику.

– Не думаю, – ответил Блэкфут. – Да к чему ему спрашивать разрешения? Все, что он делает, должно быть хорошо. Нам здесь вскоре несдобровать, я уверен в этом, атаман того же мнения, по-видимому. Я полагаю поэтому, что приобретение земель и парохода – дело разумное.

– Да, при условии, что покупки совершались как текущие расходы, не затрагивая наших частных сумм. Если же мы пожертвуем ими, то останемся полностью во власти шайки и атамана, который, по правде сказать, обращается с нами уж слишком деспотически. У меня нет ни родни, ни друзей, и я не нуждаюсь в пароходах, чтобы перевезти свое имущество. Поэтому заявляю прямо, что не пожертвую и шестью пенсами для этой покупки. А вы поступайте, как знаете.

– Что же вы намереваетесь делать? Вы не сообщили мне даже, зачем едете сейчас в Хелену.

– Спросите лучше, зачем меня туда гонять. Я хотел отдохнуть несколько дней на острове после перенесенных трудов. Ведь это не шутка, провести барку по Уабашу, Огайо и Миссисипи до нашего острова, не говоря уже о заключительной

комедии! И мне не дают даже выспаться, посылают на эти дьявольские дороги.

– Но зачем?

– Затем, чтобы похитить хорошенькую девушку.

– Похитить девушку! И ради этого любовного похождения...

– Тут в перспективе наследство, Блэкфут!

– Наследство! Чье?

– Не спрашивайте. Я сам ничего не понимаю, как не знаю и того, где атаман пропадал последнее время.

– Я знаю: он находился в Джорджии. Но разве есть связь между этой поездкой и наследством?

– Почему же нет? Ведь Симпсон в Джорджии, и постоянно переписывается с Келли.

– Это правда, но атаман ничего не сообщал мне, – сказал Блэкфут, потупив глаза и, видимо, озадаченный. – А вы знаете ту особу, к которой едете в Хелену?

– Я знал ее в Индиане. У меня рекомендательное письмо к одному ее родственнику, у которого она гостит, мистеру Дейтону.

– Дейтон ее родственник? – воскликнул Блэкфут, в изумлении так натягивая поводья, что лошадь поднялась на дыбы.

– Да, письмо к нему, но сама она сельская жительница... Впрочем, образованная и развитая. Так как она знает меня, то мне не трудно будет уладить дело.

– Но что за цель у атамана?

– Не знаю, а мне-то что? Приказ состоит только в том, чтобы заманить ее, самое позднее в субботу, в назначенное место. Действовать я буду самым деликатным образом, если возможно. Остальное касается Келли. Он выплачивает мне за эту проделку тысячу долларов из своего собственного кошелька. Но вы, Блэкфут, зачем вы-то едете в Хелену? Не с амурными ли целями? Вы что-то принарядились, я гляжу!

– Если угодно, мне тоже надо посетить одну даму.

– Великолепно! Блэкфут на любовном свидании. Вот потеха!

– Смешного тут ничего нет, если бы я и в самом деле шел на свидание, но вы перестанете смеяться, когда я скажу, что особа, к которой я отправляюсь, миссис Луиза Бредфорд.

– Она! – воскликнул Сандерс, почти ужаснувшись при этом имени. – Так эта ведьма еще жива? И она в Хелене? О, если она только меня увидит, то погонится за мной. Правда, однажды, в Циксбурге она помогла мне совершить один фокус, но я очень не хотел бы, чтобы об этом зашла речь в городе, во время моего пребывания там. В Циксбурге я жил под чужим именем.

– Не бойтесь ничего, она не станет вспоминать о вашем прошлом, потому что ей более чем кому-либо, требуется сохранить тайну своего. Но в случае, если бы она вздумала вам грозить с целью шантажа, спросите ее просто, не осталось ли у нее еще больших гвоздей, из тех, которые доставил ей мистер Даулинг несколько лет тому назад. Не забудьте фа-

милию Даулинг. Не забудете?

Сандерс из предосторожности записал.

– Даулинг, – повторил он в раздумье. – Даулинг, я слышал уже эту фамилию, как будто. Но какое это имеет отношение к гвоздям?

– Какое вам дело? – возразил Блэкфут. – Я снабжаю вас только средством, употребите его при надобности, не доискиваясь происхождения. Ну, вот мы и на большой дороге.

Он пустил свою лошадь в галоп. Сандерс последовал за ним, стараясь, несмотря на скачку, очистить ручной щеткой свой костюм и пригладить карманной гребенкой растрепавшиеся волосы.

Глава IX

Двойная западня

Миссис Дейтон твердо решила сдержать слово, данное накануне молодому Лейвли, и занималась приготовлениями к отъезду. Было решено выехать к вечеру, потому что сам Дейтон вернулся из поездки к больному поздно, очень устал, и жена не хотела оставлять его одного.

Когда семья, пообедав, еще находилась в столовой, на дворе раздался стук копыт. Адель подбежала к окну и вскрикнула:

– Мистер Гэвс! Вот неожиданность!

– Что это за мистер Гэвс? – шутливо спросил Дейтон. – У меня в доме такой не бывал, и если он явился теперь, то это, верно, к вам, мисс.

– Весьма вероятно, – ответила Адель, не смущаясь. – Я была так дружна с его женой в Индиане. Мария Морисе, дочь богача Морисса. Но зачем Гэвс оказался в Арканзасе? Я думала, что он на своих новых плантациях в Луизиане.

– Он сам объяснит вам эту загадку, мисс Адель. Я слышу его шаги. Вот и он.

Действительно, дверь отворилась и в комнату вошел молодой человек, которого читатель уже знает под именем Сандерса.

– Здравствуйте, мисс Адель, – сказал он протягивая руку молодой девушке. – Счастлив видеть вас в добром здравии. Я имею честь приветствовать мистера и миссис Дейтон, без сомнения?

Муж и жена поклонились, а Дейтон произнес радушно:

– Наша милая мисс уже представила нам вас, вы с нею старые знакомые, как оказывается.

– В таком случае рекомендательное письмо, данное мне, будет уже бесполезным. Меня снабдил им Порель, который стал прокурором в Синквилле.

– Порель! Вы виделись с ним на днях? Столько лет прошло, как мы не встречались друг с другом! – воскликнул Дейтон.

– Он вспоминает о вас всегда с любовью и уважением, – ответил Сандерс. – Должность, на которую он теперь назначен, так почетна и выгодна, что вы, верно, порадуетесь за него.

– Но Мария, расскажите же о Марии! Где она теперь? – перебила Адель. – Что ее родители? Я думала, что вы все проживаете в Луизиане на купленных вами плантациях.

– Нет, по счастью, мы вовремя узнали о невыгодности такого приобретения и купили другое поместье, в штате Миссисипи, а точнее в Синквилле. – В Синквилле! – воскликнула Адель радостно, – Ах, как это хорошо! Синквилл всего в шести милях отсюда, и я непременно приеду к вам в гости.

– Я и прибыл сегодня именно с тем, чтобы передать вам

приглашение от Марии, но вы должны распорядиться своим временем так, чтобы погостить у нас подольше. Она надеялась даже, что вы поедете со мной сегодня же. С этой целью я приехал в кабриолете, только оставил его за рекой, а сюда явился верхом, не зная, где именно вы живете, в городе или на даче.

– Но как же распорядиться тогда с поездкой к Лейвли? Или вы ее отложите? – спросил Дейтон.

– О, нет, это невозможно, – возразила ему жена. – Мы же дали вчера слово молодому Лейвли, и его мать ожидает нас сегодня. Она обидится, если мы не приедем. Пусть лучше мистер Гэвс поедет сейчас с нами, а Адель отправится с ним в Синквилл завтра. Таким образом, все уладится.

– И как нельзя лучше, – прибавил Дейтон – потому что и меня задерживают дела, а вы будете, без сомнения, лучшим проводником для моих дам, нежели наш старый Цезарь, мистер Гэвс!

– Я очень горжусь вашим доверием, но, к сожалению, не знаю дороги.

– О, я стану вашим проводником! – воскликнула Адель.

– За таким проводником я пойду куда угодно, даже на смерть! – любезно заметил гость.

– О, мистер Гэвс, – сказал Дейтон, – вот выражение, немного странное в устах молодого мужа, слышала бы вас сейчас ваша жена.

– Мария и я, обе мы хорошо понимаем, что значат такие

слова, – перебила Адель. – Мистер Гэвс иногда пишет стихи, а поэты склонны к преувеличению. Наши лошади уже выкаывают нетерпение, едем!

Девушка, а за нею и остальные, вышла во двор, ловко вскочила в седло без помощи Сандерса, который успел только помочь ей поставить ножку в бархатное стремя, и маленькая кавалькада выехала из города по дороге к ферме старого Лейвли.

Почти одновременно с этим к городу по реке спускалась большая плоскодонная барка, на которой, кроме гребцов, находились еще два человека, уже знакомые читателям, старый Эджворт и молодой приятель его, Том Барнвель. Волчок сидел у ног хозяина и смотрел на работу матросов. Он понимал собачьим инстинктом, что после такого долгого плавания ему скоро предоставится возможность выскочить на сушу. Но рулевой был не так доволен. Он придумывал разные предлоги, чтобы избежать остановки в Хелене, но Эджворт настоял на своем.

– Это безумие приставать здесь, – ворчал Сэвэдж. – Чтобы выплыть отсюда, нам придется выбиваться из сил, кроме того, товар лучше бы продать в Циксбурге или в Монтгомери-Пойнт.

– Что это за местечко? Я не слышал такого названия, хотя спускался по Миссисипи не раз, – спросил Том.

– Может быть, вы и других новых мест не знаете, – возразил Билл Сэвэдж. – Тут за какой-нибудь год страна так ме-

няется, что и глазам не веришь. Вот, взять хотя бы и Хелену. Когда я начал плавать, здесь стояло всего несколько домиков, а теперь это целый город. То же самое и повсюду. Четыре года назад, некто Монтгомери построил хижину на мысу, а нынче это ключ ко всей западной окраине. Все, спускающиеся по Уайт-Ривер до Арканзаса, проходят через этот пункт, потому что путь короче, и не пройдут мимо Монтгомери-Пойнт, чтобы не остановиться. Один торговец, поселившийся там недавно, закупил целую барку с пшеницей, а он далеко не из самых богатых в местечке.

– Хорошо, если не продадим всего здесь, зайдем и туда, – согласился Эджворт.

Когда барка пристала к берегу, старик оставил на ней двух человек для охраны, отпустив других погулять, а сам пошел с Томом узнать в городе о ценах.

Билл Сэвэдж не последовал за звавшими его с собой товарищами, он остался на берегу. Когда же они скрылись из виду, он поспешил к отдельно стоявшему домику и стукнул в дверь два раза.

Миссис Бредфорд, выглянув из окна верхнего этажа, тотчас же очень быстро спустилась вниз.

– О, Билл! – воскликнула она. – Как я рада тебя видеть! Жду целых три дня. Мой покойник недаром говаривал: «Луиза...»

– Нельзя ли без ваших дурацких рассказов? – бесцеремонно перебил ее Сэвэдж. – Какие вести с острова? Есть кто-

нибудь из наших в Хелене? Вот о чем надо говорить.

– Все такой же медведь! Я думала, что вы хоть немного пообтесались. Видно, что нет! Даже поздороваться для вас лишнее. Но я не позволю всякому собой помыкать. Мой покойник говорил: «Луиза...»

– Прекрасная, славная женщина, – договорил Билл, протягивая ей руку, видя, что она разгневалась уже не на шутку. – Пора вам привыкнуть ко мне! Знаю, что я невоспитан, но все же я и не зол. Ну, милая моя, сообщайте, что новенького? Если случится, что мне потребуется помощь, найду ли я здесь кого-нибудь из наших?

– Добрый десяток! – крикнул кто-то сверху, с лестницы. – Как поживаешь, дружище? Приволок нам чем пожить?

– Это ты, Блэкфут? – радостно воскликнул Билл, пускаясь бегом наверх. – Вот кстати! Ты сможешь мне выпроводить из Хелены одного упряма, который вбил себе в голову, что продаст товар здесь. Груз не из особенно важных, но скряга везет при себе десять тысяч долларов наличными. Если, на беду, он продаст свой товар, то сядет на первый попавшийся пароход и ускользнет от нас.

– Нельзя допускать этого! Сговоримся, как поступить.

– Хорошо. Но только можно ли положиться на скромность нашей любезной хозяйки?

– Я уйду в кухню, мистер Билл, – сказала она обиженно. – Блэкфут, вы здесь дома. Распорядитесь угощением.

– Прежде всего, – спросил Билл, проглотив рюмку рома, –

скажи мне, все ли благополучно на острове?

– Все отлично, но хорошо, что ты прибыл, потому что завтра у нас большое собрание и будут решаться важные дела. Келли подозревает, что нам грозит опасность, и считает необходимым купить пароход. Будут рассуждать еще о многом. Но нам то надо решить насчет хозяина твоей барки. Купить мне его груз?

– Что за вздор! Покупатели у него найдутся и без тебя, все дело в том, чтобы удержать его от продажи здесь, в Хелене.

– Ты меня не понял, если я закуплю у него товар тут, то лишь с условием доставить мне его на место, в Монтгомери-Пойнт.

– Вот это дело! Знаешь что? Устроим еще лучше: скажи, что ты из Виктории, это даст нам предлог идти, оставляя номер 61 справа, а не слева, как сказано в «Речном указателе». Ты будешь всячески поносить Монтгомери-Пойнт, это понравится старику, он подумает, что я его хотел надуть, и уж никак не догадается, что мы с тобой заодно. Он меня уже и так ненавидит, без всякой видимой причины, инстинктивно. Есть за что, это правда, а скоро и еще повод появится!

– Есть за что, говоришь?

– Есть, да что рассказывать? Подержать язык за зубами никогда не вредно, а болтовня часто выходит боком. Скажу только, что я благодарен теперь этому шраму, который меня не красит. Благодаря ему, мистер Том меня не узнает... Но вот и красавица наша! Вы все еще сердиты? Я был зол, ко-

гда пришел, но Блэкфут вернул мне хорошее расположение духа.

Миссис Бредфорд долго не сердилась на тех, кто мог быть ей полезен, она ответила очень приветливо:

– Чего сердиться попусту! Вы были невежливы, но это не от злости. А не мешало бы вам побриться, что за бородища у вас! В самом деле, Билл, ты и так-то не слишком красив, чтобы приходилось палкой девушек отгонять, а теперь на кого ты похож? Мой покойник всегда говорил: «Луиза, бывают такие лица»...

– Дорогая миссис Бредфорд, – прервал ее Блэкфут, – нельзя ли закончить наше дело. Я жду уже целый час, мне пора, Биллу тоже некогда. Давайте скорее.

– Какой торопливый! – проворчала она, выдвигая ящик комода и роясь под кучей белья. – Вот, получайте... Берите, кровопийца, ненасытный человек, забирайте последнее у бедной вдовы!

С этими словами она вытащила из тайного хранилища несколько банковских билетов и бросила их Блэкфуту.

– Неутомимый вы сборщик податей, не пропустите месяца, чтобы меня не обобрать!

– Знаю, – смеясь, ответил Блэкфут, – знаю, что вам было бы приятнее сбывать наши товары, не давая никакого отчета! Между тем все выгоды на вашей стороне, вы живете себе спокойно в городе, в полной безопасности, между тем как мы трудимся день и ночь, с риском для жизни.

– Спокойно и в безопасности! Тоже сказали! Не далее как на днях кто-то хотел забраться ко мне.

– Может быть, просто вор.

– Конечно вор. Но ваше выражение «просто» совсем неуместно! Зачем воры являются? Полагаю, чтобы обокрасть. Мой покойник говорил: «Луиза берегись. Ты слишком добра. Занимайся своими делами и не суйся в чужие. Так спокойнее».

– Нам пора, Блэкфут, – сказал Билл товарищу, который старательно пересчитывал деньги, не слушая излияний миссис Бредфорд. – Надо завершить дело со стариком сегодня же вечером. Только знаешь что? Не пуститься ли нам в путь завтра днем? Бели поведем барку между островом и левым берегом, то нам ничто не помешает расправиться с ней и засветло, а то этот сигнальный выстрел среди ночи мне вовсе не нравится. Он способен привлечь к себе общее внимание, между тем как днем никто не удивится. Пойдем же уговаривать старика, пока он не нашел других охотников на свой товар.

– Иду, – сказал Блэкфут, вставая. – До свидания, миссис Бредфорд! Помните, у судна, о котором я вам говорил, будет на корме зеленый с красным флаг. Остальное вы знаете. Прощайте!

Эджворт и Том ходили между тем по городу, наводя справки о ценах, но не узнали ничего утешительного. Местные торговцы давали слишком низкие цены, видимо, не же-

лая вступать в сделку и уверяя, что могут получать все дешевле через миссис Бредфорд. Они даже дали старику адрес этой особы, говоря, что он может сбывать ей весь свой груз.

– Нет, Том, – говорил Эджворт, – я вижу, что мне ничего не продать в Хелене. Рулевой, Сэвэдж, все толкует о Монтгомери-Пойнт. Может быть, у него свой расчет, какие-нибудь родственники или знакомые, которым он хочет услужить. Но не лежит у меня сердце к этому человеку. Не замышляет ли он чего дурного?

Я попросил бы тебя взять шлюпку и поехать сейчас же вперед, вниз по течению реки много городов, и ты наведешь везде справки о ценах, а я выйду на барке завтра, и ты встретишь меня в Монтгомери-Пойнт. Так будет вернее. Возьми одного или двух из наших людей с собой.

– Никого мне не надо, пришлите только Боба, чтобы помочь снарядиться в дорогу. Да, кстати, когда прибудете к острову номер 61, не доезжая Монтгомери-Пойнт, подайте какой-нибудь сигнал, чтобы мне не ехать понапрасну далее, выстрелите из карабина или привяжите одну из ваших цветных рубах к шесту так, чтобы я увидел.

– Мне надо еще отдать в починку карабин, – сказал Эджворт. – Но здесь есть оружейники, успеют исправить до завтра.

– Что же с ним случилось?

– Не знаю, пружина испорчена. Странно...

Том простился со стариком, тот остался на берегу, глядя,

как молодой человек отвязывал шлюпку от барки с помощью Боба, который принес ему все необходимое в дорогу, и, между прочими вещами, бочонок виски. Когда все было готово, Том взмахнул рукой в знак прощания и сел за весла.

Эджворт некоторое время смотрел ему вслед, потом обернулся и чуть не столкнулся с Сэвэджем.

– Это ваш родственник, мистер Том? – спросил рулевой, указывая на лодку. – Да, я не ошибся, это он!

– Он самый, – ответил старик.

– Зачем же он отправился без нас? И шлюпку забрал. А если она нам понадобится?

– Обойдемся без нее, – спокойно сказал старик. – Том отправился вперед, чтобы узнать рыночные цены на разный товар, а мы выступим завтра и догоним его.

Билл Сэвэдж едва скрыл удовольствие от такого решения насчет времени отъезда, и проговорил:

– А я встретился тут, в трактире, с одним из Виктории. Он прослышал о вашем грузе и спрашивал меня, где бы с вами повидаться. По-видимому, хочет приторговать ваш товар.

– Где эта Виктория?

– Она немного ниже устья Уайт-Ривер, по ту сторону Миссисипи. Из Монтгомери-Пойнт ее видно.

– А как зовут торговца?

– Не спросил я. Скажу только, что наружность у него как будто не купеческая. Да вы сами лучше обсудите, когда с ним увидите. Он остановился в гостинице «Союз».

Эджворт пошел по указанному адресу, а Билл смотрел ему вслед со злобной усмешкой.

«Иди, старый глупец! – говорил он про себя. – Мы посмотрим, сохранятся ли так хорошо твои кости на дне Миссисипи, как кости твоего сынка на берегу Уабаша. Иди, заключай торговую сделку, она последняя в твоей жизни!»

Глава X

Ферма Лейвли

Принадлежащая семье Лейвли ферма находилась в восьми милях от Хелены, среди девственного леса, в котором было вырублено лишь пространство, нужное для расположения построек и для добычи бревен и досок, для возведения просторного, удобного и красивого жилища.

На стволе дерева, вырубленного в виде скамьи, возле дома сидел совершенно седой, но бодрый, пышущий здоровьем старик, щеки которого горели румянцем, а глаза блестели добродушием и отвагой. Голова его была непокрыта, и белые кудри падали волнами на загорелую шею. Одежда его состояла из серого суконного длинного сюртука, таких же панталон, синего жилета и рубашки ослепительной белизны, но одно казалось странным: он был бос. Поодаль от него сидел молодой человек, сдиравший шкуру с убитого молодого оленя. Большая ньюфаундленская собака следила за его работой.

Молодой человек – зять старика – приехал к нему недавно из западных штатов, с целью поселиться на соседнем участке, но дом его был еще не достроен, и пока он жил с женой и тремя детьми на ферме у тестя.

– Доброго оленя убил ты, Уильям, – говорил старик Лейв-

ли. – Окорока из него выйдут отличные. Славное дело охота, занятное. Но настоящее дело все же не в этом. Мы должны возделывать землю. Как и сказано: «В поте лица своего будешь есть хлеб свой!»

Старик хотел еще что-то сказать, но речь его была прервана лаем водолаза¹⁰, которому стали тотчас же вторить и другие собаки. К этому хору присоединилось радостное восклицание Джеймса, который бросился отворять ворота приближавшимся гостям. Адель подняла свою лошадь и заставила ее перескочить во двор через невысокую изгородь, но миссис Дейтон и ее спутник степенно въехали через ворота.

Скоро все общество уселось под тенью раскидистого орешника, и старая миссис Лейвли, несмотря на возраст, не уступила никому чести прислуживать гостям. Она угощала их кофе, разнося чашки.

– Кто это с дамами? – спросил, сидя в стороне, зять Лейвли, Уильям Кук, у Джеймса, указывая на Сандерса. – Я вроде бы видел его где-то.

– Я его вовсе не знаю, и он здесь не по моему приглашению, – тихо отвечал молодой Лейвли, недружелюбно поглядывая на приезжего. – Он так фамильярно говорит с мисс Адель, как будто вырос с ней, обходится точно брат.

– Красивые у него волосы, – заметил Уильям.

– Нечего сказать, точно мочала! – проворчал Джеймс.

¹⁰ Собаки особой породы, хорошо плавающей и приученной вытаскивать из воды утопающих.

Угадать причину такого критического отношения к красоте гостя было нетрудно, и сама Адель замечала неудовольствие своего молодого поклонника. Чтобы утешить, она любезно обратилась к нему:

– Мистер Джеймс, вы обещали мне в прошлый раз рассказать подробно о вашей схватке с пумой, вероятно той самой, шкура которой висит здесь на дереве. Мистер Гэвс говорит, что невозможно одолеть пуму, имея при себе только нож.

Джеймс, находивший неприличным хвастаться перед молодой особой своими охотничьими подвигами, проговорил с замешательством:

– Да что... мистер Гэвс... я не знаю, право...

– Верно, легче одолеть пуму, чем рассказывать об этом? – заметил Сандерс насмешливо. – Насколько известно, все охотники, рассказывая о своих успехах, забывают упоминать о собаках, на долю которых и приходится, собственно, вся опасность. Охотник стреляет 6 зверя с почтительного отдаления, а потом, когда животное уже издохло, вонзает в него нож раза два или три, стараясь не повредить шкуры, для доказательства опасности схватки.

– Если я говорю, что убил пуму ножом, – произнес Джеймс с сдержанным бешенством, – то это значит, что со мной не было собаки, и я не пользовался карабином. Может быть, вам и приходилось слушать хвастливые и лживые рассказы, но в наших лесах они не в ходу. И в нашей семье лжецов не водится.

– Позвольте, – сказал Сандерс, понимая, что всякая ссора помешает возложенному на него делу, – позвольте, мистер Лейвли! Я вовсе не хотел сказать, что принимаю все охотничьи рассказы за ложь. Охотнику позволительно увлекаться. Это ему даже прощают.

– Этого я не понимаю. Могу только сказать, что пользуюсь на охоте ножом лишь в случае самой последней крайности. Что же до этой пумы, то Кук был свидетелем, пусть он и рассказывает.

Но старая миссис Лейвли перебила разговор, принимавший неприятный оборот.

– Не пора ли нам в комнаты? – сказала она. – Солнце уже зашло, а городские жительницы простуживаются легко. Джеймс, помоги мне убрать со стола.

Общество послушалось хозяйку, и скоро большая и уютная гостиная огласилась веселым говором. Старый Лейвли рассказывал про былое, жена его хлопотала, стараясь всячески обласкать миссис Дейтон и Адель. Она говорила, что ни за что не отпустит молодую девушку завтра от себя, пусть мистер Гэвс и не думает ее похищать! Он такой любезный, не захочет огорчать всех.

Слушая речи матери, Джеймс мог только спросить молодую девушку подавленным голосом:

– И вы, в самом деле, хотите покинуть нас завтра, мисс Адель?

– Да, мистер Лейвли, – ответила она задорно, – мистер

Гэвс увозит меня к своей сестре.

Эти слова так поразили бедного юношу, что он встал, чтобы выйти из комнаты.

– Куда ты, Джеймс? – крикнул ему отец.

– Надо припрятать остатки оленя от собак и хищных зверей, – сказал он первое, что пришло ему на ум.

– Верно, верно, иди. А я расскажу о презабавном происшествии.

Он принялся за рассказ, который Сандерс слушал с притворным любопытством, в то время как все его внимание было поглощено оживленной беседой между старухой Лейвли и миссис Дейтон. Речь шла об одной семье, жившей в Джорджии и состоявшей в родстве с миссис Дейтон и Аделью.

– Да, миссис Дейтон, – говорила старушка, – это достоверно. Моему мужу писали оттуда. Старый Бервик только на три дня пережил свою жену, и завещание его хотели вскрыть в среду. Вы получите уведомление на днях.

– Мой муж получил какие-то два письма сегодня поутру, но ничего мне не говорил, вероятно, это не то, иначе он сообщил бы мне.

– Несомненно. Но такого рода дела обычно затягиваются, нотариусы и другие законники никогда не торопятся, если дело идет о выплате денег.

Адель разговаривала с миссис Кук, потом пошла помогать ей укладывать спать детей и выказала при этом такую милую заботливость, что молодая фермерша сказала, нежно пожи-

мая ей руку:

– О, дорогая моя, как бы я была счастлива, если бы вы вышли замуж за какого-нибудь фермера по соседству с нами!

– Я очень люблю сельскую жизнь, – ответила девушка, краснея, – но как знать будущее? Хорошо, если судьба свяжет меня с тем, к кому лежит сердце.

– О да, это самое великое счастье! Муж, которого любишь, дети...

– Вам было хорошо там, где вы жили прежде? Вы не жалеете о тех местах? – перебила Адель.

– Видите ли, и там было очень хорошо, но здесь мои родители и брат Джеймс, а я их так люблю! Следовательно, здесь еще лучше. Может быть, и Джеймс встретит девушку, которую полюбит, женится, и тогда у нас будет тут целая колония. Мисс Адель, мне очень хотелось бы, чтобы вы жили поближе к нам.

– Ну, пора и на покой, дети! – громко провозгласил Лейвли, любивший соблюдать порядок, однажды заведенный в доме.

Из-за недостатка места, решили, что все дамы будут ночевать в доме Лейвли, а мужчины во флигеле, который занимал Кук.

Адель, уходя, заметила волнение Джеймса. Она шепнула ему на прощание:

– Вы сердитесь, мистер Лейвли. Вы думаете, что я не ценю приглашение ваших родителей? Но, право, мне хочется

только навестить подругу, которую я так давно не видела, я скоро вернусь, и тогда, если ваша матушка позволит, прогос-
щу у вас долго, потому что дикая местность нравится мне
более нашего города.

– Вы слишком добры, мисс, – проговорил он. – Разве я
могу сердиться на вас? Я...

– Покойной ночи, мисс Адель! – сказал, подходя, Сан-
дерс. – Желаю вам выспаться хорошенько, чтобы собраться
с силами для завтрашней поездки.

Он взял руку молодой девушки и поднес ее к своим губам,
после чего вышел из комнаты.

Джеймс оставался последним, но видел, что дамы ждут и
его ухода. Он наскоро простился со всеми и пошел во фли-
гель, захватив карабин и пороховницу.

Глава XI

Засада

Вся долина Миссисипи, в особенности же пространство к западу от реки, состоит из громадной болотистой равнины, пересекаемой густыми камышовыми порослями и тощим хлопковым кустарником. Во многих местах равнина завершается озерами или непроходимыми болотами. Почва весьма плодородна, но разлив Миссисипи и ее притоков, усиливаемый дождями, позволяет ей высыхать лишь в августе-сентябре под палящими солнечными лучами. Вследствие этого, тысячи квадратных миль земли остаются восемь или девять месяцев в году под водой, а в течение трех остальных месяцев из высыхающих болот и стоячей воды озер поднимаются миазмы, разносящие по окрестности губительную желтую лихорадку.

Одно баснословное плодородие высыхающей почвы заставляет колонистов жить в этой зараженной местности. Они строят свои жилища на сравнительно возвышенных площадях, обрабатывают лишь небольшие участки и занимаются главным образом скотоводством.

Город Хелена находился на наиболее возвышенном пункте между Сент-Луисом и Мексиканским заливом, но на расстоянии тысячи трехсот миль от последнего.

Пионеры, первые поселенцы этого города, построили здесь несколько хижин, но постепенно город разросся и приобрел большое значение.

Ферма Лейвли в восьми (шести) милях к северу от города была расположена на склоне горы. Постройки отделялись от леса, окружавшего усадьбу с востока, лишь небольшим расчищенным пространством, огороженным высоким забором. Маленькая речка, вытекающая из-за соседних холмов, опоясывала усадьбу с запада и впадала в Миссисипи. По ту сторону этой речки, прямо напротив дома, возвышался старинный индейский могильный курган, на котором старик Лейвли собирался устроить беседку. С этой целью курган был очищен от кустарника и валежника, и около него были уже сложены бревна и доски.

Когда в доме все стихло, у реки, среди кустов, послышался шепот. Кто-то ворчал:

– Наконец-то улеглись! А только знаешь, Дан, мне здается, что нам здесь не поздоровится. Так и кажется, что мы напрасно подвергаем себя риску. Собак здесь пропасть, разом почуют.

– Напрасно трусишь, Коттон! – отвечал другой голос. – Река под боком, прыгнем в нее, и след простыл, особенно при таком ветре. Не бойся же, увидишь, тебе достанется ружье. Вот только мне страшно хочется есть.

– Опять есть? Ты только и думаешь, что о еде.

– Хорошо тебе говорить! – возразил тот, которого Коттон

называл Даном. – Когда я ел? Украл горсть кукурузы в амбаре и за это получил заряд дроби в икру. И что за жизнь мы ведем! Травят нас, как хищных зверей. Жили бы по-прежнему, не гоняясь за каждым щенком. Ты задумал ограбить человека на большой дороге, и теперь вся полиция против нас на ножах. Тебе еще хорошо, ты белый, – можешь всюду зайти, тебя накормят без разговора, а я мулат, у меня тотчас потребуют вид на жительство. Нет, такая жизнь мне невозможна, и я вздохну свободно, лишь когда доберусь до благословенной Канады!

– Друг ты мой, до нее далеко, а в Иллинойсе и Миссисипи власти очень строги к беглым рабам. За ними охотятся.

– Знаю, поэтому я и думаю часто, не вернуться ли на остров, с которого мы бежали? Там даже собакам жить лучше, нежели теперь нам с тобой.

– Как хочешь, Дан, но я туда не вернусь. Видишь ли, там слишком хорошо награждают того, кто донесет, что ты произнес какое-нибудь лишнее слово. Это меня удерживает. Притом рано или поздно, но остров будет обнаружен, а я давно уже извлек из своего опыта истину, что платит за музыку больше всего тот, кто меньше всех плясал. Из всего этого следует, что нам надо выбираться из штата, а для этого нужны деньги, а для того чтобы достать их, нужно ружье. Надеюсь, что мы добудем его в этом доме.

– Не забудь и пороховницу.

– Разумеется, не дурак же я. Но странно, что собаки вовсе

не лают.

– Они собрались все там, у дерева, на котором висит оленина. Эти псы слишком хорошо дрессированы, чтобы ее тронуть, но каждая наблюдает за другой. Я уверен, что они не обратят внимания на меня, когда я проскользну в дом.

– Ну а если они все-таки залают?

– Тогда прыгнем в реку, а потом сойдемся «Под тремя кипарисами».

– А если там будет занято?

– Тогда в тот домик, который мы ограбили прошлой ночью. Оттуда недалеко и до Миссисипи.

– О, Коттон, если бы ты не зарезал того человека понапрасну, мы были бы уже в Канаде.

– Ну, полно канючить! Думай лучше о том, как добыть ружье. Я надеюсь, что они уже все в постелях.

– Да, только дай им уснуть хорошенько.

Во флигеле, занимаемом Куком, было всего две кровати. Одну предоставили старому Лейвли, на другой Уильям Кук поместился вместе с Сандерсом, а Джеймс и старший сын Уильяма, девятилетний мальчик, легли на полу, подложив под себя медвежью шкуру.

– Запер ли ты дверь? – спросил Уильям у сына.

– Нет, – ответил ребенок, – но ведь собаки на дворе.

– Они все там, но собрались за домом, где висит оленина, – возразил ему отец.

– Чего же вы боитесь? – заметил Сандерс, смеясь. – Нас

здесь много, и мы с оружием.

– Осторожность никогда не помешает, – возразил старый Лейвли, потягиваясь на кровати. – Воровства много. На днях чуть было не украли ружье у нашего соседа, Бойлса. Ты рассказывал, Джеймс?

– Да, только Бойле возвратился вовремя, чтобы прогнать грабителей, а они в ту же ночь забрались к старому Гасвелу и тяжело ранили его, унесли, впрочем, только пистолет, кое-что из одежды и другие незначительные вещи.

– И портфель Гасвела, – прибавил Кук. – Денег в нем не было, но зато находились очень важные для Гасвела бумаги. Так рассказывает Драпер, по крайней мере.

– Где ты видел Драпера? – спросил Джеймс.

– В лесу. Он помог мне взвалить убитого оленя на лошадь.

– Кто разбойники? Неизвестно? – спросил Сандерс.

– Подозревают одного белого по имени Коттон, и мулата, принадлежавшего Аткинсу, – отвечал Уильям. – Коттон зарезал одного человека в графстве Пойнсет. Шериф устроил за ним погоню.

– И напал на след?

– Известно только, что они пробрались к северу. Убийство совершено между Мемфисом и Бэтсвилем. Но как только местные колонисты и охотники приступили к облове на них, злодеи вынуждены были повернуть назад. Мы все решили положить конец подвигам этих двуногих акул, хотя и не знаем, принадлежат ли они к особой шайке или они из

тех молодцов, которые приходят из-за Миссисипи.

– Вот и у старого Гейнце украли... – проговорил, уже засыпая, старик Лейвли. – Пару туфель... и он...

– Что же он? – спросил Уильям.

Но старик уже спал. Скоро примеру его последовали и другие, а не более как через полчаса в дверь, не запертую по оплошности хозяев, бесшумно юркнула человеческая фигура.

Глава XII

Погоня за грабителями

Пробравшийся так незаметно во флигель Дан неподвижно остановился у дверей, чтобы удостовериться в своей безопасности. Но никто не сторожил, спали решительно все. Тишина нарушалась только дыханием спящих и биением сердца самого Дана. Он стоял, как пригвожденный к месту, и лишь сжимал рукой левую сторону груди.

Но скоро мулат пришел в себя, видя, что ему не угрожает непосредственная опасность, и протянул руку к дверной притолоке, зная, что охотники обычно вешают свои ружья на этом месте. К великой радости, он нащупал ружье, но пороховницы при нем не оказалось, хотя эти два предмета хранятся обыкновенно рядом. Где ее искать? Малейшее неловкое движение могло выдать его, и тогда ему не жди пощады, но дело было начато и его следовало закончить. Он решил, по крайней мере, дорого продать свою жизнь и стал тихонько шарить по стенам и стульям, в надежде найти то, что ему требовалось.

Дан нащупал дверь, ведущую в чуланчик, отворил ее и, к своей радости, разглядел на столе кувшин с молоком. Он припал к нему с жадностью, в горле у него давно пересохло, от голода сводило все внутренности. Молоко освежило и

подкрепило его, он не мог оторвать запекшихся губ от края кувшина.

– Оставьте и мне немного, – произнес кто-то в темноте возле него.

Он так и замер на месте, едва не выронив посуды из рук, но у него достало присутствия духа не выдать себя ни одним звуком.

– Это вы, мистер Кук? – продолжал тот же голос. – Мне пить захотелось. Вы вставали напиться?

Кук, проснувшись наполовину, ответил:

– Вода за дверью... в ведре... А в чулане молоко... пейте... Это вы, мистер Гэвс?

Мулат стоял, притаившись за открытой дверью чулана. Он знал, что пропадет, если его обнаружат, и держал нож наготове.

– Я предпочел бы воду, – отвечал мнимый Гэвс, выбираясь из чулана. – Но в этой темноте ничего не найдешь, можно только шею сломать.

– Разгребите пепел в очаге, а там, сбоку, спички.

Сандерс занялся поисками спичек, но скоро объявил, что они куда-то запропастились. Он раздувал тлеющие уголья, но тоже напрасно.

– Да зачем вы трудитесь? – проговорил Уильям. – Выйдите за кухонную дверь, ведро стоит там снаружи.

– Хорошо, – сказал Сандерс, направляясь ощупью в кухню. – Ай, что это? Я наткнулся на ружье. Зачем оно стоит

здесь в углу, а не висит?

– Вам почудилось.

– Как почудилось? Я сильно ударился ногой о приклад. Кто же снял ружье со стены?

– Может быть мой сын, – сказал Уильям. – Эй, Билл!

– Не будите его, он спит так сладко, – перебил Сандерс, ощупью вешая оружие на прежнее место и пробираясь в кухню к дверям. Он нашел ведро и с жадностью напился.

Уильям тоже встал, чтобы попить и подозвал собак.

– Ник!.. Эли!.. Уатис! – крикнул он. – Что вы там крутитесь за домом? По местам!

Собаки, поласкавшись к хозяину, норовили забежать в дом.

– Куда это вы? Прочь! – пригрозил им Уильям. – Чего вы лезете? Взвизгивают, точно дикую кошку почуяли! Ну, прочь же, говорю! И ты, Красавчик! Убирайтесь же!

Он силой отогнал собак и захлопнул дверь, но они продолжали визжать и ворчать у порога. Сандерс лег и скоро заснул, но возня собак не давала покоя Уильяму. Он вскочил снова, выбежал за двери и принялся разгонять верных животных, награждая их пинками. Они подчинились неохотно, и Кук вторично затворил дверь.

Мулат все еще стоял, притаившись у косяка чулана и держа наготове свой нож. Но скоро все опять стихло, и слышался только храп спавших. Тогда он стал осторожно пробираться к выходу из кухни, не забыв допить остатки молока. Дви-

гаясь ощупью, он задел стул, и под руку попался какой-то ремень. К его радости, это оказалась перевязь от кисета с порохом и зарядами. Рядом лежал и другой кисет. Который полезнее? Чтобы разрешить вопрос, Дан надел оба себе на шею, взял ружье, повешенное Сандерсом снова на стену, и отодвинул тихонько засов у двери из кухни.

«Если собаки еще здесь, я пропал, – подумал он. – Такая свора разорвет в клочки».

Но счастье ему благоприятствовало, собаки опять возвратились к дереву и были с заветренной стороны. Он благополучно добрался до забора, но наткнулся на стоявшую у него лопату, и она упала, громко стукнув о что-то твердое.

Красавчик залаял, Уатис поддержал его, и все собаки бросились на поиски. Не выпуская своей добычи из рук, Дан помчался во весь дух к реке, успев только крикнуть наугад, потому что не видел своего товарища: «В воду! В воду!»

Собаки уже нагоняли его, но одна из них, еще молодая и неопытная, напала на след какой-то дичи, и подала голос прочим, которые и ринулись за ней.

Дан плыл по течению. «Сторожевые псы ошиблись!» – подумал он и спросил вполголоса:

– Коттон! Ты здесь!

– Здесь, – ответил тот тихо, подплывая к нему. – Ну, я думал, тебе крышка! Достал ружье?

– Достал... Бери его... Вот и два охотничьих кисета. Поторопимся, до сих пор мы были под ветром, но он скоро по-

вернет.

– Нам надо выбраться к холмам, но, чтобы сбить со следа собак, проплывем еще немного против течения.

Они продержались на воде еще с полчаса и потом вскарабкались на холмистый берег. Им требовалось покинуть территорию Арканзаса. С этой целью они пошли к Хелене, в этом городе их не знали, и здесь было легче переправиться на левый берег Миссисипи.

Между тем на ферме все проснулись от лая собак. К общему удивлению, дверь кухни оказалась открытой.

– И моего ружья нет! – воскликнул Кук.

– Можно было открыть дверь снаружи? – спросил Сандерс.

– Нельзя! – сказал Уильям. – Я сам запер ее на засов. Ружье могло быть украдено уже пробравшимся в дом. Я понимаю теперь, почему собаки рвались сюда. А я-то по глупости их отогнал!

Джеймс тем временем отыскал спички и осветил комнату.

– И моего кисета с зарядами нет! – воскликнул Уильям.

– Да и моего тоже... – сказал Джеймс. – Нечего сомневаться, вор был здесь и теперь посмеивается над нами.

Общая досада усилилась еще более, когда оказалось, что кувшин с молоком целиком опорожнен.

– Теперь только второй час, и трудно нагнать воров в темноте, – сказал Уильям, – а откладывать погоню до утра и вообще неблагоприятно.

– Но собак не слышать, а что мы сделаем без них? – возразил Джеймс. – Где они? Может быть, впрочем, напали на настоящий след и держат грабителей в осаде.

– Не попытаться ли созвать их охотничьим рогом? – предложил Уильям.

Он стал громко трубить, но долго ни одна собака не откликнулась на его зов. Наконец, появился Красавчик, виляя хвостом и визжа потихоньку, как бы прося извинить его за оплошность.

– Вот и хорошо! – воскликнул Уильям. – Нам одного Красавчика довольно! Лишь только рассветет немного, мы найдем следы вора. Не улетел же он!

– Надо полагать, – заметил старый Лейвли, – что мошенник спасся вплавь, а ветер дует к реке, это и сбило с толку собак.

– Если он действительно бросился в реку, то, верно, нашел какую-нибудь лодку и плывет теперь уже по Миссисипи, – предположил Джеймс.

– Никакой лодки в окрестностях нет, за это я ручаюсь, – уверенно возразил Кук. – Мы удили с Тенером рыбу в разных местах на реке и ни одной лодки не видели.

– Но она могла быть запрятана в кустах.

– Мы обшарили все кусты, потому что искали устриц, и не заметили ни лодки, ни каких-либо следов.

– В таком случае, вора надо искать среди прибрежных холмов, – сказал Лейвли. – И не теряя времени.

– Не лучше ли заявить местному судье? – заметил Сандерс, стоявший в каком-то раздумье.

– Для какой пользы? – презрительно спросил старик. – Нет, Джеймс, право, надо пуститься в погоню, не медля ни минуты! Вы с нами, мистер Гэвс?

– Охотно... Хотя я и не особенно уверен в своих силах, но все же, может быть, пригожусь вам на что-нибудь.

Прочие собаки тоже прибежали, но фермеры, боясь, что они опять нападут на ложный след, решили взять с собой только самую толковую из них – Красавчика. Понятливая собака довела их тотчас до реки, но далее, как было очевидно, потеряла след. Было также ясно, что здесь не приставала никакая лодка.

– Нам надо переправиться на ту сторону, – сказал Кук. – Беглецы могли оставить там свои следы. И поднять на ноги всех соседей. Войти в чей-нибудь дом и похитить оружие – слишком большая дерзость, точнее, преступление, которое требует строгой кары!

Поднявшаяся суматоха раздражала Сердерса, к тому же его щегольской костюм вовсе не годился для поездок по лесам. Но он опасался, что воров может оказаться кто-то из членов пиратской шайки и, в случае поимки, выдаст многое... Сандерс надеялся придать делу другой оборот, а при удобном случае и поспособствовать бегству грабителя. Совет его обратиться в суд был дан именно затем, что в таком случае вору была бы, почти наверняка, обеспечена безопас-

НОСТЬ.

Глава XIII

Поимка мулата

Охотники разделились: старый Лейвли и Кук вместе с Красавчиком шли по одному берегу протекавшей неподалеку от фермы речки, Джеймс и Сандерс по другому. Собака плелась равнодушно, вяло обнюхивая землю.

– Мало толку от вашего Красавчика! – сказал Сандерс. – Он какой-то сонный.

– Подождите! Едва нападет на след, совершенно преобразится.

– Здесь вообще мудрено что-либо подметить... сплошь камень. Целая армия пройдет, не оставив следов...

– Вы полагаете? – спросил Джеймс самодовольно. – Не зря уверяют, что городские джентльмены совершенно теряются среди лесов.

– Как лесные джентльмены в городах, – парировал Сандерс с язвительной усмешкой.

Джеймс невольно покраснел, потому что мнимый мистер Гэвс в общем был прав. Но он тотчас же приободрился, указывая своему спутнику на несколько лежавших на дороге камешков.

– Вам это ни о чем не говорит? – спросил он.

– Что? – спросил тот. – Ничего особенного не вижу.

– А я вам скажу, что здесь с четверть часа тому назад пробежал олень.

– Откуда вы узнали?

– Смотрите! Один камешек стронут с места. Та сторона его, которая отсырела от прикосновения с землей, теперь обращена вверх. Камешек стронут пробежавшим животным. А что это был олень, можно судить по следам копыт на мху, покрывающем землю... Но что это?

– Где? – спросил Сандерс раздраженно.

– Идите сюда! – крикнул Джеймс отцу и Уильяму, не отвечая на вопрос гостя. – Я нашел кое-что, требующее внимания.

Старик и его зять переправились вброд, и Джеймс спросил у них:

– Когда шел дождь в последний раз?

– Третьего дня вечером, – ответил Лейвли.

– Как вы думаете, мог камень оставаться мокрым с того времени? – продолжал Джеймс, указывая на влажную поверхность плоского прибрежного камня. – Не должен ли был высушить его ветер?

– Разумеется! – подтвердил Лейвли. – Значит, мы напали на свежий след.

– Без всякого сомнения! – весело воскликнул Уильям. – Разбойник вылез из воды у этого плоского камня. Сюда, Красавчик! Докажи свое искусство!

Собака обнюхала место, не выказывая сначала никакого

особенного оживления, но скоро выпрямила уши, осмотрелась вправо и влево, взглянула пристально на своего хозяина, замахала хвостом и завыла.

– Ну, чует волка! – сказал с неудовольствием Джеймс.

– Волка или негра, – ответил Уильям. – У Красавчика на них одинаковая реакция.

Он протрубил в рог, и по этому условленному сигналу с фермы им подали лошадей. Лишь только Красавчик увидел, что все готовы к отъезду, он глухо пролаял, помчался прыжками вперед, но тотчас же снова побежал рысью, не поднимая морды от земли.

Лес здесь был редкий, и лошади могли следовать за собакой, которая, взбежав на возвышенность, стала спускаться по окраине оврага, тянувшегося к Миссисипи. Охотники, от внимания которых ничто не ускользало, вскоре заметили отпечатки ступней на болотистой почве. Красавчик остановился, поджидая своего хозяина. Подскакав ближе, Уильям увидел явные следы привала: земля была истоптана и покрыта золой и угольями, вперемешку с костями и перьями, по которым можно было заключить, что кто-то жарил и ел дрофу.

– Ну, – сказал Уильям товарищам, – этот молодец позавтракал лучше нас! Но как мы не слышали выстрела, которым он убил птицу?

– Он успел уйти слишком далеко от фермы, – отвечал Джеймс, – но зато потерял много времени потом, благодаря своей жадности. Но позвольте! Вот новый факт: негодя-

ев было двое. На земле отпечатки двух видов обуви: обыкновенных башмаков и других, более легких и закругленных, какими бывают мокасины. Башмаки с высокими каблуками. Вперед! Мы вот-вот нагоним беглецов, следуя по этим следам!

Он поскакал во весь опор. Красавчик несся за ним, наконец, Уильям крикнул:

– Видите? Вон они бегут! Вперед же, скорее, надо взять их живыми.

Коттон и Дан не замечали преследования, пока поворот дороги скрывал от них окраину оврага, но мулат вдруг остановился, испуганно спросив:

– Слышишь, Коттон?

– Что тебе еще пригрезилось, трус?

– Конский топот.

– Вздор! – возразил Коттон, побледнев, однако, немного. – Где ты слышишь? С какой стороны?

Мулат припал ухом к земле, но тотчас же поднялся, лепеча с ужасом: «Бежим! Бежим!..» – и бросился со всех ног вперед.

Коттон теперь уже и сам слышал лошадиный топот и бежал вслед за товарищем, думая в то же время, что единственным средством к спасению была возможность заставить охотников гнаться по двум направлениям. Он заботился только о том, чтобы уйти самому, предоставляя мулата его собственной участи. С этой мыслью в ту минуту, когда

Дан опередил его на несколько шагов, он прыгнул с крутого обрыва вниз, прямо в густую чащу каштанового кустарника. Может быть, ему и удалось бы спастись таким способом, потому что никакой всадник не мог последовать за ним туда, но Уильям признал свое ружье, а в человеке, уносившем его, известного грабителя Коттона. Молодому фермеру были хорошо известны все окрестные тропинки, и он повернул лошадь назад, чтобы спуститься с обрыва и перерезать путь беглецу.

Сандерс, которого также интересовал более белый, нежели негр, последовал за Уильямом.

Дорога, выбранная Коттоном, была почти недоступна для верховых, но всадник был до того приучен к преодолению всяких препятствий, что не сдерживал лошади. Сандерс, несмотря на то, что был вовсе не таким лихим наездником, был вынужден следовать за ним по пятам, потому что его лошадь рвалась за той, которая мчалась впереди.

Уильям уже настигал беглеца, а Красавчик почти хватал его за ноги, но Коттон остановился и выстрелил. Он был великолепным стрелком, но крупные капли пота падали со лба на глаза, и это помешало верности прицела, пуля только слегка задела висок Уильяму и пробила насквозь шляпу Сандерса.

Решительная минута наступила. Кук понимал, что стрелять на скаку бесполезно, и решил свалить разбойника ударом приклада по голове. Он поднял уже свое ружье за ствол,

но в эту самую минуту лошадь его споткнулась, и Уильям покатился к ногам своего врага. Коттон решил воспользоваться удачей, и гибель молодого фермера была бы неизбежна, несмотря на то что Красавчик с бешенством бросился на защиту своего хозяина, однако к месту схватки поспешно приближался Сандерс, и это изменило положение дел.

Коттон не подозревал, конечно, что Сандерс не имел против него никаких враждебных намерений, поэтому, повинуясь только чувству самосохранения, он швырнул разряженную винтовку в Красавчика, который отскочил с жалобным воем, подхватил ружье, выпавшее из руки Уильяма, спустился в глубину оврага и побежал по болотистой равнине. К его удивлению, второй всадник его не преследовал.

Между тем Джеймс продолжал преследовать мулата, и старик Лейвли не отставал от него. Видя их уже в двадцати шагах от себя, Дан остановился, встал за торчавший ствол дерева и крикнул, направляя в противников свой пистолет:

– Прочь! Размозжу голову первому, кто подступит!

Но молодой человек и его отец имели опыт схваток с индейцами и усвоили их тактику. Они мгновенно спешились и спрятались за деревьями. Дан увидел среди листьев дуло охотничьего ружья старого Лейвли, уставившееся на него, и бросился плашмя в траву.

– Джеймс! – крикнул старик сыну. – Он долго пролежит так, притаясь, я не могу попасть в него, мне видно лишь дуло его пистолета. Попробуй подстрелить его в ногу! Только

чтобы он тебя не задел!

В это время раздался топот лошади. Сандерс скакал в их сторону, и это погубило мулата. При движении, которое он сделал, чтобы взглянуть на нового противника, Джеймс выстрелил, и пуля пронзила ногу мулата. Сандерс ударом приклада раздробил ему руку и добил бы вора, если бы старик Лейвли не удержал его.

– Лежачего не бьют, – сказал он, – притом этот человек – наш пленник!

– Но его товарищ убил вашего зятя! – возразил Сандерс. Известие было не совсем точным, Уильям уже подъезжал к группе, держа в руках свою дорогую винтовку. Он спросил мнимого мистера Гэвса, почему он его покинул или не выстрелил в убежавшего Коттона? Сандерс отвечал, что не сумел бы попасть в беглеца. К тому же он считал Уильяма смертельно раненым.

– И поэтому вы оставили меня на произвол судьбы? – насмешливо спросил молодой человек.

Он рассказал обо всем, что случилось, и советовал не преследовать более Коттона, потому что Красавчик не пошел бы на охоту за белым. Притом бедная собака была сильно ушиблена брошенным в нее ружьем, и теперь с трудом ступала на одну ногу. Поэтому решили перенести мулата на ферму. Он терял много крови из-за раны, перелом руки тоже грозил опасностью для его жизни. Старик Лейвли как умел сделал ему перевязку, но раненый слабел и лишился чувств. Фер-

меры устроили носилки из конских попон, и маленький караван отправился обратно к ферме. Но Джеймс заявил отцу, что не может оставить Коттона безнаказанным, он просил старика извиниться за него перед дамами. Сам он считал необходимым немедленно продолжить погоню. Сказав это, он закинул ружье на плечо, снова вскочил на лошадь и помчался по прежней дороге. Охотничья сметка помогла ему найти след, видневшиеся кое-где на траве капли крови показывали, что Коттон ранен и что он делал себе перевязку на том камне, далее которого крови не было видно. Молодой человек понял, что ему придется употребить всю свою ловкость и смекалку, чтобы настичь беглеца.

Глава XIV

На острове

Почти одновременно с тем, как Том Барнвель отплыл из Хелены по направлению к Монтгомери-Пойнт с целью осведомиться о ценах на товар, другая шлюпка отчалила от таинственного острова, пересекая реку к берегу штата Арканзас.

В этой лодке сидели двое: негр Боливар и молодой метис Олио. Негр усиленно работал веслами, товарищ его лениво правил рулем. Метис был в нарядной ливрее из серого сукна с красной канвой по всем швам, такая же серая фуражка лежала возле него, но он прикрывал голову от жары широкополой шляпой. Спутники никогда не водили дружбы между собой, они не разговаривали и теперь. Боливар смотрел вниз, усиленно налегая на весла, а Олио небрежно насвистывал какую-то песенку. Метисы, происходящие от смешения испанской и индейской крови, считают, что стоят на ступень выше негритянской расы. При этом жена Келли очень любила и баловала молоденького метиса, так что он позволял себе обращаться заносчиво даже с белыми пиратами. Боливару, единственному негру во всей шайке, особенно доставалось от выходок этого юноши, и он ненавидел его всей душой, но в эту минуту он казался всем довольным и лишь иногда бросал на метиса взгляды, не предвещавшие ничего хорошего.

– Правь хорошенько! – произнес он в сердцах. – Из-за твоего неумения мне приходится вдвое труднее, а это не особенно приятно при таком зное.

– Ну, ты не загорись, как бы не пекло солнце. Сам ты что делаешь? Табань правым, неужели не видишь? Как же мы пристанем?

– Знаю как, пристань ваша ближе, чем ты думаешь... Видишь это место, где камыши? Туда и надо править... А не можешь – вовсе бросай руль!

– Ах ты, медведь неотесанный! Когда я уже выйду на берег, чтобы отвязаться от тебя? А где я найду лошадь?

– Я покажу, когда выйдем на берег.

– Дорогу знаешь?

– Знаю, не собьюсь...

– Но куда же ты гонишь лодку? – вскричал Олио. – Разве можно лезть под эти нависшие ветви? С них на меня стекает вода.

– Подожди, – прошептал негр сквозь зубы, – скоро и не так вымокнешь.

Через минуту среди густой, непроницаемой для глаз листвы раздался пронзительный крик и всплеск воды, как от взмахов хвоста исполинской рыбы. Потом все смолкло, камыши и ветви деревьев перестали колыхаться, волнение на воде стихло. Лодка выплыла вновь, в ней сидел один лишь Боливар.

Он с трудом перевел дух и направил лодку к срубленно-

му дереву, лежавшему вершиной в воде. Привязав к сучьям лодку, он надел на себя рубашку и куртку, снятые прежде под каким-то предлогом, и при этом выронил из кармана два письма. Он не умел читать, однако долго рассматривал адреса на конвертах. На одном из них было кровавое пятно, он хотел стереть его мокрым пальцем, но только размазал. Тогда он подумал, не бросить ли его в воду? Однако не решился и снова спрятал письма в карман.

Фуражка метиса оставалась в лодке. «Вот ее надо потопить», – сказал он себе. Он вынул из другого кармана складной нож с толстой деревянной ручкой, воткнул лезвие в фуражку и бросил ее в воду, пробормотав:

– Дома найдутся ножи и получше. Так-то вернее.

Сделав все это, он направил лодку к острову номер 61.

На острове шел пир. Накануне пиратам досталась богатая добыча, впереди ждала другая, еще лучшая, к тому же ни Келли, ни его ближайших подручных не было в лагере, поэтому можно было разгуляться на славу. Один из пиратов, по имени Питер, более воздержанный, чем другие, тщетно пытался обуздать своих товарищей. Он старался внушить им, что крик и пение могут быть услышаны с проходящих судов, подвергая опасности всю шайку. Но разбойники не желали ничего слушать, они уверяли, что веселятся так уже не в первый раз и это никогда не приводило к беде.

Когда Боливар появился среди пирующих, его приняли с шумными восклицаниями. Он, большею частью молчали-

вый и угрюмый, был на этот раз тоже в возбужденном состоянии, и охотно согласился петь и плясать по просьбе своих товарищей.

– Bravo! Ура! – кричали они, угощая его виски, но матрос Корни из Иллинойса отнял у него бутылку, говоря:

– Нет, пусть заслужит ее сперва. Покажи нам силу своей башки, Боливар. Я только что рассказывал товарищам, что ты можешь пробить круг сыра головой. Они не верят, а я побился об заклад на двадцать долларов, что ты можешь это сделать. Хочешь помочь мне выиграть заклад, милый мой беленький цветочек? Мы разделим доллары пополам.

– Не желаю. Что мне твои двадцать долларов! Я заработал сегодня их целую кучу! Двадцать долларов! Нашел чем удивить!

Он отвернулся, но Корни вытащил из кармана великолепный кинжал:

– А такую вещицу хочешь получить, белая сахарная головка, прелестная белая роза?

Присутствующие окружили Корни и негра. Одни подзадоривали Боливара, другие уверяли, что предложенная сделка решительно невозможна.

Негр, не обращая внимания ни на чьи слова, с жадностью смотрел только на кинжал. Лезвие было из дамасской стали, рукоятка украшена золотом и серебром. Сам султан не отказался бы от такого оружия.

Если бы Боливар соображал получше, он догадался бы,

что Корни подзадоривает его, обещая подобную драгоценность за пустое пари. Но выпитое им виски произвело свое действие, к тому же ему необходимо было приобрести оружие, вместо ножа, брошенного в воду вместе с фуражкой метиса. Он сдернул с головы старую соломенную шляпу и крикнул:

– Идет! Подавайте круг сыра!

Но прежде чем принесли сыр, он начал плясать с кинжалом в руке, распевая во все горло негритянскую песню. Питер тщетно просил его уgomониться, уверяя, что его слышно на обоих берегах Миссисипи, но негр не унимался, а товарищи вторили ему, и гвалт становился оглушительным. Он стих, лишь когда внесли один из тех сыров, которые изготавливаются в Огайо и Пенсильвании. Такой круг сыра, диаметром в два фута, при толщине в четыре или пять дюймов, бывает всегда покрыт темно-желтой упругой и твердой корочкой, но, как известно, черепа негров отличаются упругостью и твердостью одновременно, позволяющей им переносить удары, от которых голова белого человека разлетелась бы вдребезги, как яичная скорлупа. Когда двое негров дерутся, головы служат им таким же оружием, как и кулаки. Боливар уже не раз пробивал круг сыра лбом, но Корни намеревался сыграть с ним злую шутку.

По его распоряжению круг сыра прислонили к бочке с сахаром, и негр, откинув сначала голову назад, разбежался, ударил лбом об сыр и разделил его пополам.

Со всех сторон раздались шумные рукоплескания, а Боливар, швырнув разбитый сыр на пол, крикнул с торжеством:

– Подбирайте свою творожную лепешку! Я ее просто носом могу проткнуть!

– Правда, что это не более чем творожная лепешка, – заметил один из пиратов, уроженец Индианы, – а вот попробовал бы кто проделать такую штуку с нашими сырами!

– Что такого особенного в ваших сырах? – закричал Корни. – Вы что, всерьез думаете, что Боливар здесь спасует? Эй, подайте сюда круг индианского сыра! Я плачу за него пять долларов. Возьмите самый твердый, и я ручаюсь, что выиграю пари! Не так ли, Боливар?

– Так, так! – пробормотал негр, который успел еще несколько раз приложиться к бутылке и смотрел на всех ошеломленными глазами. – Ура!.. Где ваш сыр?.. Подавайте его...

– Вот, готово! – сказал индианец.

Негр хотел уже повторить свой опыт, но Корни остановил его:

– Постой, дружище, я заплатил за этот сыр наличными и потому не желаю, чтобы на нем остались клочья шерсти, что растет у тебя на голове, это будет не очень вкусно, если она попадет мне в рот. Поэтому позволь прикрыть сыр платком.

– Хоть одеялом... Мне все равно, – ответил негр, которого, чтобы отвлечь его внимание, обступили пираты, между тем как Корни быстро подменил круг сыра небольшим жерновом, прикрыв платком. Потом все расступились, и Боли-

вар, закрыв глаза и откинув назад голову, снова бросился с разбегу вперед...

Удар был так силен, что уложил бы на месте быка. Негр упал навзничь и пролежал несколько минут неподвижно, лишившись чувств. Потом он медленно поднялся, повел вокруг бессмысленным взглядом и сжал себе виски. Голова у него так болела, что он снова едва не потерял сознание, но хохот товарищей привел его в чувство. Он увидел камень, с которого свалился платок, и все понял, и угадал, кто был зачинщиком жестокого обмана, когда Корни подошел к нему и насмешливо спросил, не находит ли он, что сыр слишком уж пересох на солнце?

Прежде чем кто-либо сообразил его удержать, негр кинулся на своего врага, ударил его изо всей силы кулаком и вцепился зубами в горло. Присутствующие бросились на помощь товарищу и с трудом оттащили Боливара от жертвы. Он бился так, что потребовалось усилие десятка человек, чтобы связать ему руки. Гвалт поднялся страшный, и Питер, не видя возможности унять разбушевавшуюся толпу, кинулся к Джорджине, прося ее восстановить порядок. Он говорил ей, что Келли требовал спокойствия именно теперь, когда остров не был в безопасности, и дело шло о переселении в другие места. Но Джорджина не решалась покинуть Марию. Бедная пленница уже не раз порывалась бежать, а в этот день, с самого утра, сидела безмолвно и неподвижно в углу, как потерявшая рассудок.

– Не бойтесь, она просидит спокойно до вашего возвращения, – сказал Питер, гневно поглядывая на Марию. – Недоставало еще этих хлопот, женщина, да еще помешанная!

Усиливающийся шум заставил Джорджину принять решение. Она накинула на себя шаль и пошла за Питером.

Появление Джорджины произвело магическое действие. Даже наиболее бушевавшие притихли при виде красавицы. Ее стройный, величественный стан, прелестное лицо с чудными черными глазами, обрамленное прядями темных волос, ниспадавших на белоснежную шею, не могли не произвести впечатления на толпу, подавленную смелостью, с которой молодая женщина бросала ей вызов.

– В чем виновен этот человек? – спросила она, указывая на негра, отбивавшегося от своих преследователей.

Снова поднялся шум, все кричали разом. Наконец, Питер наскоро рассказал все, что произошло. Когда он объяснил, что Боливар едва не убил Корни, многие закричали:

– Смерть черномазому скоту! Кидается на людей, как пантера!

– Разве вы люди? – резко спросила Джорджина. – О чем вы думаете? Об удовлетворении личной мести, когда враги окружают нас со всех сторон? И разве вы не сами возбудили ярость этого негра? На что вы жалуетесь? Разве змея не жалит, когда на нее наступают? Идите все на места! Атаман может вернуться в любую минуту, и вы знаете хорошо, что ожидало бы вас, если бы здесь стоял сейчас он, а не я. Иди-

те и проспитесь! И знайте, что нарушение правил не сойдет вам так легко в другой раз. Если негр виноват, атаман решит, что с ним делать. Я вовсе не защищаю виновного, сам Келли разберет дело, но до тех пор сидите тихо!

Эта твердая речь возымела действие. Зачинщики ссоры, хотя и ворча, но отпустили негра. В эту минуту из дома Келли скользнула тень, раздался странный смех и видение исчезло между пятым и шестым домиками.

– Это она! – воскликнула Джорджина, заметив край платья Марии. – Питер, Боливар, за ней!

Питер бросился исполнять приказание, несколько человек последовали за ним, но связанный негр поневоле оставался на месте. Джорджина поспешила разрезать на нем веревки, но хмель с него еще не сошел, да и удар о камень давал себя чувствовать, силы изменяли Боливару после неистовой борьбы, и он, сделав лишь два-три шага, упал как подкошенный.

Джорджина была уверена, впрочем, что беглянку тотчас же поймают. Но полупьяные пираты бесполезно совались из стороны в сторону, только сбивая с толку Питера. Они возвратились ни с чем. Питер был убежден, что помешанная утонула, но Джорджина не примирилась с этой мыслью и приказала возобновить розыски на рассвете.

Глава XV

Вниз по Миссисипи

Величественная река берет начало в Скалистых горах¹¹, постепенно расширяясь, она сносит все, что встречает на своем пути, и ее ежегодные разливы грозят плотинам, плантациям, поселкам, мелким и крупным судам. И желтая лихорадка, эта страшная американская чума, довершает дело гибели, начатое великой «матерью рек».

Том Барнвель, простившись с Эджвортом, плыл по реке, то работая веслами, то предоставляя шлюпку течению. В десяти милях от Хелены ему повстречался небольшой зеленый островок, к которому он решил ненадолго пристать. Место казалось необитаемым, но, пока он привязывал лодку к дереву, невдалеке раздались звуки скрипки. Незвестный виртуоз играл что-то очень веселое с замечательной беглостью и искусством.

Изумленный Том вышел на берег и пробился сквозь чащу кустарника в ту сторону, откуда слышалась музыка. Он увидел молодого человека, лет двадцати пяти, с темными волнистыми волосами, осенявшими загорелую шею. Одет он был

¹¹ Имеется в виду исток реки Миссури, которая вместе с Миссисипи является крупнейшей водной артерией США. Река Миссисипи вытекает из небольшого озера в штате Миннесота.

в серые штаны и синюю рубашку, большая соломенная шляпа его висела на ближайшей ветке. Он стоял спиной к Тому, опершись о дерево, и водил смычком с таким усердием, как будто хотел пленить многочисленных слушателей.

Том невольно расхохотался. Незнакомец оборотился к нему и спросил спокойно, как будто ждал появления именно этого гостя:

– Как поживаете, сэр?

– Bravo! – крикнул Том. – Вы играете с таким задором, что всякому плясать захочется. Но что занесло вас сюда, да еще со скрипкой? Кого вы здесь развлекаете?

– Самого себя, – ответил незнакомец. – Я очень люблю наигрывать «Янки Дудль», «Рожок лорда Гоу», «Марш Вашингтона» и тому подобные национальные мотивы.

– И вы живете здесь? – спросил Том. – У вас здесь дом?

– Да, – отвечал скрипач, глядя пристально на него большими глазами. – Живу здесь, есть у меня и дом... или подобие дома... Питаюсь я тем, что покупаю у проходящих паромов. Милости прошу ко мне, если желаете. Но, кстати, вы откуда явились? Я сначала подумал, что вы упали с неба.

– Моя лодка тут, на реке...

– Где именно? У моего дома?

– Дома я не видел никакого и пробрался сюда напрямик, сквозь кустарник.

– Вы шли не той дорогой. Жилище мое немного в стороне. Пойдемте, я могу вас накормить. Не отпускать же вас го-

лодным!

Он повел своего гостя чуть далее в глубь островка, и Том увидел небольшую хижину, сложенную из стволов деревьев. Дверь в нее была так низка, что приходилось нагибаться, чтобы войти.

Обитатель этого скита был родом из Кентукки и жил тут в сообществе лишь двух больших собак. Он занимался рубкой леса и охотой на пум и медведей и сообщил Тому, что надеется сколотить вскоре порядочный капитал, который позволит ему переселиться в места более цивилизованные.

– Но только, – прибавил незнакомец, – все же с условием, чтобы мой ближайший сосед находился от меня не менее чем в пяти милях.

Обстановка жилища оказалась простой, столом служила бочка, опрокинутая вверх дном, стульями – два обрубка дерева. «Нельзя же, в самом деле, сажать гостей на пол!» – пояснил чужак. Вся домашняя посуда его состояла из чугунного котла без ручек и без крышки и одной ложки. Но охотничьи принадлежности хозяина производили более благоприятное впечатление, над дверью висело превосходное ружье, а в углу, на гвозде, большой охотничий нож.

Кровати не было видно, но на полу у стенки лежали несколько медвежьих шкур с раскинутым над ними пологом, что указывало на место ночлега отшельника. В продовольственных запасах не было недостатка: с потолка свисали подвешенные куски сырого и копченого мяса. Видно было,

что хозяин запасся с лихвой на тот случай, когда приходится спешить с рубкой деревьев, а охота неудачна.

– Садитесь и почувствуйте себя как дома, – сказал кентуккиец, ставя перед Томом деревянное блюдо с аппетитными на вид ломтями копченой дичи и кусками жареной индейки. – Вот и лепешки из кукурузы, они весьма недурны. Жаль, что не могу ко всему этому подать вам еще стаканчик виски.

– О, если у вас нет виски, – сказал Том, – то позвольте мне услужить вам. Я захватил с собой из Хелены целый бочонок, и мне его не выпить дорогой. Он в лодке, и я схожу за ним сквозь вашу чашу.

– Нет, зачем вам туда лазить! Лучше я сяду в свою лодку и притащу сюда вашу. То-то мне все казалось, что в воздухе пахнет спиртом. У меня чудо что за чутье!

Он вышел и вскоре подъехал с лодкой Тома, который помог ему втащить бочонок в хижину. Хозяин тотчас принялся готовить грог.

– А теперь, мой дорогой гость, – начал он, – не расскажете ли вы мне, куда вы едете, вдвоем с бочонком виски? Не до Нового Орлеана, надеюсь?

– Нет, только до Монтгомери-Пойнт и с целью навести справки о ценах на разные припасы. У нас барка с товаром в Хелене, и наш рулевой расхваливает Монтгомери, как лучший рынок для сбыта.

– Монтгомери? Ну, нашел что хвалить! Вам выгоднее было бы остановиться выше, в Мемфисе. Вы приставали там?

– Нет, рулевой отговорил. Он уверял, что все тамошние торговцы делают свои закупки в Кентукки, получая их по реке Огайо. Правду сказать, я подозреваю, что у него есть какой-нибудь приятель в этом Монтгомери, и он старается сбыть ему наш товар.

– Весьма вероятно. Все судовщики на Миссисипи пользуются недоброй славой. И еще скажу я вам одну вещь, к моему изумлению, здесь проходит очень много судов по ночам. Если бы они шли вниз, нечему было бы удивляться, но все они идут вверх и именно перед рассветом. Не странно ли, что они не дожидаются утра и идут не на буксире у пароходов, а на веслах, в таком месте, где встречное течение столь стремительно?

– В самом деле странно, – сказал Том. – Но, дорогой хозяин, мне уже пора. Счастливо оставаться!

– Куда вы торопитесь? Вы успеете прибыть еще засветло в Монтгомери.

– Но мне нужно потом опять подняться вверх по реке, навстречу нашей барке. Вы позволите оставить вам бочонок с виски?

– О, принимаю с удовольствием часть того, что в нем заключается. Отлейте сюда, в эту кружку.

– А как вы думаете, когда я прибуду в Монтгомери?

– Завтра к утру, по всей вероятности. Отсюда до него около сорока пяти миль.

– Так я возьму кружку, а вам оставляю весь бочонок. Я мо-

гу там вновь запастись, а кружки мне за глаза хватит покуда. Берите, берите без церемоний. Я знаю, что значит сидеть вовсе без виски. Прощайте! Кстати, как вас звать?

– Роберт Брэдшоу. А вас?

– Том Барнвель.

Новые знакомые расстались, но Том слишком засиделся на острове, и солнце стояло уже высоко, когда он снова уселся за весла. Сумерки очень коротки в жарких странах, и Тому пришлось грести очень усердно, чтобы воспользоваться с максимальной пользой оставшейся частью дня. Течение несло его к острову номер 61, который делил Миссисипи на два рукава; главнейший из них пролегал у правого западного берега реки.

В то время, к которому относится наш рассказ, все суда, идущие вниз, оставляли слева номер 61 и шли правым проходом, между номерами 62 и 63. Лишь при крайне высокой воде решаются они сокращать путь, избирая другой рукав.

Том, не изучавший фарватера, думал только о сокращении пути и направил лодку именно в этот узкий проход. Ее осадка была небольшой, и он не боялся подводных камней. Высоко над ним, на темно-синем небе блистали мириады звезд. Том залюбовался красотой южной ночи и тяжело вздохнул. Но тотчас же спохватился, стыдясь своей невольной грусти.

– Сумерки навевают меланхолию. Будят воспоминания... – произнес он вполголоса. – Засмотрелся на звезды,

но и на земле какое сверкание! Эти светящиеся червячки прелестны.

Он подъехал ближе к берегу и вдруг услышал звонкий женский смех.

«Это что?» – спросил себя Том в изумлении и направляясь ближе к острову. С берега продолжал раздаваться смех и странная речь:

– Рыщут лисицы... да все напрасно! Не поймать птички, вылетевшей из клетки! Сюда, сюда, лодочник... ночной ветер свеж, и холодно мне.

Изумленный Том подогнал лодку еще ближе. Она оказалась в эту минуту у южной оконечности таинственного острова. Здесь, среди густой поросли, пираты прятали свои лодки и постороннему не пришло бы в голову сунуться в эту густую, совершенно непроходимую на вид чащу. Том, вглядываясь в кусты, не видел никого, но вдруг, подняв глаза, окаменел от ужаса. На ветвях смоковницы, вытянувшихся над водой, сидела какая-то женщина в белом. Несмотря на опасность своего положения, она нагибалась все ниже к реке, повторяя:

– Лодочник, ближе, скорее. Не то луна обожжет тебе лицо и к утру оно покроется веснушками. Скорее сюда, осторожнее.

И прежде, нежели Том успел причалить лодку, женщина сделала движение и упала к нему на руки. Лодка колыхнулась и понеслась, подхваченная быстрым течением.

Молодая женщина, придерживаемая Томом, оставалась неподвижной несколько минут и молчала, глядя на остров, исчезавший в отдалении. Потом она стала пристально вглядываться в молодого человека и проговорила печально:

– Том Барнвель... Том Барнвель... перевези меня на другой берег... волны отнесли туда труп моего Эдуарда...

– Мария! – вскрикнул молодой человек. – Мария, вы здесь, и в таком положении!

– Том, друг мой! Я знаю, что ты любил меня, но я не могла ответить тебе. Но что это на волнах? Труп моего отца! Мать тоже там...

– Что с вами, Мария? Что случилось? – вопрошал Том, усаживая ее бережно на корму. – Где ваши родители? Муж?

Мария как бы не поняла сначала, потом вздрогнула и заговорила прерывающимся голосом:

– Нет никого! Все там... в воде! А когда мой Эдуард вынырнул из волн, он был так прекрасен. И на нем не было ран... И он смеялся... О, этот смех!

Она зарыдала, и слезы как бы успокоили ее. Том ничего не понимал, и ему казалось, что он сделался жертвой тяжелого сна. Он любил эту несчастную с самой юности, потерял ее... и теперь она вдруг оказалась с ним, одна... но в каком состоянии! Боже мой!

Что произошло? Вероятнее всего, она находилась со своими родителями и мужем на каком-нибудь судне, погибшем близ острова. Все утонули, она случайно спаслась. Но забо-

та о ее дальнейшей участи ложилась теперь на Тома. Раздумывая, что предпринять, он решил, что разумнее всего было бы продержаться на реке до прихода какого-нибудь парового судна, идущего вверх к Хелене, и прибыть туда с Марией до отъезда Эджворта из города. Старик хорошо знал бедняжку и лучше Тома знал, как ей помочь.

Вдали показался пароход. То был «Ван-Борен», занимавшийся перевозкой строительных материалов. Шкипер согласился принять пассажиров, и Том, устроив Марию поудобней на палубе, поплыл с ней обратно в Хелену.

Глава XVI

Доктор Монро

Старик Лейвли и его спутники доставили пленника на ферму. Раненый почти не подавал признаков жизни, он лежал неподвижно и только изредка стонал, когда носилки, привязанные к лошадям, встряхивало сильнее на неровностях почвы.

Оставшиеся на ферме женщины находились в крайней тревоге. Они знали, что преступники, которых преследовали фермеры, были вооружены и не сдались бы без отчаянного сопротивления. Увидев издали всадника, приближавшегося во весь опор, они бросились к нему навстречу.

Это был старый Лейвли, поехавший вперед, чтобы предупредить женщин и не испугать их видом носилок. Его засыпали вопросами.

– Где Джеймс? – спрашивала миссис Лейвли, едва держась на ногах от волнения.

– Где мой муж? – кричала молодая женщина. – Что произошло? Батюшка, говорите... Боже мой! У вас кровь на руке... на платье... Где Уильям?

Миссис Дейтон и Адель также расспрашивали старика, перебивая друг друга. Он так оторопел, что совершенно забыл о подготовленной версии рассказа о всем происшедшем

и пробормотал только:

– Он жив... Его несут сюда.

– Несут? Кого? – спросили побледневшие женщины. – Кто ранен? Джеймс?... Уильям?..

– Да нет же, глупые вы! – крикнул старик, рассердившись. – Дайте мне рассказать... Несут мулата, который ранен, а все прочие живы и здоровы, как вы сами!

– О, Боже мой! – простонала миссис Лейвли. – Зачем же ты перепугал нас до такой степени!

– Да, батюшка, не скоро оправлюсь я от подобного испуга! – произнесла миссис Кук.

– Вот ваша благодарность, за то что я скакал сюда, сломя голову, чтобы вас успокоить! – с досадой воскликнул старик. – Вспыхивают, точно бочонок с порохом! Слушайте лучше, я расскажу все по порядку.

Он принялся за подробное изложение случившегося, не замечая еще одного постороннего слушателя. В столовой, куда они вошли, сидел в стороне человек, доедавший завтрак, поданный ему перед тем, как женщины побежали навстречу старому Лейвли. Это был доктор Монро, или «мертвецкий доктор», как его прозвали в окрестности.

– Здравствуйте, мистер Лейвли! – сказал он, воспринимая, по-видимому, с большим удовольствием весть о том, что кого-то ранили.

– Ах, доктор Монро! – сказал старик с явным неудовольствием, при виде человека, про которого говорили, что он

чует труп, как ворон падаль. – Но вот и наши! Жена, где положить нам раненого?

– Разве его внесут к нам? Впрочем, ты прав, хотя это и преступник, но все же наш ближний, и Господь его уже наказал. Я думаю, лучше всего поместить его во флигеле, а Уильям и прочие перейдут сюда, О, миссис Дейтон, не на веселое зрелище приехали вы к нам!

Доктор Монро толковал между тем без умолку о всяких ранах и повреждениях, повторяя, что его занес сюда счастливый случай.

– Надо ему сделать трепанацию, – бормотал он, – потом ампутировать руку и ногу.

– Что это вы! – перебил его старый Лейвли.

– О, все будет сделано отлично, не беспокойтесь! – возразил доктор, потирая руки. – Ручаюсь, что он проживет еще после этого два или три дня. А за труды я не возьму ничего, кроме его тела. Попрошу у вас только лошадь, чтобы довезти его до Хелены.

Раненого уложили между тем у огня. Старик Лейвли и Уильям вышли на время для некоторых распоряжений по дому, попросив Сандерса побыть пока с доктором у постели мулата. Уильям обещал тотчас же возвратиться, намереваясь допросить Дана, лишь только тот очнется.

Но Сандерсу самому хотелось выведать многое от мулата, бежавшего от своего хозяина в шайку и теперь, как оказалось, покинувшего ее вместе с Коттоном. Из отрывочного

разговора миссис Лейвли и миссис Дейтон, он узнал о смерти Бенвиков, которые любили Адель как свою дочь. Они, без всякого сомнения, оставили ей богатое наследство. Замысел Келли начинал для него проясняться. Не говорил ли Блэкфут, что атаман получил известия из Джорджии, где у него находится доверенный человек?

Келли обещал хорошую сумму за похищение Адели, но Сандерсу было еще выгоднее заманить девушку. Каким способом – он сам не знал толком, но решил, во всяком случае, помедлить с исполнением приказа атамана, перед которым он мог всегда потом оправдаться необходимостью оставаться при раненом, чтобы не допустить лишних разговоров с посторонними, потому что самому Сандерсу следовало выведать от него все и потом сделать его безвредным – то есть «устранить навсегда», как говорили в шайке. Сандерс не задумывался над жестокостью этой меры, видя в ней не только исполнение клятвы товариществу, но и обеспечение своей личной безопасности, что имело для него первостепенное значение.

Присутствие доктора очень стесняло Сандерса, но выдворить его из комнаты не было возможности. Монро тщательно осматривал раненого, не смущаясь нимало его мучениями. Он вытащил и разложил весь свой арсенал хирургических инструментов, продолжая уверять в то же время, что пациент ни в коем случае не останется в живых.

Возвратившийся в это время Джеймс сообщил, что по до-

стоверным данным Коттон направился к югу. Было необходимо устроить на него облаву, так как стало известно, что недавнее убийство в Арканзасе было совершено им же. При этом от него приходилось ждать новых преступлений, потому что в своем отчаянном положении он мог промышлять лишь грабежом и убийствами. Вследствие этого, на семейном совете у Лейвли решили, что Джеймс отправится оповестить всех фермеров в окрестностях Хелены, а отец его поднимет тревогу в другой стороне, выше по течению Миссисипи. На время их отсутствия попечение за раненым – уже достаточно наказанным, по мнению этих добродушных людей – возлагалось на Уильяма и доктора.

Миссис Дейтон и Адель решили ехать домой, обещав посетить своих друзей в другое, более благоприятное время. Джеймс был уверен, что Сандерс поедет их провожать, ему же самому невозможно было это сделать. Он мог только смущенно просить Адель позволить приехать за ней и миссис Дейтон в другой раз и с тем уже, чтобы они погостили на ферме подольше.

Еще до отъезда гостей старый Лейвли стал обираться в дорогу. Он намеревался идти пешком, и миссис Дейтон вскричала с ужасом:

– Вы опять босиком! Миссис Лейвли, как вы это ему позволяете? Ведь он простудится так, что сляжет в постель на два месяца!

Старик только расхохотался при столь нелепом предполо-

жении. Два месяца! Разве можно столько болеть? Два дня из-за лихорадки, самое большое.

– Невозможно его уговорить! – вздохнула жена. – Он никого не слушает и обувается лишь по воскресеньям, когда идет со мной в церковь!

Старик направился к двери, но Адель остановила его за руку:

– Мистер Лейвли, докажите, что ваша жена не права. Вы обуетесь, не так ли? Пойдет дождь, и вы замочите ноги.

Лейвли с отчаянием взглянул на дверь, но Адель и миссис Дейтон продолжали его уговаривать, а жена побежала за башмаками и поставила их перед ним. Он поколебался с минуту, потом решил и стал обуваться.

– Вы совершили чудо, моя милая! – говорила обрадованная миссис Лейвли, провожая мужа на крыльцо. – Он очень любит меня, но ни за что не наденет обувь, как бы я его не упрашивала. Благодарю вас! Теперь я уж постараюсь его приучить не только к башмакам, но и к шерстяным чулкам.

Лейвли шел в башмаках, точно ступая по раскаленным углям, но углубившись в лес он остановился, осмотрелся кругом и юркнул в самую чашу кустарника. Прислонив ружье к дереву, он расшнуровал башмаки, снял их и повесил на сук. Потом, потирая ноги, как будто их свела судорога, поднялся с места, схватил ружье и весело зашагал вперед.

Начиная с этого дня, он обувался всякий раз, когда его просила о том жена. Замечательно было при этом только то

обстоятельство, что он возвращался домой никак не иначе, как с той самой стороны, куда уходил из дому...

Глава XVII

Признания мулата

Миссис Дейтон и Адель были совершенно уверены в том, что мнимый мистер Гэвс проводит их до Хелены. Но Сандерсу вовсе не хотелось покидать ферму в такое критическое время. Сослаться на то обстоятельство, что его платье было в неприличном виде, было нельзя, потому что Уильям предложил весь свой гардероб к его услугам, и он придумал другое. Попросив у миссис Дейтон позволения поговорить с ней наедине, он сказал ей, что доктор Монро страшный шарлатан, и поэтому он боится оставлять его одного с пациентом. Имея возможность изучить медицину, он, Гэвс, надеялся быть более полезным здесь.

Миссис Дейтон вполне согласилась с его доводами и даже упрасивала его не покидать больного. Они с Аделью знали дорогу в Хелену и могли доехать совершенно благополучно. Но она выразила надежду, что мистер Гэвс позже посетит их.

Мистер Гэвс рассыпался в уверениях преданности, уверяя, что не замедлит побывать у таких любезных людей, как Дейтоны, и тогда уже обязательно увезет мисс Адель с собой, чтобы она увиделась с подругой.

– Мистер Гэвс, – начал доктор Монро, взглядывая на поспешно возвратившегося молодого человека и усмехаясь,

как при воспоминании о чем-то очень забавном, – мистер Гэвс, как вы полагаете, не может ли самый опытный человек совершить странную ошибку? Мои пилки, разложенные здесь, напоминают мне... Но вы, кажется, меня не слушаете?

– Слушаю, – ответил Сандерс, погруженный в свои мысли.

– В таком случае, продолжаю. Это было в 1830 году, если не ошибаюсь. Врачи, живущие в Литл-Роке, вздумали сообщить через газеты о размерах гонорара за свои консультации. Это потому, что в то время никто не заботился о науке, а только о том, как бы урвать побольше денег. Под носом у врачей хоронили самые драгоценные трупы! Никто и не думал их анатомировать! Даже трупы казненных пропадали даром, подумайте только! Лишь бы деньги загрести. А брали здорово, сто двадцать пять долларов при каком-нибудь вывихе или переломе!

В это время являюсь я в Литл-Рок и начинаю практиковать по более дешевой таксе. Понятно, что моим собратям это пришлось не по вкусу и они восстановили против меня общественность, воспользовавшись одной маленькой ошибкой, и заставили меня покинуть неблагодарный город. Мало того, они отправили на тот свет всех моих пациентов, распуская слухи, будто их уморили прописанные мной лекарства!

– А что у вас в этих маленьких пузырьках, которые вы расставили на столе? – спросил Сандерс.

– Осторожнее с ними, прошу вас! В одном из них мышьяк, в другом – азотная кислота, а в этом, самом маленьком, си-

нильная кислота. Пожалуйста, не уроните его! Бели разобьете, я буду в отчаянии. Но послушайте дальше, в чем было дело. Одного купца в Литл-Роке подстрелили в ногу. Пуля прошла по самой странной траектории. Пробив мягкую часть правого бедра, она проскользнула в левую ногу и засела над коленом, откуда я успел, однако, ее вытащить, хотя и не без труда. Видите ли, опасаясь гангрены, я предложил пациенту отпилить ногу. Он согласился на все, желая только остаться в живых. Я принялся за дело, вдруг мой пациент кричит: «Вы не ту ногу пилите!» Действительно, я ошибся, но в таких случаях надо только не потеряться. Я говорю ему: «Что вы, пуля в этой ноге. Я знаю, что делаю». Он лишился чувств, а я закончил работу.

– Как! Вы отпилили ему не ту ногу, которую следовало?

– То есть как рассудить... у него так свело мускулы, что пуля сама выскочила из другой ноги от их напряжения. Молодой человек и не узнал бы ничего, но мои коллеги раструбили об этом по городу, стали говорить, что я ошибся. Одним словом, я был вынужден поспешно бежать из города тайком, оставляя неутешными моих многочисленных пациентов.

– А синильная кислота сильный яд? – спросил Сандерс, не слушавший вовсе его рассказа.

– Точно так, этот яд вызывает мгновенный паралич всей нервной системы. Да! С ним надо обращаться очень осторожно. Я мог бы вам рассказать многое. Мне два раза не по-

счастливилось с синильной кислотой. В первый раз случай этот был с моим лучшим другом. Я его очень оплакивал. Во второй просто с одним немцем. Но лучше промолчать об иных вещах, а то опять накликаешь на себя беду. Ах, прошу вас, не трогайте эту скляночку! Профану не следует иметь дело с такими ядами.

Он встал, пощупал пульс у мулата, положил ему руку на лоб и проговорил:

– Лучше, очевидно лучше. Можно приступать к операции.

– И вы полагаете, что он ее выдержит?

– Полагаю. Разумеется, мне было бы приятней приобрести целый труп, у меня нет еще трупа этой породы, но, за неимением лучшего, могу удовольствоваться и ногой. Зато обе руки ему сохраню. Это даже прибавит ему цену в глазах его будущего хозяина. Вы подумайте, невольник, у которого две руки для работы и только одна нога для побега. Впрочем, он наверное умрет. Но лубков у меня нет. Что же, я могу устроить их из березовой коры. Пойду нарежу ее. Вы останетесь при пациенте на несколько минут, мистер Гэвс? Отлично.

Лишь только он повернулся, чтобы идти, Сандерс схватил пузырек с ядом и спрятал в карман.

– Вот и мистер Кук, – сказал доктор уже на пороге, – я попрошу его помочь мне надрать коры.

Сандерс сорвал бумажку, в которую была завернута склянка. Нельзя было терять ни мгновения, но Дан просто-напросто жалобно:

– Воды... воды...

– Он заговорил! – воскликнул доктор, быстро возвращаясь в комнату. – Он пришел в себя... и дыхание свободно. Ничего не поделаешь, достанется мне только нога. Сейчас приступлю к ампутации.

– Воды! – продолжал стонать несчастный. – Во мне все горит. Я все расскажу... все... только дайте напиться.

Доктор, несмотря на свою манию, понимал, что разоблачения мулата могли быть весьма важны для Уильяма, уже вошедшего в комнату. Он приподнял несчастного и поднес к его губам кружку с водой.

Сандерс был вне себя от бешенства, а мулат, глядя на Уильяма, прошептал:

– Маса Кук, я вас давно знаю. Обещаете мне помилование, если я признаюсь во всем?

– Обещаю, Дан, – сказал Уильям с состраданием. – Говори, и не бойся. Ты уже достаточно наказан.

Если расскажешь все чистосердечно, ты не подвергнешься наказанию.

– Обещайте мне, маса Кук, – продолжал мулат, – что этот мертвецкий доктор не изрежет меня на куски?

Говоря это, он указывал на Монро, слишком хорошо известного в Арканзасе страстью к операциям, даже вовсе ненужным.

– Он начинает бредить! – злобно закричал доктор. – Он называл меня «мертвецким доктором»?

– Будь спокоен, Дан, даю тебе слово, что мистер Монро не дотронется до тебя ни ножом, ни пилою.

– Вы даете самое необдуманное обещание, мистер Кук, – сказал доктор. – Вы не думаете о пользе науки. Притом этот червь умрет, если я не отрежу ему ногу.

– Лучше умереть... – прошептал больной, снова закрывая глаза.

– Слушайте, доктор, – сказал Уильям, видя, что несчастному необходимо отдохнуть, прежде чем приступить к признаниям, – я прошу вас оставить его в покое. Если он очнется без меня, поберегите его и не говорите ни слова о трепанациях и ампутациях, а я приведу моих дам. Они умеют ухаживать за больными.

Лишь только он вышел, Сандерс обратился к доктору, явно взбешенному распоряжением Уильяма.

– Не удивительно, – сказал он, – что человек, ничего не смыслящий в медицине, вздумал учить вас, почтенный мистер Монро, но что мешает вам настоять на своем?

– То есть как же это? – спросил озадаченный доктор.

– Мистер Кук запрещает вам трогать живого. Но мертвого...

– Я вас не понимаю.

– В вашем распоряжении столько ядов.

– Позвольте! Я не отравляю людей, милостивый государь! – искренне возмутился доктор.

Обычно Монро радовался всякому случаю, предоставляв-

шему ему труп или возможность отрезать человеку руки или ноги, но он никогда не решился бы на сознательное убийство и потому смотрел на Сандерса с удивлением и ужасом. Тот понял, что допустил промах, и сказал, чтобы как-нибудь поправить дело:

– Вы меня не так поняли, доктор. Я подразумеваю не что-либо смертельное, но какой-нибудь наркотик, усыпляющий человека на время. Но так, чтобы его сочли мертвым. Мистер Кук подумает, что мулат умер, и отдаст вам его труп. А завтра, уже отрезав ногу этому субъекту, вы возвратите его к жизни, к вящей славе науки и вашего знания.

– Действительно, блестящая мысль! Можно дать ему, например...

Речь Монро была прервана появлением Кука.

– Дан, – сказал молодой фермер, подавая прохладительное питье, приготовленное миссис Лейвли, – как ты себя чувствуешь?

– Лучше, маса Кук, – проговорил больной. – О, как вы добры! Но велите уйти этим двум... я хочу сообщить вам многое... вам одному.

Уильям попросил доктора и Сандерса исполнить желание мулата, и Сандерс, несмотря на все свои опасения, должен был выйти вместе с Монро. Кук запер за ними дверь на задвижку и стал слушать страшный рассказ. Но мулат знал таинственный остров лишь понаслышке, он перевозил лошадей, угнанных его хозяином Аткинсом, лишь на берег Мис-

сисипи в район острова и не мог определить его точного положения. Ему было известно лишь, что разбойничье гнездо находится неподалеку от Хелены.

Утомленный длинным рассказом, раненый снова впал в полубессознательное состояние. Уильям позвал к нему свою жену и тещу, которые сделали несчастному перевязку. Оскорбленный доктор не удостоил их своей помощью, но дело обошлось и без него. Между тем Уильям, вполне, доверяясь мнимому Гэвсу, передал ему свою беседу с мулатом.

Если бы Сандерс находился сейчас с Уильямом в какой-нибудь глуши, то он не задумался бы его убить, но здесь это было немислимо, и потому он постарался сначала убедить молодого фермера в том, что весь рассказ Дана мог быть выдуман им с целью заслужить прощение. Кук не поддался, однако, на такие доводы, и тогда Сандерс сказал, с целью хотя бы выиграть время:

– Если вы так уверены, что этот несчастный говорит правду, то рассудите все же, что пираты не сдадутся без отчаянного сопротивления. Если вы хотите осадить остров, то сначала соберите значительные силы для этого. Я сам помогу вам, отправлюсь тотчас в Хелену и заявлю обо всем властям, потом поспешу в Синквилл и подниму там всех соседей, а в воскресенье после полудня, самое позднее, буду опять в Хелене, где встречу с вами.

Уильям нашел предложенный план совершенно разумным. Была пятница, менее чем в двое суток было невозмож-

но набрать людей для похода. Сандерс прибавил, что не хочет терять ни минуты, сел на лошадь и помчался по направлению к городу.

Глава XVIII

Отъезд Эджворта. Беглец

Эдвард сидел в трактире у Смарта и за чаркой доброго виски болтал со случайно встретившимся приятелем. Но появился Блэкфут и стал торопить его с отъездом. Он уверял, что купленный им у старика груз непременно должен быть доставлен на место не позже завтрашнего утра. Поэтому необходимо было отправляться немедленно. В эту минуту вошел рулевой Билл. Он опрокинул у стойки стопку виски и спросил у Эдварда, когда отходит лодка. И если еще есть время, то он бы хотел навестить знакомого.

– Нет, любезный, нельзя, – возразил Блэкфут.

– Мы отправляемся сейчас же. Иначе мы не успеем доставить груз в Викторию вовремя, и моя сделка с местным торговцем расстроится.

– Ну что ж, ладно, – проворчал Билли.

Он опорожнил еще одну стопку и ушел.

– Что за неприятная личность! – сказал Блэкфут, глядя ему вслед.

– Давно он у вас?

– Всего две недели. Дело свое он знает хорошо, но что-то не лежит мое сердце к нему. Не знаю почему... Буду очень рад, когда расстанусь с ним.

Трактирщик Смарт сидел неподалеку и не сводил глаз с Блэкфута.

– Мистер Смарт, – сказал Эдвард, обращаясь к нему, – а как же мой карабин?

– Он готов и стоит там, в углу, – ответил Смарт, продолжая глядеть на Блэкфута. – Френсис, подай карабин. Тот, что починил ирландец.

– А что с ним было? – спросил Эдвард.

– Пружина была сломана и недоставало одного винта.

– Странно, – сказал старик, – Я сам вычистил ружье и зарядил, а после этого не трогал... Как же это произошло?

Смарт пожал плечами.

– Но теперь все в порядке? – спросил Эдвард. – Надо все-таки попробовать...

Он вышел в сад и прицелился в птицу, сидевшую на вершине высокого дерева. Раздался выстрел и птица упала.

– Ружье в исправности, – сказал Эдвард. – Идите, – продолжал он, обращаясь к Блэкфуту, – я только расплачусь и сразу же догоню вас.

Блэкфут кивнул головой в знак согласия и попросил его не задерживаться. Едва он вышел, Смарт быстро шепнул Эдварду:

– Вы давно знаете этого человека? Что за сделку вы с ним заключили?

– Я встретился с ним в вашей гостинице. Рекомендовал его мой лоцман, который встретился с ним в городе совер-

шенно случайно...

– Не верьте этому. Они знакомы давно.

– Почему вы так думаете? Это маловероятно. Во всяком случае, этот купец дает хорошую цену за мой товар. К тому же, я получил от него половину суммы в виде задатка.

– Я внимательно наблюдал за ними, – сказал Смарт, – и заметил, как они подозрительно переглядываются. Поверьте, они знают друг друга. Можете ли вы, по крайней мере, положиться на своих людей?

– Вполне.

– Дай-то Бог!

– Вот еще что, мистер Смарт. Одна молодая женщина, вдова, миссис Эверет... Да, так, кажется... Просит довести ее до Виктории. Что это за особа?

– Весьма порядочная. Ее жених погиб недавно здесь на реке, и я купил его земли. Но я не знал, что она переселяется в Викторию... Ну, счастливого вам пути!

На пристани Эдвард застал молодую вдову, уже готовую к посадке. Но здесь произошло нечто неожиданное. Мимо проходила миссис Бредфорд. Она увидела вещи пассажирки и набросилась на нее, как разъяренная фурия.

– Это она! Она хотела меня обворовать! – закричала она в бешенстве.

– Что с вами? Вы сошли с ума? – пролепетала испуганная женщина.

– Мистер Эдвард, защитите меня...

Старик отстранил ведьму, быстро провел миссис Эверет на барку и велел отчаливать. Взбешенная Луиза осталась на берегу, крича и ругаясь. Затем она помчалась к судье Дэйтону, чтобы пожаловаться, но не застала никого дома. Миссис Бредфорд решила не оставлять дела и бросилась к ближайшему полицейскому посту. Путь ее лежал через глухое место. Вдруг из-за дерева выскочил человек. Одежда его была в лохмотьях, волосы всколочены, лицо и руки в крови. Миссис Бредфорд вскрикнула и едва не лишилась чувств.

– Миссис Даулинг! – окликнул ее незнакомец.

Она окаменела. Он продолжал:

– Спрячьте меня. За мной погоня. Я выбился из сил.

– Это вы, Генри Коттон? Боже, как вы меня напугали! Нас ищут по всему Арканзасу. Уходите скорее!

– Я не в состоянии больше идти. Я ранен, измучен. Мне необходим отдых. Я скитаюсь уже две недели. Вы должны приютить меня, дать возможность собраться с силами. После этого я переберусь через реку или вернусь на наш остров...

– Помилуйте! Что вы говорите! Как я вас приму! Одинокaя женщина...

– Не болтайте вздор! А если вы мне откажете, и я попадусь, то уж пеняйте на себя. Я не стану молчать и не пойду на виселицу один. Все выложу суду и тогда... Вы сами понимаете, что тогда будет.

– Не сходите с ума! Хотите погубить всех нас?

– Вовсе нет, но вы меня к этому принуждаете. Вы же по-

нимаєте, что я не могу показаться в городе в таком виде. Вы должны достать мне приличный костюм. Я обожду вас здесь, в кустах. Но смотрите, если замешкаетесь, и меня накроют, вам не поздоровится! – Боже мой, где же я достану вам костюм?

– Это ваше дело! Помните о Даулинге... И еще кое о ком...

– Ужасный вы человек! – проговорила она.

– Спрячьтесь скорее, я слышу чьи-то шаги...

Коттон бросился в кусты, а она побежала домой. В то время, когда она отворяла дверь, какой-то человек в деревенском костюме и большой соломенной шляпе, надвинутой на глаза, шагнул вслед за ней и запер за собой дверь на засов.

Глава XIX

Семейные хитрости

Пароход «Ван-Борен», на который удалось сесть Тому и его спутнице, принадлежал к числу самых быстроходных и совершал рейс, протяженностью в тысячу триста пятьдесят миль, против течения, в шесть суток, но шкипер его, отлично знакомый с рекой Огайо, не был знатоком Миссисипи, и посадил судно на мель близ острова Роунд-Виллоу. Оно так глубоко врезалось в песчаный грунт, что стащить его не было возможности, несмотря на все усилия экипажа, и капитан решил ждать до утра, в надежде на то, что прибывающая с каждым часом вода, поможет увязнувшему пароходу сняться с места. Но наутро случилась новая беда. Несмотря на то, что судно было причалено к береговым деревьям, его снесло приливом на новую отмель. Поэтому «Ван-Борен» прибыл в Хелену позднее намеченного срока.

Во время путешествия Том выдавал Марию за свою сестру, которую он, якобы больную, вез к своим родственникам. Надеясь встретить Эджворта, он тщательно всматривался во все проходившие суда, но ожидания его не сбывались. Однажды только ему показалось нечто похожее на ожидаемую барку, но на ней виднелась какая-то женщина, следовательно, он ошибся и на этот раз. Это позволяло ему надеяться,

что он еще застанет Эджворта в Хелене.

Однако он обманулся, ему сообщили, что старик отправился вниз по реке уже несколько часов тому назад. Что оставалось делать? Прежде всего, необходимо было поместить Марию в какое-нибудь безопасное и приличное место. Том обратился к Смарту, найдя целесообразным и тут выдать Марию за свою сестру, прибывшую из Нового Орлеана.

Мистер Смарт, видя болезненное состояние молодой женщины, объявил Тому прямо, что сам он не прочь приютить несчастную.

– Но, – сказал он, – ваша сестра в таком положении, что за ней необходим женский уход, а моя жена занята и в неприятном расположении духа. Если я попрошу ее принять большую на свое попечение, она не только откажется, но и потребует ее немедленного ухода отсюда.

Том счел за лучшее довериться Смарту и рассказал ему подробно о своей фантастической встрече с Марией.

– Куда я с ней теперь пойду? – прибавил он печально. – Эджворт уже уехал, мне надо его догнать, потому что все мое имущество, все мои деньги у него. Взять эту несчастную с собой нельзя, вы это понимаете, а бросить ее здесь без всякого покровительства тоже невозможно. Умоляю, позвольте ей остаться у вас до моего возвращения, верьте, вы будете щедро вознаграждены за это.

Речь его была прервана шумом, раздавшимся в соседней комнате. Миссис Смарт кричала гневным голосом, отвечая,

очевидно, на что-то, сказанное негром Сципионом.

– Сестра! Скоро всякие оборванцы наведут сюда своих сестер! Еще и помешанная вроде бы, говоришь ты? Отлично! Видно, у меня мало работы! И хотела бы я знать, на ком лежит присмотр за жильцами? На мне или на мистере Смарте? Если на нем, то пусть он стелет им постели, смотрит за служанками...

Конца этой речи нельзя было разобрать, разгневанная хозяйка произнесла ее, вероятно, уже в коридоре.

– Я сам пойду к вашей жене, мистер Смарт, – сказал Том, беря свою шляпу, – Мне, может быть, удастся умиловить ее. Неужели она не почувствует сострадания?

– Стойте, вы испортите все дело! – возразил трактирщик. – У моей жены доброе сердце, но я сделал неосторожность, впустив вас сюда. Это превышение власти с моей стороны, и жена мне этого не простит. Теперь она вас и слушать не станет. Надо иначе поправить ошибку, у меня есть свой секрет. Только вы уходите. Вот сюда, через окно.

– Но объясните мне...

– Объяснять некогда. Уходите и не показывайтесь здесь до вечера.

– Но как же я покину Марию? Или вы надеетесь уговорить миссис Смарт?

– Уговорить? Не родился еще на свет тот человек, который сможет уговорить мою жену. Но я надеюсь уладить дело. Только прыгайте скорее из окна.

– Зачем?

– Затем, чтобы не встретиться с моей супругой. Скорее, она уже близко.

Том едва успел скрыться за окном, как дверь в комнату отворилась, и на пороге показалась трактирщица, с лицом, багровым от гнева. Смарт, как бы не замечая ее, стал ходить взад и вперед, заложив руки за спину и явно в большом раздражении.

– Где эта особа? – начала миссис Смарт вызывающим тоном, но остановилась с удивлением, при виде того, что муж ее был один. – С кем вы здесь говорили, однако? Я слышала ваш голос.

– Весьма возможно, – ответил он. – У меня есть привычка говорить с собой, когда я взволнован чем-нибудь. Но я попрошу вас, сударыня, в другой раз предупреждать меня, если вы вздумаете кого принимать... особенно больных людей!

Миссис Смарт застыла, онемев от изумления.

– Прекрасно быть сострадательной, – продолжал трактирщик, притворяясь, что не замечает впечатления, произведенного его заявлением, – но я вовсе не желаю подобных отношений с этими судовщиками. Мало мне хлопот с ними!

– Скажите на милость! – перебила она, задетая за живое. – Вы жалуетесь на хлопоты! Вы, что ли, стряпаете жильцам? Убираете их комнаты? Скажите лучше, что это за молодая особа? Откуда она?

– Я почем знаю! Привел ее один молодой человек, гово-

рит, что это его сестра и здесь у них нет никого из знакомых. Ему надо ехать далее и она погибнет тут одна. Да мне-то какое до этого дело? У меня не больница.

– Замолчите! Это стыдно! – крикнула трактирщица. – Сердца у вас нет, у мужчин! Если эта несчастная бедна и неприютна, так вышвырнуть ее вон? Но где же этот молодой человек, который привел ее к нам?

– То-то и есть, что удрал. Теперь поневоле оставишь ее здесь. Я стал спорить с ним, а он говорит, что это вовсе не мое дело, оно касается одной только хозяйки, а доброта ее известна. И пошел молоть всякий подобный вздор. Прекрасно распорядился, бросил ее здесь, а у его сестрицы ни рубашки, ни чулок, не во что переодеться.

– Мистер Смарт! Я попрошу вас быть поскромнее. Скажите лучше, чем вам мешает эта больная?

– А тем, что мешает! И я прикажу Сципиону...

– Ничего вы не прикажете! Мы не можем выгнать эту несчастную. Вы человек бесчувственный, вы и о жене-то не заботитесь, а чужую женщину вам и подавно не жалко. Но я не позволю вам тешить свое бессердечие, эта бедняжка останется здесь!

Она выбежала из комнаты, хлопнув дверью изо всех сил, а Смарт, оставшись один, засмеялся и стал расхаживать по комнате, насвистывая «Янки Дудль».

Глава XX

Трое против многих

Дверь в комнату, в которой Ионафан праздновал свою победу над миссис Смарт, отворилась, и в нее заглянул О'Тул.

– Это ты, Патрик! – вскричал Смарт. – Где ты пропадал со вчерашнего дня? Но что у тебя с физиономией?

– Я не пропадал, я прятался. А не выйти ли нам на свежий воздух? Когда я рассказываю интересные вещи, мне всегда кажется, что меня подслушивают из соседней комнаты.

– Стало быть, тайна?

– Я стану говорить не иначе как на берегу реки.

Смарт не противоречил и пошел вслед за ирландцем.

Придя в совершенно пустынное место, О'Тул сказал:

– Помните, как-то на днях мы видели с вами большую лодку, которая пересекала реку?

– Помню. А что?

– Мы с вами думали, что она направляется от здешней харчевни к кабаку Уилтропа. А вот и нет! Эти люди не приставали у кабака.

– Удивительно! И ты привел меня сюда, чтобы сообщить такую страшную тайну? Они не приставали у кабака! Но будь уверен, что я не нарушу твоего секрета, никому не скажу ничего, если даже меня станут пытаться!

– Вы шутите, а дело серьезнее, чем вы думаете. Лодка не приставала нище, по моим сведениям, и проскользнула незаметно. Зачем эти люди пересекли реку так, как будто они ехали к Уилтропу? Куда они исчезли потом? О, мистер Смарт, я совершенно убежден, что здесь, среди болот или на каком-нибудь островке, существует игорный дом или что-нибудь похуже. Моего бедного брата обобрали до нитки в одном из подобных притонов, а потом вытолкали в шею. Кстати, еще я заходил между прочим к немцу Брандеру, про него говорили, что он так захворал, что послал за доктором. Оказывается, он был здоровехонек все это время. Но кто-то идет сюда.

Смарт оглянулся и увидел Тома.

– Ну что, мистер Смарт, чем кончилось дело? Уговорили вы вашу супругу? – спросил Барнвель.

– Да, то есть она сама заставила меня принять вашу сестру. Но об этом не стоит больше толковать, а я прошу вас повторить приятелю моему, О'Тулу, то, что вы мне рассказали о месте, в котором вы нашли эту бедняжку.

Том описал подробно все обстоятельства, прибавив:

– Но я не знаю решительно ничего о том, как она попала на этот остров. К тому же она так расстроена, что полагаться вполне на ее слова невозможно. Я могу только догадываться, что с ней и ее ближними произошло нечто ужасное.

– Но где вы ее нашли? На острове номер 61? – спросил Патрик.

– Не могу сказать вам наверное. Знаю только, что там два островка, лежащие вместе. Далее, тоже на маленьком острове, я нашел одного чудака, по имени Брэдшоу.

– Брэдшоу! – повторил Патрик. – Я его знаю, он живет милях в шести ниже.

– Именно так. Он рассказывал мне, что ему кажутся очень подозрительными суда, проходящие мимо него, точно крадучись, каждую ночь. Недавно он окликнул одну такую лодку, но ему ничего не ответили.

– Смарт, – сказал О'Тул, – я поклянусь, что та лодка в числе этих таинственных судов! Я переговорю с Брэдшоу и постараюсь многое разузнать. Сейчас же пускаюсь в дорогу. Но мне нужно бы запастись провизией.

– Возьмите у нас, что хотите. Спросите у моей жены.

– О, мистер Смарт, спросить у нее! Она всегда добра ко мне и знает, что я ей безгранично предан, но сегодня она в таком расположении духа, что...

– Вы скажите, что просили у меня и я вам грубо отказал.

– Разве что так. До свидания, джентльмены!

После ухода Патрика Том спросил Смарту:

– Могу я повидать Марию?

– Не советую пока попадаться на глаза моей жене, время терпит, лодка Эджворта не сможет прибыть сегодня в Викторию, потому что ночью на Миссисипи был большой туман. Никакой шкипер не решится плыть в такую погоду, опасаясь мелей и подводных камней, и Эджворт со своей лодкой дол-

жен заночевать где-нибудь. Отложите свидание с Марией до завтра.

Том согласился с советом доброго янки и пошел на берег, в надежде встретить там какого-нибудь приятеля, но ему пришлось прогуливаться одному. Он машинально дошел почти до самого дома мистера Дейтона, и тут перед ним промелькнули две всадницы. Он не успел рассмотреть их лиц под широкими полями соломенных шляп, но, уже въезжая в ворота дома, младшая из наездниц обернулась, и Тому показалось, что он ее где-то видел. Но он был так занят своими мыслями, что не обратил особенного внимания на эту встречу.

Глава XXI

Мария и Адель

Возвратившись домой, Адель прошла в гостиную и села за рояль. Миссис Дейтон, сняв амазонку, явилась туда же, села в качалку возле молодой девушки и спросила ее после некоторого молчания:

– Вы что-то не в духе, Адель?

– Я? Не в духе? Напротив, Люси, мне очень весело. Вы, верно, сделали ваше заключение из того, что я играла «Разлуку»? Это мне просто пришло на ум. Но, Люси, вот что, заметили ли вы молодого человека, который повстречался нам почти у ворот? Это кто-то не здешний, но я уверена, что уже встречала его.

– Мне он вовсе незнаком, Адель. Но как меня беспокоит отсутствие мужа! О, если бы он решился уехать отсюда, как иногда говорит! Я не смогу полюбить Арканзас. Здесь все уважают Джорджа, зовут его к себе беспрестанно, так что он мало и дома бывает, но эти разъезды так утомляют его, что он хотел бы переселиться в Нью-Йорк. И климат здесь нездоровый.

– Да, – согласилась Адель, – в самой Хелене нехорошо, но зато в лесах там прелестно! Взгляни, однако, в окно, этот молодой человек проходит опять. Боже мой, это же Том Барн-

вель!

– Какой Том Барнвель?

– Наш старый знакомый, очень влюбленный когда-то в Марию Морис, вышедшую потом за Гэвса. Эта несчастная страсть и заставила его пуститься в странствия. Я приглашу его зайти сюда, Люси. Он такой хороший человек. Мария не оценила его, но он вел себя безукоризненно и удалился без всякого ропота, когда увидел, что ему предпочли другого.

– Нэнси, – приказала миссис Дейтон служанке, – бегите скорее и скажите этому молодому человеку, который хочет повернуть за угол, что его просит зайти одна старая знакомая.

Мулатка исполнила приказание, и удивленный Том очутился перед миссис Дейтон и Аделью.

– Добро пожаловать! – сказала Адель, приветливо протягивая ему обе руки. – Очень рада тому, что вы снова в Соединенных Штатах!

– Как! Это вы, мисс Адель? – воскликнул Том. – Не во сне ли я вижу вас, здесь, в Хелене! Вам известно, что Мария... но нет, вы не могли еще узнать.

– Что такое? Вы так расстроены. Где вы ее видели?

– Она здесь, – сказал Том со вздохом.

– То есть близко отсюда, в Синквилле?

– Нет, здесь, в Хелене.

– Что вы говорите! А ее муж?

– О, мисс Адель, – сказал Том, не отвечая на ее вопрос, –

вы всегда были другом Марии, не оставьте ее и теперь!

– Но что же случилось? – спросила испуганная Адель.

Том поведал о странной встрече с Марией и попросил миссис Дейтон и Адель принять несчастную под свое покровительство. Обе они поспешили уверить его, что он не напрасно на них надеется. Миссис Дейтон сказала, что ее дом открыт для несчастной.

– Но как сообщим мы это ужасное известие ее мужу? – спросила Адель. – И что за непонятная вещь! Вы нашли ее вчера вечером на реке, между тем как мистер Гэвс оставил ее тем же утром на своей плантации!

– Как? Он оставил ее там, говорите вы? Но он был вместе с ней на барке. Мария утверждает, что он погиб у нее на глазах вместе с ее родителями.

– Что вы! – воскликнула Адель. – Гэвс жив и в добром здравии. Все это непонятно.

– Я могу только сказать, – перебил Том, – что Мария здесь, в Хелене, в гостинице Смарта. Я сам был бы рад ошибиться, но, к сожалению, это правда.

– Мы тотчас поедem за ней, – сказала миссис Дейтон, – и когда Джордж вернется, он окажет ей медицинскую помощь.

– Поспешим же, милая Люси! Не надо терять ни минуты! – воскликнула Адель, надевая шляпу и быстро спускаясь по лестнице.

Миссис Дейтон поручила служанке предупредить доктора, что она вместе с Аделью поехала навестить одну больную

в гостинице Смарта.

Миссис Смарт очень разгневалась при виде входящих в комнату, в которой находилась Мария. Сципиону было строго запрещено пускать сюда кого бы то ни было, даже самого хозяина. Но узнав миссис Дейтон и Люси, суровая особа приняла их очень любезно.

Мария спала, но судорожные движения ее губ и прерывистое дыхание свидетельствовали о том, что страшные видения не оставляли ее и во сне.

– О, бедная моя Мария! – проговорила Адель.

Эти слова, хотя и произнесенные шепотом, разбудили спавшую. Она открыла глаза, огляделась и протянула руку молодой девушке, улыбаясь.

– Адель! Ты пришла ко мне! Какая ты добрая... А! Вот и Том... Бедный Том!

– Мария, – сказала нежно Адель, – объясни мне одно обстоятельство.

– Какое? – отвечала она, смеясь. – Все что хочешь!

– Когда ты отправилась из Синквилла?

– Синквилла? Это что за место? В Индиане такого нет.

– Разве Эдуард не купил там поместье?

До этой минуты Мария была совершенно спокойна, но лишь только она услышала имя мужа, все перенесенное ею воскресло в памяти, она вскочила с постели и дико закричала, указывая на окно:

– Вот... вот... смотрите... Его голова вся мокрая, но как

страшно он хохочет! Эдуард! Бросайте трупы в реку! Эдуард, защити меня! А он все смеется.

Она судорожно вытянулась и упала в беспамятстве на кровать. Присутствующие женщины были поражены ужасом, сердце Тома билось так, что готово было разорваться. Миссис Смарт не растерялась, однако, она привела в чувство больную, но расспрашивать ее уже было бесполезно. Только присутствие ее мужа могло возвратить ей рассудок, потому было необходимо, вызвать мистера Гэвса. Адель решилась ему написать, просто приглашая к себе, потому что было благоразумнее подготовить его понемногу к печальному известию.

Посланный, отправленный на ферму Лейвли с этим письмом, должен был, по поручению миссис Дейтон, зайти к ней в дом и велеть служанке приготовить комнату к приему больной. Сам доктор был уже у себя в это время и очень удивился такому приказанию.

– Какую это больную ждут сюда, Нэнси? – спросил он у горничной.

– Я не знаю, – отвечала она. – Негр говорит только, что ее привез к Смарту какой-то молодой человек, на пароходе, прибывшем из Нового Орлеана.

Дейтон не сказал более ничего, но отправился, видимо, встревоженный, к гостинице Смарта и вошел в комнату, в которой все находились.

– Он! – закричала Мария в ужасе. – Он! Спасите меня!

– Успокойся, моя милая! – сказала ей Адель с нежностью. – Это мистер Дейтон, муж этой доброй дамы, он хороший человек, он поможет тебе, он защитит тебя от всякой беды.

Доктор умел обходиться с больными. Взяв Марию за руку, он стал ласково уговаривать ее, и она стихла под звуки этой приветливой речи. Миссис Дейтон и Адель усадили ее с собой в экипаж и увезли, без всякого сопротивления с ее стороны.

Том, оставшись с доктором, ответил подробно на его вопросы, прибавляя, что только сам Гэвс мог разъяснить все, что было непонятного в этом происшествии.

Дейтон слушал его с большим вниманием.

– По уверениям ирландца, – продолжал Том, – островок, на котором я нашел эту несчастную, известен под номером 61.

– О каком ирландце вы говорите? Это тот, что часто бывает у Смарта?

– Не могу вам сказать. Я только разговаривал с ним и Смартom на берегу, после чего он и отправился к этому острову, на разведку.

– Как, один?

– Один. Он говорит, что его подозрения вызваны разными обстоятельствами. По его мнению, где-нибудь в окрестностях должны находиться притоны, в которых собирается разный сброд. Я сам хочу исследовать этот островок, на котором

я нашел бедную Марию. Лишь только она немного оправится, я поеду в Викторию к Эджворту и тогда, по пути, загляну на этот остров номер 61.

– Не уезжайте, не простившись со мной, я дам вам письмо к судье в Синквилле. Он поможет вам, если вы действительно найдете какие-нибудь следы. Что касается этой бедняжки, то, будьте уверены, она будет окружена здесь самым заботливым уходом.

Молодой человек ушел, а Дейтон, оставшись один, долго еще стоял, задумавшись. Приход какого-то мальчика прервал его размышления. Посыльный передал ему большой пакет с несколькими печатями. Доктор прочел записку, находившуюся в конверте, положил ее в карман и пошел по главной улице, придерживаясь правой стороны.

Глава XXII

Харчевня «Старый медведь»

На окраине города, на так называемой Лицевой улице, стоял одинокий домик. Соседнее с ним место было раскуплено по участкам, но спекулировавшие на этой покупке ошиблись в расчетах, вновь прибывшие колонисты предпочитали селиться не в Хелене, а в Наполеонвиле, у устья реки Арканзаса, и потому это пространство осталось пустым.

Домик был построен первым покупателем участка, потом переходил из рук в руки. Последний хозяин его выхлопотал себе патент на продажу спиртных напитков, с известным ограничением, то есть без права продавать вино индейцам, неграм и солдатам. В городе ходили слухи о том, что этот погребок служит и игорным притоном, но многочисленные обыски, произведенные в нем полицией, не подтвердили этого. Притом домик этот стоял настолько в стороне, что многие в городе и не знали о его существовании, поэтому все толки о нем скоро совершенно прекратились.

К вечеру того дня, в который произошли рассказанные в предыдущей главе события, в питейном заведении собралось много народа с судов, ночевавших в Хелене по причине густого тумана, застилавшего реку. Эти люди распивали виски и разговаривали так шумно, что почти не заметили появ-

ления одного изящно одетого джентльмена, который быстро прошел мимо них и скрылся за дверью небольшой комнатки, выходявшей окнами на берег.

Лишь только он переступил порог, другой человек, сидевший в комнатке у стола хотел прошмыгнуть в заднюю дверь. Но вошедший окликнул его, и тот остановился, как пораженный громом на месте.

– Незачем бежать, Уатерфорд! – произнес неожиданный гость. – Я не стану сейчас допрашивать тебя, почему ты покинул свой пост. Об этом мы поговорим позже. Нынче ты нужен мне. Тоби уже здесь?

– Нет, ваша милость, – смиренно ответил человек, застигнутый врасплох, глядя на пришельца единственным глазом, другой был выбит чьим-то кулаком.

– Так пошли Белью тотчас же за ним, и пусть он скачет к острову во весь опор. Когда увидите сигнальные ракеты, то будете знать, что делать. Пошли оповестить всех, кого можно, и пусть каждый приготовится к неотложному бегству. Иди!

– Слушаю, капитан!

Уатерфорд исчез, а говоривший с ним кликнул хозяина погребка и сказал ему торопливо:

– Я жду вестей с озера, но мне надо поспешить тотчас на остров. Какой бы посланец ни явился, пошлите его вслед за мной. Вы же все оставайтесь спокойно до завтра, припрячьте только все, что может показаться подозрительным, и будьте

настороже еще более, чем обычно.

На дворе раздался конский топот и голос Сандерса:

– Пошлите скорее нарочного к капитану Келли.

– Сам капитан здесь, – отвечал хозяин, пропуская при- бывшего в заднюю комнату и притворяя за ним дверь.

Сандерс, видимо, вконец измученный, быстро подошел к капитану и шепнул ему:

– Мы обнаружены.

К его удивлению, Келли не смутился при таком известии, даже не сделал никакого замечания, но строго спросил:

– Почему вы не исполнили моего поручения?

Сандерс смешался в первую минуту, и Келли, хорошо изучивший людское сердце, угадал, по-видимому, тайный умысел своего подчиненного. Но тот скоро оправился, стал рассказывать о поимке мулата и о своих опасениях насчет признаний этого человека. Объяснение было довольно правдоподобно, по мнению Сандерса, но капитан слушал его, не выказывая ничем своего мнения.

– Что же вы скажете, наконец? – спросил молодой человек довольно дерзко.

– То, – отвечал Келли, медленно поворачиваясь к нему, – что настал, как вы сами видите, кризис. Можно только удивляться, что нас не открыли ранее. Но преследователи наши делают промахи и теперь они дают нам время вырваться из их когтей!

– Но мы должны торопиться, – возразил Сандерс, – и я

очень прошу вас выдать мне поскорее ту сумму, которая приходится на мою долю и лежит у вас в общей кассе. Я должен признаться вам, что у меня теперь совершенно пусто в кармане, так что нечем даже заплатить за проезд до Нового Орлеана. Вы, кажется, обращаете мало внимания на мои слова? Но я уверяю вас, что за нами уже собирается погоня. Дайте же мне сколько-нибудь денег вперед. Хоть пятьсот долларов, вы их удержите из моей доли при завтрашнем дележе кассы. Мне необходимо вновь одеться с головы до ног, я в чужом платье и похожу на разбойника, а мне надо побывать у миссис Дейтон. Я обещал навестить милых дам.

– Я посоветовал бы вам воздержаться от этого визита, хотя, как вам известно, они послали за вами нарочного. У них в гостях одна дама, которую зовут миссис Гэвс из Синквилла.

– Что за шутки! В такие минуты, когда у нас над головой висит дамоклов меч, вы потешаетесь так странно. Что до меня, то я вовсе не расположен смеяться.

– Я не смеюсь, мистер Сандерс. Миссис Гэвс в этот самый час у миссис Дейтон, которая ухаживает за ней вместе с мисс Аделью. Сегодня же ирландец О'Тул отправился исследовать остров номер 61, а через час, с той же целью, поедет еще один молодой человек. Вот мои сведения. Как вы думаете, ловки мои агенты?

– Но каким образом Мария...

– Все это не трудно угадать. Но пока еще рано называть наше положение совершенно отчаянным, и я нахожусь здесь

именно для того, чтобы расстроить замыслы наших врагов. Только необходима предельная осторожность, и я настаиваю на том, чтобы вы не показывались в городе в течение дня. И даже после, когда стемнеет, старайтесь скрываться. Я же поеду на остров.

– Вы говорите, что какой-то молодой человек отправляется к нам на розыски?

– Да, – сказал Келли, усмехаясь презрительно, – он намеревается это сделать, но удержать его очень легко. Можно прибегнуть к законной власти.

– К законной власти?

– Именно. Это мое дело.

– Но ирландец?

– Справимся и с ним. Во всяком случае, мы или успеем спастись, или сумеем отбить нападение. Мы гораздо могущественнее, нежели думают наши противники!

– А как же насчет денег, капитан? – спросил Сандерс после некоторого молчания.

– Со мной нет такой суммы, – отвечал Келли, медленно направляясь к двери. – Подождите часов до восьми и тогда получите деньги. Но советую вам быть как можно осторожнее и не показываться нигде до тех пор.

Сандерс угрюмо проводил его взглядом и вскочил с места, воткнув с досады свой нож в стол, за которым сидел.

– Так я и поверил! – пробурчал он. – Нет пятисот долларов для подачки тому, кто доставил вам целую грудку золота

в течение этого месяца! Ждать до восьми часов, и для того, чтобы получить вместо денег опять какое-нибудь скандальное поручение! Так нет же! Вы, любезный капитан, позаботились уже, по-видимому, о своей особе, позвольте и мне сделать то же для себя. Надо прижать старуху Бредфорд, она довольно загребла, благодаря мне. Пусть теперь раскошеляется!

С этими словами он вышел, пренебрегая приказанием Келли, и скрылся в густом тумане, обволакивавшем город...

Глава XXIII

Арест невинного

Том неторопливо рассказывал по Лицевой улице возле одного из домов. Мистер Дейтон назначил ему свидание здесь, но все не показывался. Между тем пароход «Ван-Борен», успевший уже отремонтироваться, готовился отплыть, приняв лодку Тома на буксир.

– Пройду еще раз вдоль улицы, и если доктор не подойдет, – решил Том, – я уйду без его рекомендательного письма.

Он сделал несколько шагов, как вдруг, мимо него быстро прошел какой-то человек, закрывавший платком лицо как бы от зубной боли, но, несмотря на это и на туман, Том узнал тотчас этого прохожего: белокурые, длинные, волнистые волосы выдали мнимого мистера Гэвса.

Том бросился за ним вслед. Этот человек, уже отнявший у него счастье, начинал казаться ему теперь весьма подозрительным. Был он здесь случайно или уже знал о положении Марии? Зачем он находился в этом квартале, а не там, у нее, и как будто скрывался? Но если он не знал еще ничего, что надо было ему сказать.

Сандерс остановился на повороте улицы, у какого-то дома и постучал. Ему не тотчас отворили, и он нагнулся к замку,

крича в замочную скважину:

– Миссис Бредфорд, это я... Сандерс, у меня к вам важное дело!

В ту же минуту, услышав за собой шаги, он оборотился и увидел перед собой Тома. По-видимому, эта встреча так испугала его, что он совершенно изменился в лице и готов был бежать, но Том, хотя и удивленный теми словами, которые расслышал, был слишком занят мыслью о Марии и приписал волнение Гэвса совершенно иной причине.

– Не думайте, что я затаил на вас зло, мистер Гэвс, – сказал он, – не бойтесь ничего. Если я и был враждебно настроен против вас, то теперь не время вспоминать прошлое. Знаете ли вы, что миссис Гэвс здесь, в Хелене?

– Знаю. Как же, знаю и спешу ее увидеть, – ответил Сандерс, редко терявший присутствие духа.

– Спешите к ней, а хотите войти в этот дом?

– Здесь живет мистер Дейтон, – возразил Сандерс, вполне оправившись от смущения, но все еще не смея взглянуть в лицо молодому человеку.

– Мистер Дейтон? – повторил Том, чувствуя новый наплыв подозрений. – Мне показалось, что вы вызывали какую-то женщину, говоря, что хотите сообщить ей что-то важное.

– Вам почудилось. Я иду к мистеру Дейтону. Если я звал эту женщину, то лишь для того, чтобы пригласить ее в сиделки для моей жены. Но ее, кажется, нет дома.

– Кажется, так, – сказал Том, решив не оставлять этого человека, не выяснив его поведения. – А вы знаете, где живет мистер Дейтон?

– Разумеется, но если вы, мистер Барнвель, идете в ту сторону, то не сделаете ли мне одолжение зайти к Дейтонам и уведомить их, что я тотчас к ним приду? Надеюсь, что буду иметь удовольствие застать вас еще там?

Он сделал движение, чтобы уйти, но Том схватил его за руку.

– Стойте! – произнес он. – Я не могу отпустить вас, прежде чем вы не объяснитесь. Ваша жена здесь, больная, полупомешанная, а вы расхаживаете по городу и в такой странной одежде, очевидно, чужой.

– Я мог бы вовсе не отвечать вам, – ответил Сандерс высокомерно, – и улица, по правде говоря, не место для объяснений. Что вам за дело, почему я так одет, а не иначе? Но если эти подробности вас интересуют, то вы можете узнать их от мистера Джеймса Лейвли. Далее я вам скажу, что сознаю сам, насколько такой костюм, вдобавок изорванный, неприличен для входа в дом мистера Дейтона, и потому желаю приобрести все новое и тогда же пойти к Дейтонам. Я вам очень признателен за вашу заботу о миссис Гэвс, но так как я уже здесь, то мог взять теперь эти хлопоты на себя и снять с вас эту обязанность или это удовольствие, как вам будет угодно назвать выражение вашего сочувствия.

Несмотря на всю развязность наглеца, Том не дал себя

озадачить и только выпустил его руку, потому что спор, происходивший на улице, начинал уже привлекать внимание соседей. Многие из них выглядывали из окон.

– Вы правы, мистер Гэвс, – проговорил Том, – улица не место для объяснений. Я пойду лучше с вами к мистеру Дейтону и там...

– Не знаю, какое право имеете вы следовать за мной по пятам? – гневно возразил Сандерс. – Я уже сказал вам, что иду переодеться, для того чтобы иметь возможность пойти к Дейтонам, но я вовсе не желаю, чтобы вы меня сопровождали. Кажется, это понятно?

– Даже очень, – сказал Том. – Во всем вашем поведении есть тайна, но я постараюсь ее открыть. Но вот, кстати, и сам мистер Дейтон.

Дейтон шел, действительно, к говорившим и закричал еще издали:

– А, мистер Барнвель! Очень рад вас встретить. Я был на берегу, у пароходной пристани, надеясь застать вас там, но мне сказали, что вы пошли в эту сторону.

– Да, – сказал Том, – я пошел сюда и, благодаря этому, имел удовольствие нагнать мистера Гэвса.

– Удовольствие было испытано только вами, никак не мной, – перебил Сандерс.

– Господа, я не понимаю... – начал Дейтон.

Но речь его была прервана криком:

– Держите его! Вот он! – и двое каких-то людей подбежали

к разговаривавшим.

– Он ли это? – спросил один из них, оказавшийся констеблем.

– Он, мистер Никольтон, он самый! Берите его, арестуйте.

– Арестовываю вас, именем закона! – произнес констебль, кладя руку на плечо Тома.

Молодой человек даже не испугался, до того это показалось ему нелепым.

– Вы ошибаетесь, констебль! – сказал он, смеясь.

– Разве не вы отплыли отсюда вчера вниз по течению и не возвратились обратно на пароходе? – спросил полицейский.

– Совершенно верно, но что же из этого?

– Так и есть.

– Позвольте, констебль, – вмешался Дейтон, – нет ли тут какого недоразумения? Я знаю этого джентльмена, это мистер Том Барнвель. Моя семья познакомилась с ним недавно.

– Прекрасно, господин судья, – перебил человек, который привел с собой констебля, – дружба дружбой, но правосудие своим порядком! И разве вы сами не подписали приказ о взятии его под стражу?

– Его... то есть, того лица, которое обворовало вашу кассу, забравшись к вам в дом.

– Так это он самый и есть! Подлый грабитель, который подстерегает минуту, когда честные люди на работе, влезает к ним и забирает, что может! Он и часы мои утащил.

Сцена на улице привлекла множество народа, и Сандерс

хотел воспользоваться этим, чтобы уйти незаметно, но Том, не упуская его из виду, сказал, обращаясь к Дейтону:

– Я не могу оскорбляться обвинением этого человека, его, вероятно, обокрали и он, вследствие какой-то ошибки, подозревает меня. Но такое странное и неприятное для меня обстоятельство не должно помешать нам потребовать объяснений у мистера Гэвса, объяснений крайне необходимых. Пусть эти люди пойдут с нами, если они боятся, что я уклонюсь от суда, но одно ваше присутствие, господин судья, должно успокоить их насчет того, что я не вздумаю бежать.

– Нет, извините! – крикнул обвинитель Тома. – Я не желаю прогуливаться по городу из-за прихоти всякого арестанта! Констебль, исполняйте ваш долг! И вас, мистер Дейтон, я прошу, как судью, оказать мне содействие! Если этот человек убежит, ответственность падет на вас.

– Но можете ли вы доказать с точностью, что это именно тот, которого вы ищете?

– Не угодно ли вам пойти со мной на берег? Там найдется немало людей, готовых заявить под присягой, что это именно он.

Том видел, что дело, казавшееся ему совершенно нелепым, начинало принимать серьезный оборот. Он обратился к Дейтону с просьбой оставить его на свободе, но тот только пожал плечами, говоря, что вмешательство его будет тут неуместно и что констебль лишь исполняет свой долг. Бедный молодой человек видел, что ему приходится покориться

силе, но даже в эту, столь тяжелую для него минуту, он не забыл о Марии и просил Дейтона потребовать объяснений у Гэвса.

Дейтон обещал выполнить это и ушел с Сандерсом, а констебль препроводил Тома в местную тюрьму, находившуюся тут же неподалеку.

Глава XXIV

Испорченный карабин

Плоскодонные барки на реке Миссисипи, прозванные «Ноевыми ковчегами», очень тихоходны, а матросы на них очень ленивы. Они крайне не любят грести, хотя их, собственно, и нанимают для этого, и предпочитают пускать барку просто по течению, прибегая к веслам лишь при обходе подводных камней или при заходе судна в гавань. Люди, нанятые Эджвортом, были тоже недовольны тем, что он их по-нукал, желая скорее выбраться на простор из массы судов, загромождавших фарватер у Хелены, но Билл стоял в этом случае за хозяина и покрикивал на лентяев.

– Будет уже! Выбрались! – произнес один из них, бросая весло. Другие тотчас же последовали его примеру.

– Это что? – закричал рулевой. – Боб! Джонсон! Дик! Беритесь снова за весла!

– Хозяин молчит, а этот распоряжается! – дерзко возразил первый матрос. – Мистер Эджворт говорил, что можно будет и перестать, когда выйдем на открытое место. Мы и вышли. Если он хочет, чтобы мы снова гребли, пусть сам прикажет, а не ты!

Билл бросил руль и кинулся на обидчика с кулаками, но тот ожидал нападения и стал в позу боксера.

– Что же, почистим друг друга! – сказал он. Но Блэкфут поспешил предотвратить драку.

– Стыдитесь! – сказал он. – Разве можно ссориться так во время плавания? Беритесь за весла, делайте, что следует.

– Если мистер Эджворт прикажет, то ладно, – сказал тот же матрос. – Но нам надоело плясать под дудку этого типа. Пока еще был здесь мистер Барнвель, он не смел командовать, а теперь вон как распоясался. Да нет, полно! И я очень хотел бы рассчитаться с ним еще до того, как мы распроедемся!

Билл смотрел на него с бешенством и готов был снова кинуться на дерзкого, но Блэкфут выразительно посмотрел ему в глаза, и тот воротился на свое место, сердито ворча.

Эджворт не вмешивался в ссору, но наблюдал за происшедшим, и взгляд Блэкфута не ускользнул от него. Ему припомнились слова Смарта о сговоре между этим рулевым и покупателем, и он убедился теперь в этом, но отнес все к покупке товара и только решил впредь поостеречься и не дать обмануть себя при расплате.

Блэкфут, усевшись возле Билла, указывая ему рукой на берега и притворяясь, что рассказывает о чем-то, говорил между тем:

– Ты с ума сошел, Билл! Можно ли затевать ссоры в такую минуту? Тебе, напротив, нужно бы подружиться с этими людьми, привлечь их на свою сторону. Среди них, глядишь, и нашелся бы кто-нибудь, кто стал бы заодно с нами.

– Как же, ищи! Они все возненавидели меня. Собака и та ворчит, лишь только я подойду. Давно уже собираюсь ее утопить, да она не отходит от старика. Но обойдемся и без этих подлецов. Лишь бы ты успел заклепать его карабин. Вот тебе несколько гвоздиков, этого вполне довольно. Зачем нам рисковать шкурой, если можно без этого обойтись?

– Хорошо, только мудрено стянуть у него винтовку.

– Знаешь, что? Предложи ему поменяться. Твое ружье с богатой отделкой, а у него старенькое, не нарядное.

– Дельная мысль. Эти люди любят обмен. Я попрошу у него впридачу деньги, разумеется.

– И проси побольше, а то ему покажется подозрительным.

– Не бойся, сумею его обойти. А какой у нас сигнал оговорен?

– Выстрел, как всегда, хотя этот способ мне и не нравится.

– А какой же другой придумаешь при таком тумане, который позже и еще сгустится, поверь. Только бы не помешал он тебе посадить судно на мель в нужном месте.

– Не бойся! Недавно еще туман был такой, что хоть ножом его режь, а я свое дело справил.

– Хорошо, но не наделает ли нам хлопот после этот дурак, который отправился вперед. Не дождавшись барки, он поднимет шум, разумеется.

– Будь спокоен, его окружили уже так, что он не может ничего сделать. Но старик подсматривает за нами. Поди-ка, послушай, о чем толкует он с этой пассажиркой.

Миссис Эверест сидела возле своего багажа, сложенного на носу барки. Волчок свернулся у ее ног и она, все еще взволнованная нападением миссис Бредфорд и одиночеством среди грубых судовщиков, была рада видимому расположению к ней собаки.

Эджворт подошел тоже, сел на один из ее чемоданов и сказал приветливо:

– Не бойтесь ничего, сударыня. Матросы народ невоспитанный и часто ссорятся, один из них мне особенно не нравится, но нам недолго быть с ними. Если бы не этот туман, мы прибыли бы в Викторию сегодня же вечером. Когда смеркнется, я устрою вам что-то вроде палатки на палубе и вы сможете поспать спокойно до окончания нашего путешествия.

– И вы не боитесь, что мы сядем на мель при таком тумане?

– Нет, у меня хороший рулевой, да и тот человек, который купил у меня груз, тоже едет с нами, а ему река знакома хорошо.

– Не в одной реке дело, – проговорила миссис Эверест, понижая голос.

– Что вы хотите сказать?

– Вы слышали, конечно, мистер Эджворт, что тот, с кем я была обручена, погиб здесь?

– Как же, Смарт рассказывал мне. Судно затонуло. Сколько людей находят смерть таким образом!

– Не верьте этому, – прошептала она. – Я не верю.

– Не верите? Что вы говорите?

– Я не верю тому, что судно Голькса погибло по естественной причине, и я еду в Викторию именно с целью передать мои подозрения брату моему, адвокату, живущему в этом городе.

– Отчего же вы не сообщили их прежде сыну этого Голькса, приехавшему в Хелену? Он оказал бы вам всякое содействие, разумеется.

– У Голькса не было никакого сына, я убеждена, что человек, назвавшийся им, обманщик. Голькса я знал, как человека в высшей степени честного и правдивого, а он всегда говорил мне, что у него нет никого, он совершенно одинок. К чему бы ему скрывать от меня своего сына?

– Тише! На нас смотрят, – шепнул ей Эджворт. – Мне очень жаль, что здесь нет Тома. Боб Рой! – крикнул он матросу, именно тому, который только что ссорился с Биллом. – Подойди-ка сюда. Что ты думаешь насчет тумана? Ты уже не в первый раз ходишь по Миссисипи.

– Я думаю, – отвечал резко матрос, – что нам надо пристать где-нибудь или хотя бы стать на якорь. Идти далее, ничего не видя перед собой, просто безумие. Если на нас натолкнется какой-нибудь пароход, мы погибли, с другой стороны, можем сами сесть на мель.

– Стало быть, следует пристать, по-твоему?

– Если вы спрашиваете мое мнение, я его высказываю от-

кровенно. Что за удовольствие идти зря и позволяя еще распорядиться судном такому обормоту?

Он махнул рукой в сторону Билла, но в эту самую минуту к Эджварту подошел Блэкфут.

– А туман-то густеет, – сказал он, садясь. – Счастье наше, что у нас такой искусный рулевой. Притом здесь бывает часто так, что подует ветер и все это покрывало как рукой снимет. Мне думается, что так будет и в этот раз. Во всяком случае, мы можем пройти еще часа два, пока не доберемся до номера 63, у которого останавливаются обыкновенно все суда.

– А не лучше ли нам остановиться сейчас?

– Что вы! Это будет совершенно напрасно, только время потеряем. Вы понимаете, что я так же заинтересован в сохранении целостности груза, как и вы, следовательно, худого не посоветую. Ах, прах побери! Славное у вас ружьецо! Что это, пенсильванская работа, или вы приобрели его в Кентукки?

– Да, – сказал Эджворт, польщенный похвалой своему оружию, как всякий охотник, и перекладывая ружье поперек себе на колени, дулом к воде, – да, ружьецо хорошее, куплено оно действительно в Кентукки и сослужило мне уже не одну службу.

– Если так, то вы вряд ли захотели бы с ним расстаться? Даже если бы вам предложили другое, пороскошнее? – сказал Блэкфут, подавая ему свое ружье из дамаскированной¹²

¹² Обычной, которой с помощью кислотных протрав придают вид дамасской

стали и с особым механизмом для предохранения курка.

– Славное ружье и это... – произнес старик, рассматривая поданное оружие. – И бьет хорошо?

– Могу обещать на пари, что попаду с шестидесяти шагов в двадцатипенсовую монетку.

– Вот как! Зачем же вы хотите расстаться с таким великолепным оружием?

– По правде говоря, и жаль мне его, но я решил так. Видите ли, это ружье досталось мне от приятеля, которого уже нет, оно будит во мне грустные воспоминания. Воспользуйтесь случаем, если хотите... большой прибавки я от вас не потребую.

– Нет, – сказал Эджворт, – я свое оружие ни за что не отдам. Вам тяжело то, что напоминает умершего, а я, напротив, именно этим и дорожу. Мое ружье принадлежал прежде моему сыну, который... Но это постороннее дело, я вам скажу только, что не расстанусь с ним ни за что.

– Так не хотите? Позвольте мне хоть рассмотреть его. Выгравировано на дуле имя мастера?

– А я право, и не заметил. Да не все ли равно, кто сделал оружие, лишь бы оно великолепно било!

– Видите ли, я знаю многих мастеров в Кентукки, и мне любопытно, не знакомое ли имя.

Он взял ружье, стал рассматривать ствол и открыл полку.

– Осторожнее! – сказал Эджворт. – Вы рассыплете порох.

– Да он у вас отсырел, я прибавлю нового.

Говоря так, он держал оружие в левой руке, сжимая в правой один из гвоздиков, данных ему Биллом.

– Какой у вас порох? – спросил Эджворт, следя за его движениями.

– Самый высший сорт! Посмотрите.

Он подал старику щепотку пороха, и тот стал растирать его на ладони. Пользуясь этим мгновением, Блэкфут запустил гвоздь и закрыл полку. Эджворт, ничего не подозревая, похвалил порох и поставил ружье на место. Миссис Эверест молча наблюдала за всей этой сценой.

– Но как вы побледнели! – заметил старик, взглядывая на нее. – Вам нездоровится, миссис Эверест?

– Это ничего, пройдет... – сказала она. – Я так испугалась перед нашим отъездом, а теперь эта сырость.

– Вам необходим отдых, – перебил Эджворт, – и мы тотчас устроим вам уголок. И не возражайте.

Он спустился на нижнюю палубу, принес оттуда большое одеяло и натянул его с помощью Блэкфута так, что образовался род шалаша, в котором молодая женщина могла расположиться на ночь без помех. Следует заметить, что внимание к женскому полу развито, как бы инстинктивно, между самыми грубыми жителями Америки. Женщина может странствовать совершенно безопасно по всем Соединенным Штатам, и всегда, в случае нужды, найдет себе покровителя в первом встречном.

Но миссис Эверест не воспользовалась тотчас же предложенным ей убежищем и осталась на палубе. Эджворт тоже не ложился, обращаясь по временам к Биллу с вопросом, что не лучше ли стать на якорь? Но тот находил это излишним и даже в данную минуту невозможным. Бросать якорь посередине реки нелепо, говорил он, потому что тут шли другие суда, а подойти ближе к берегу, значило сесть на мель.

– Бросьте лот, сами увидите, как здесь мелко, – сказал он, и Эджворт убедился в его правоте. Глубины оказывалось всего на восемь футов. Продвигаться далее к берегу было опасно. Но положение было все же незавидным, и старик расхаживал по палубе с большим беспокойством.

– Вы еще не ложились? – спросил он, поравнявшись с миссис Эверест. – Вам не спится, я понимаю это. Видите, я сам на вахте дежурю. Того и гляди, налетим на мель.

– Я боюсь не реки, – прошептала она, оглядываясь со страхом. – Нам грозит другое. Где ваше ружье?

– Тут же, у моей койки. Но что вас так встревожило?

– Осмотрите курок... не теряйте ни минуты.

– Что же могло с ним случиться?

– Этот человек держал его в руках. Я долго жила в лесах и сама привыкла к обращению с огнестрельным оружием. Он заклепал чем-то ваше ружье, я в этом уверена, и сделал это в ту минуту, когда вы рассматривали порох.

– Благодарю вас, миссис Эверест, – сказал старик, – я тотчас же осмотрю ружье и приведу его в порядок. Но не бой-

тесь ничего, я жалею, что Тома нет со мной, но надеюсь, что мы избежим опасности и без него. Матросы мои уроженцы Индианы и преданы мне. Спокойной ночи, миссис Эверест!

Глава XXV

Остановка

Туман все густел, и Блэкфут начинал испытывать беспокойство.

– Уверен ли ты, что найдешь остров? – говорил он Биллу. – Ветер крепчает, и нас может отнести далее, нежели нужно.

– Не бойся! – отвечал тот. – Мы услышим еще издали прибой волн об устроенное там ограждение, и тогда я легко уговорю этих болванов причалить именно там, где нам нужно. Теперь уже близко.

Блэкфут отошел от него и столкнулся с Эджвортом.

– Вы хотите провести ночь здесь, наверху? – спросил он. – Не лучше ли вам пойти на нижнюю палубу? В ваши лета простуда опасна.

– Не беспокойтесь, – перебил его старик, – я привык ко всякой погоде. – Но мне нужно и распорядиться. Боб Рой, зови всех на работу. Я хочу остановиться здесь.

– Здесь! – воскликнул Блэкфут. – Но зачем? Билл не находит никакой опасности.

– Может быть, но я не спокоен. Эй, ребята! Гребите к арканзасскому берегу.

– Что вы? – крикнул ему Билл со своего места у руля. –

Хотите наскочить на подводные камни?

– Вовсе нет, – возразил Эджворт, – мы идем возле берега, я могу рассмотреть очертания его даже сквозь туман.

– Но я же вам говорю, что ниже по течению есть прекрасное место для причала! – воскликнул Билл.

– Может быть, – возразил опять старик хладнокровно, – но осторожность не мешает. Лучше обождать, пока туман не рассеется.

– Однако, мистер Эджворт, – перебил его Блэкфут с раздражением, – я полагаю, что мы только потеряем время таким образом. Я должен сдать товар завтра утром и хочу поэтому прибыть в Викторию на рассвете.

– Вы хотите! – повторил старик. – Мне кажется, что здесь могу «хотеть» один я. Дело идет не об одном грузе, но также о жизни всего моего экипажа и этой пассажирки. Бели же вы боитесь, что груз прибудет в Викторию позднее назначенного часа, то я готов нарушить нашу сделку и возвратить вам задаток. Я найду и другого покупателя на свой товар.

Блэкфут скрипнул зубами в бешенстве, но Билл стал исполнять приказание Эджворта, торопя гребцов.

– Что же ты это? – шепнул ему Блэкфут, останавливаясь позади его. – Зачем слушаешься старого глупца? Если мы простоим здесь, то дело пропало. К утру туман рассеется, мимо нас будут сновать суда и мы, значит, трудились, до сих пор, понапрасну.

– Молчи! – ответил тоже шепотом Билл. – Разве можно

вдвоем идти против всех? Надо стараться не возбуждать их подозрений, и так уже старик посматривает на тебя недоверчиво. Когда мы причалим, все пойдут спать и нам будет нетрудно перерезать канат.

Кругом стали показываться деревья. Вблизи торчала из воды толстая смоковница.

– Знаешь, – опять вполголоса сказал Блэкфут, – дело обстоит лучше, чем можно было ожидать. Я узнал место, наш остров уже недалеко, правь немного ниже, и мы сядем на мель на западной его стороне.

– Так, – сказал Билл, направляя судно прочь от смоковницы.

Но Боб Рой, держа уже наготове канат, крикнул ему:

– Лево руля! Лево руля! Что же это, хотите, чтобы весь наш труд пропал даром?

– Молчать! – ответил ему Билл, поворачивая судно в противоположную сторону, но Эджворт оттолкнул его и сам положил руль налево. Боб Рой закричал: «Берегись!», закинул из всех сил канат за смоковницу и прыгнул сам в воду.

Дело ему выпало опасное: если бы он не успел укрепить канат, то его самого увлекло бы в подводные заросли, где он нашел бы верную смерть. Но матрос рассчитал верно, канат обвился вокруг дерева, и Боб привязал его к крайнему суку. Течением дернуло лодку так сильно, что казалось, смоковница выдернута с корнем, однако она устояла, и только сам отважный матрос исчез под водой.

Но он вынырнул тотчас же, товарищи помогли ему влезть на борт, и все пришло в прежний порядок. Матросы уселись за ужин. Блэкфут старался скрыть свое раздражение, а Билл шутил как ни в чем ни бывало. Сначала на палубе было довольно шумно, благодаря отчасти и выпитому виски, но потом, мало-помалу, люди начали расходиться на ночлег и все стихло. Билл улегся у руля, а Блэкфут на носу, положив голову на свернутый конец того самого каната, которым было причалено судно, Миссис Эверест ушла под свой навес, Эджворт поместился вместе с Волчком среди тюков с товарами. Он не спал, прислушиваясь к малейшему шороху. Не сомневаясь более в том, что Билл и Блэкфут замышляют что-то недоброе, он решился сторожить всю ночь.

Несколько часов прошло в полной тишине, слышался только прибой волн о бока судна, да лягушки квакали в соседних болотах. Билл тихо подполз к своему сообщнику и прошептал:

– Не пора ли?

Блэкфут продолжал лежать неподвижно, но Билл расслышал звук трения ножа о канат. Он пополз обратно и вернулся в свое одеяло.

Эджворт видел его движение и приподнялся, но успокоился снова, когда Билл вернулся на свое место, собираясь, по видимому, заснуть. Сон одолевал и старика, мысли его путались, воспоминания прежнего смешивались с настоящим, ему причудилось, что он на берегах Уабаша, близ могилы

своего сына, осененной листвой дубов и ив, поющих свою унылую песню.

А в это время нож Блэкфута проникал глубже и глубже в канат, вскоре судно дрогнуло и быстро понеслось по течению, оставляя далеко за собой смоковницу, которая выпрямилась и встряхнулась, как бы радуясь возвращенной свободе.

Глава XXVI

Расправа со злодеями

Спавшие не подозревали о грозившей им опасности. Билл шепотом переговаривался со своим сообщником.

– Мы совсем недалеко от нашего острова, – сказал он.

– Но не слишком ли сносит нас вправо? – заметил так же тихо Блэкфут. – Повернуть бы руль.

– Нельзя, скрип разбудит людей, по крайней мере, старика... Тише! Эта собака ворчит. О, как бы я хотел спустить ее в воду!

– Слушай, надо завалить чем-нибудь выход из нижней палубы, так чтобы никто не вышел оттуда. Вот, сдвинем этот тяжелый ящик. Я подам сигнал выстрелом, когда будет надо, а ты расправишься тем временем со стариком. Его ружьишко теперь не опасно. Потом встань у камбузного окна, и если кто из нижних вздумает лезть оттуда, бей его прикладом по голове. Так и справимся со всеми поодиночке. Попались они, как в мышеловку!

Но Эджворт спал некрепко. Ворчание собаки и шепот разбойников заставили его проснуться. Он приподнялся, огляделся, увидел перед собою темную полосу земли и понял тотчас, что судно несет по течению.

Он проворно схватил свое ружье, вскочил на ноги и уви-

дел, что Билл и Блэкфут загораживают ящиком выход из нижней палубы.

– Что вы делаете! – крикнул он. – Нас уносит!

В то же время он постучал ногой в палубу, давая тем условный знак Бобу.

– Пора! – шепнул Билл Блэкфуту. – Отправляй его на тот свет!

– Что же вы не отвечаете мне, Билл? – продолжал Эджворт. – Зачем передвигаете ящик?

– Узнаешь сейчас, – проворчал Билл, между тем как Блэкфут бросился за своим ружьем, которое должен был оставить в стороне, чтобы помочь товарищу передвинуть ящик.

Между тем снизу раздавались крики: «Кто завалил выход?» – и заметны были усилия людей сдвинуть эту преграду. Билл видел, что соединенные усилия матросов достигнут цели, и закричал своему товарищу:

– Стреляй! Выстрел и будет сигналом! Нам необходима помощь.

В то же мгновение грянул выстрел, но, к изумлению Билла, Блэкфут взмахнул руками, выронил ружье и упал навзничь. Пуля Эджворта, следившего за его движениями, пробила ему голову насквозь.

– Стой, старый мошенник! – закричал в бешенстве Билл, видя, что Эджворт бросился, чтобы поднять ружье, оброненное убитым. – Стой! Я уложил твоего сына, спроважу вслед за ним и тебя!

Он вырвал ружье из рук старика с этими словами, но они произвели на несчастного отца такое страшное действие, что он, не помня себя, бросился на злодея, прежде чем тот успел опомниться, и схватил его за горло, с криком:

– Убийца!

Силы оказались слишком неравны, и Билл занес уже приклад над головой своего противника, но неожиданный союзник выручил старика. Волчок налетел с размаху на ненавистного рулевого и сбил его с ног.

Матросы, находившиеся внизу, успели тем временем выбраться из западни. Они бросились к Биллу и обезоружили его, но не могли оттащить Эджворта, который искал ощупью свой нож, чтобы заколоть разбойника. Волчок тоже не выпускал из зубов ворота его рубашки, как будто хотел его задушить.

– Тише! Я слышу плеск весел... – проговорил Боб.

– Гей! Лодка! – заревел Билл изо всей силы, стараясь поднести к губам свисток. – Гей! Сюда!

Боб зажал ему рот рукой, шепнув товарищам:

– Молчите все, если хотите остаться живы. Я начинаю смекать, в чем дело. Принесите только чем заткнуть ему глотку.

В ответ на крик Билла раздался свист, похожий на совиный.

– Не шевелитесь! – продолжал Боб тихо. – Этот негодяй заодно с пиратами, это ясно. Если мы не шелохнемся, то, мо-

жет быть, и ускользнем, благодаря темноте и туману. Держите крепче этого разбойника за ноги, он хочет поднять шум. Мистер Эджворт, ради Бога, не позволяйте вашей собаке залаять, или мы пропали!

– Гей! – кричали с лодки. – Билл! Что не отвечаешь?

Билл сделал отчаянное усилие, чтобы заявить чем-нибудь о своем присутствии, но четверо сильных парней держали его так, что он не имел возможности даже стукнуть головой о палубу.

Между тем, судя по плеску весел, лодка пиратов была в каких-нибудь двадцати шагах от судна, и находившиеся на нем испытывали смертельный страх, ожидая нападения каждую минуту. Наконец, после краткого совещания, из которого даже некоторые отдельные слова долетали до Боба и его товарищей, плеск от весел стал ослабевать и скоро совсем замер в отдалении. Один раз еще донесся свиный крик, и все стихло.

Глава XXVII

Месть женщины

В тот самый вечер, когда Келли отдавал приказания в харчевне «Старый Медведь», Джорджина ходила в волнении по своему роскошному будуару. Глаза ее блестели от гнева, губы судорожно сжимались. Она была крайне раздражена всем, что произошло в последние дни. Келли не ночевал дома уже двое суток, молодой метис, ее любимец и так безгранично преданный ей, не возвращался, Мария бежала неизвестно куда, Питер, посланный разыскивать метиса, тоже не являлся с ответом.

Неизвестность томила ее, не зная, что думать, она вышла из дома, но тут увидела возвращавшегося с поисков Питера. Она сделала ему знак следовать за ней в комнату, он повиновался, но казался смущенным и молчал. Джорджина схватила его за руку, взглянула ему пытливо в лицо и спросила:

– Где Олио?

– Не знаю, – ответил он сухо.

– Где он? – повторила она повелительно. – Смотри мне прямо в лицо, Питер, и отвечай.

– Я говорю, что не знаю! Во всем лесу нет ни малейшего следа.

– В лесу? Зачем ты искал в лесу? Следы могли быть только

по дороге в Хелену, а не в лесу!

– Я смотрел везде и не нашел ничего.

– А в воде, Питер? – проговорила она слабым голосом.

– В воде? – повторил он, оглядываясь с ужасом. – Почему вы думаете о воде?

Джорджина заметила этот взгляд, побледнела и крикнула:

– Да, в воде, в воде! Говори, Питер!

– Но я, право, не заглядывал в реку. Только Гаррис...

– Что Гаррис? Говори!

– Он полагает, что Олио не выходил на тот берег. Гаррис хотел передать ему что-то. Завидя лодку, он стал поджидать его на тропинке, единственной, по которой можно пройти там. Но Олио не показывался. Гаррис даже окликнул его, но ответа не получил.

– Может быть, Олио спрятался, не признав его голоса. Не догадался, что его зовет кто-нибудь из наших.

– И Гаррис так же подумал, – сказал Питер, говоря уже смелее при видимом спокойствии Джорджины. – Но ему показалось странным, что негр плывет обратно уже один. Стало быть, он высадил Олио, куда же тот девался? Гаррис пошел к маленькому затону, у которого должна пристать лодка, но обошел его весь, не найдя следа ее причаливания. Между тем трава тут густая и помялась бы от ног, если бы кто вышел на берег. Словом, никакого следа.

– Что же далее? – спросила Джорджина, видя, что он снова замаялся.

– На берегу никаких следов... – проговорил Питер в смущении, – но в воде...

– В воде? – повторила она.

– Гаррис мог и ошибиться. Ведь это только его предположение, – произнес Питер, останавливаясь снова. Он знал привязанность миссис Келли к молодому метису, подозревал очень многое и боялся навлечь на себя неукротимый гнев атамана за вмешательство во всю эту историю.

– В чем же состояло предположение Гарриса? – продолжала Джорджина с прежним притворным спокойствием. – Не бойся, Питер, рассказывай все.

– Если вы хотите уж все знать, – начал он, теребя свою шляпу в смущении, – то Гаррис видел как бы кровь на поверхности воды. Но ему могло и почудиться.

– Он не нашел трупа? – спросила Джорджина так тихо, что Питер не сразу расслышал ее вопрос.

– Трупа? Нет. Ведь он ничего не знает наверное, только предполагает. Может быть, Олио вернется еще сегодня или завтра, и вы только напрасно тревожитесь.

– Питер, – сказала Джорджина, держась обеими руками за спинку кресла, – я хочу знать всю правду об Олио.

– Так пусть рассказывает сам Боливар! – ответил Питер уже резко. – Я вам признаюсь, что очень желал бы вовсе не вмешиваться в это дело. Капитан может прогневаться.

– Ты так предполагаешь?

– Видите ли, он не жаловал этого метиса и знал, что он

ваш шпион.

– Следовательно, ты думаешь, что ему было бы приятно избавиться от этого мальчика, и он мог приказать убить его.

– О, миссис Джорджина, позвольте! – перебил Питер с испугом. – Я еще не потерял здравого смысла и потому не позволю себе подобных догадок! Притом, все это никак меня не касается, я не суюсь в чужие дела, желаю быть в стороне, знать лишь свои обязанности.

– Ты совершенно прав, Питер. Но если я попрошу тебя оказать мне услугу, за которую пообещаю заплатить по-королевски, ты не откажешь мне?

– Отчего же нет, если только я в силах.

– Дай мне свою правую руку в знак клятвы.

Питер поколебался: дело принимало слишком серьезный оборот; но в глазах молодой женщины было столько мольбы, что он не выдержал и сжал ее нежные пальчики своей мозолистой рукой.

– Хорошо. Ты дал мне слово, – сказала она. – Сдержи же его! Возьми багры и веревки, обыщи тот маленький залив и найди труп.

Она опустила в кресло и закрыла лицо руками.

– Когда найдешь, принеси сюда. Надо похоронить Олио по-христиански. Ты исполнишь все?

– Исполню. Но если капитан вернется в это время? Если он хватится меня?

– Я найду предлог для объяснения твоей отлучки. Иди же,

я надеюсь на тебя.

– Залив не глубокий, найти будет можно. Но когда я найду тело, куда его положить?

– Принеси сюда, в комнату за моей спальней. Остальное уже мое дело. Но где негр?

– Мы его связали и заперли, потому что Корни умер от его укуса. Этот негодяй перекусил ему вену, которую никто не сумел перевязать. Мы ждем капитана, который рассудил бы дело. Бели бы Боливар был не негр, то мы все как один заявили бы, что поделом этому Корни, потому что он был кругом виноват, но нельзя допускать, чтобы негр поднял руку на белого. Это было бы дурным примером.

– Приведите сюда Боливару, – приказала Джорджина.

– Что вы... разве можно без капитана!

– Приведите его связанного и пришлите сюда также двух приятелей этого Корни.

– Бели вы хотите вынудить у него признание насчет Олио, – сказал Питер, – то это напрасно, я думаю. Он упрям как мул. Но я исполню ваше приказание и попрошу вас только, со своей стороны, не упоминайте обо мне капитану.

Оставшись одна, Джорджина залилась слезами, но они не могли утолить ее горя. Страстная и порывистая, не знавшая границ ни в любви, ни в ненависти, она была неспособна прощать обиды и платила за них только мщением, жестоким и беспощадным. А теперь обидчиком был человек, из-за которого она пожертвовала всем, ради которого она порвала все

связи со светом, переносила все опасности, а он, так безгранично любимый ею, изменял ей! Она была в этом уверена, иначе зачем ему было губить бедного, невинного мальчика? И Боливар сделался орудием его злобы.

– О, – говорила она себе, – если только я открою все, узнаю, что случилось с Олио... берегись тогда, мистер Ричард Келли!

За дверями раздались голоса, и несколько человек ввели Болиvara. Голова его, ушибленная о камень, была обвязана платком, один глаз заплыл.

Джорджина достала карманный пистолет, навела его на негра и проговорила:

– Ты в моей власти, твое преступление мне известно, и ничто не спасет тебя от кары, которую ты заслужил. Ты убил невинного юношу, моего питомца, и бросил его тело в воду. Если хочешь остаться живым, признавайся во всем. Бедный Олио не сделал тебе ничего, шутки его были простительны, как шалости ребенка. Что же побудило тебя погубить его? По чьему наущению ты это сделал? Говори! Я знаю все, но хочу, чтобы ты подтвердил это своим признанием.

– Не знаю, кто наговорил вам всякого вздора, – отвечал Боливар. – А вот меня так действительно обидели ни за что. Если бы маса Келли был здесь.

– Он заступился бы за тебя, это весьма вероятно. Но не уклоняйся от вопроса, или я прострелю тебе голову. Ты должен знать, что я не произношу угроз понапрасну.

– Как не знать! Я вас даже очень хорошо знаю. Но что мне в том, что вы меня убьете. Моя жизнь здесь хуже собачьей. Стреляйте, не боюсь!

– Освободите его от этих веревок и привяжите к дереву! – с бешенством крикнула Джорджина. – Увидим, что он скажет под кнутом. Бейте его, пока он не признается, хотя бы на нем не осталось ни лоскута отвратительной черной кожи!

– Давно надо было погладить его так, – сказал один из разбойников, по прозвищу Клык. Кличка эта была ему дана из-за зуба, торчавшего из под верхней губы. – Посмотрим, такая ли у него черная кровь, как и шкура. Ну, приготовься, Боливар! Да не признавайся подолее, чтобы дать нам натешиться!

Страшная казнь началась, но негр молчал. Удары сыпались на него, спина его превратилась в одну кровавую рану, но он твердо смотрел в глаза Джорджины, утратившей всякую женскую мягкость в эту минуту. Она не спускала глаз со своей жертвы, произнося ругательства и проклятия, но Боливар молчал, он только заметно слабел, взгляд его становился мутным, колени подогнулись.

– Не молиться ли вздумал? – крикнул Клык. – Поднимайся! Еще успеешь.

И он размахнулся кнутом с еще большим остервенением. – Стойте! – произнес чей-то повелительный голос, и толпа расступилась, узнав своего атамана.

Келли, закутанный в мексиканский плащ, в широкополой шляпе, закрывавшей лоб, устремил взгляд на исполнявшего

приговор и произнес строго:

– Кто осмеливается наказывать здесь кого-нибудь без моего приказанья?

– Я отдала этот приказ! – воскликнула Джорджина. – Этот мерзавец убил Олио, которого я воспитала и так любила! И ты не можешь противиться исполнению этого приговора. Не можешь, – прибавила она грозно, – если не хочешь оказаться его сообщником!

– Уведите этого негра, – сказал Келли, не отвечая ей. Я разберу дело.

– Оно ясно уже, – гордо заметила Джорджина. – Выступаю обвинительницей я и беру Бога в свидетели, что Боливар совершил убийство! Неужели у тебя достанет духа оправдать его, взять под свою защиту?

– Уведите этого человека! – повторил Келли грозным голосом. – А ты, Джорджина, уйди. Тебе не место здесь. Слышите все, что я приказываю?

Молодая женщина побледнела как смерть, но повиновалась и ушла. Клык не уступил так скоро. Он дерзко взглянул на Келли и крикнул:

– Этот мерзавец набросился на белого и искусал его! Он заслужил виселицу! Подчинение вещь хорошая, но и ему есть границы. Мы все американские свободные граждане и большинство из нас решило, что негра следует наказать. Поэтому я его не оставляю.

Он не успел договорить. При свете факелов, озарявших

эту сцену, в руках Келли сверкнул нож, и Клык, постояв несколько секунд с вытаращенными глазами, рухнул навзничь и испустил дух. Между прочими разбойниками послышался ропот, и они двинулись к Келли. Он взглянул на них и произнес спокойно:

– Безумные! Мы окружены изменой, наше убежище открыто, нам грозит крайняя опасность, а вы сводите личные счеты, повинуетесь ревливой женщине и восстаете против того, кто один еще может вас спасти! Глупцы! Возвращайтесь на свои посты, знайте, что к нашему острову причалила лодка, и прибывший на ней скрывается здесь, шпионит за нами. Надо не выпустить его отсюда. Я переговорю с вами подробней тотчас, но прежде всего освободите негра и похороните этого негодяя. Смерть его оказалась еще слишком легка, знайте, что он дал в Хелене клятву выдать нас, и если не успел сделать этого, то потому, что надеялся выторговать себе более значительную награду. Развяжите Боливара.

Люди молча повиновались, и Келли пошел к Джорджине.

– Где Олио? – воскликнула она, завидя его. – Где ребенок, которого я воспитала, единственное существо, бескорыстно преданное мне? Он был виновен в твоих глазах лишь тем, что так любил меня, был готов для меня на все.

– Что за выходки! – проговорил он спокойно, бросая шляпу на стол. – Почему я знаю, где этот метис? Зачем ты позволяла ему отлучаться отсюда? Может быть, он еще и вернется. Верно, загулял в Хелене. Скажи лучше, где молодая женщи-

на, которая осталась у тебя?

– Олио! Ты говоришь, он еще вернется? Он там, на дне залива. О, милый мой мальчик! Умереть такой гнусной смертью! – Она закрыла лицо руками и зарыдала. Келли смотрел на нее с недоумением.

– Чем был этот Олио для тебя, Джорджина? – спросил он наконец. – Метис, на которого ты могла смотреть только как на слугу. Я никогда не расспрашивал тебя о рождении этого мальчика, но теперь желал бы знать.

– В его жилах текла кровь великих вождей из рода семиолов! – произнесла она гордо. – Имя отца Олио было воинственным целого племени и имя его бессмертно в памяти народа.

– А как звали мать? – с иронией спросил Келли.

Она не ответила ничего, и он вышел из комнаты.

Негр все еще оставался под деревом.

– Боливар, – сказал ему Келли, – тебя мучили так за то, что ты предан мне? Я это знаю, и ты не можешь оставаться долее здесь. Джорджине известно все, и она не пропустит первого же случая, чтобы тебе отомстить! Слушай: собери все, что можешь захватить с собой. Мы уедем вместе.

– И не вернемся сюда вовсе? – спросил Боливар с удивлением.

– Ты ни в коем случае, мне, может быть, еще придется. Но спеши, время дорого, а плыть не близко.

– Но я не могу поднять весла, руки у меня исполосованы

кнутом.

– Ты сядешь у руля. Тебе слишком часто приходилось грести за меня, сегодня ты будешь отдыхать. С этой минуты, Боливар, мы с тобой неразлучны. Останешься ли ты всегда верен мне? Исполнишь любое приказание?

– Вы отомстили за мою обиду, – проговорил негр. – Кровь этого злодея, пролитая вами, брызнула на меня, и каждая ее капля стала целительным бальзамом для моих ран. Этого я никогда не забуду.

– Хорошо! – сказал Келли. – Я верю. Пойди, отдохни в лодке. Она стоит на обычном месте.

Он хотел уже уходить, но негр остановил его, говоря:

– Масса, вот два письма, которые я нашел в кармане у метиса.

– Благодарю тебя, – сказал Келли, пряча письма и удаляясь через северо-западные ворота, между тем как Боливар пробирался к своему шалашу. Он собрал свои пожитки, ни говоря ни с кем, и пошел, стараясь не сбиться в тумане с той тропинки, которая вела к месту, назначенному ему капитаном.

Глава XXVIII

Приключения ирландца

Патрик О'Тул благополучно добрался до острова, на котором обитал чужак Брэдшоу, и выслушал от него повторение того, что рассказал ему Том. Брэдшоу старался, однако, отговорить его от рискованного предприятия, но упрямый ирландец стоял на своем, говоря, что туманная ночь самое благоприятное условие для задуманного им дела.

Брэдшоу долго простоял на берегу, глядя вслед смельчачку, пока тот не скрылся в тумане. Но О'Тул был совершенно спокоен, ему казалось, что правое дело должно неизбежно восторжествовать.

Но если туман мог благоприятствовать высадке, то он же мог и помешать ему отыскать сам остров. До этого случая смелому ирландцу не приходилось еще плавать по Миссисипи при подобном тумане, иначе он не решился бы пуститься в путь без компаса, надеясь лишь на то, что плавающие обрубки деревьев укажут ему верное направление. Но через какой-нибудь час после разлуки с Брэдшоу самонадеянный ирландец понял, что сбился с дороги и что всего благоразумнее для него было пристать к арканзасскому берегу и ожидать, пока не станет светлее.

По правде говоря, ему было так же трудно направить свою

лодку к одному берегу реки, как и к другому. Он выбился из сил, перестал грести и прилег, надеясь на то, что снесет же его куда-нибудь или он заслышит приближение какого-нибудь судна. Желание его скоро исполнилось, лодка уперлась в дерево, наклонившееся к воде. Наконец-то он встретил сушу! Но он совершенно не представлял себе, куда его прибило, к твердой земле или к острову, к штату Миссисипи или Арканзас.

Во всяком случае, ему представлялась возможность отдохнуть от трудов, надо было только привязать лодку понадежнее. Дело оказалось нелегким, но, после долгих усилий, ему удалось ввести свое суденышко в небольшой залив между высокими водяными порослями.

Сделав это, О'Тул завернулся в теплое одеяло, которым великодушно снабдил его Брэдшоу, и задремал. Но вскоре сквозь сон он услышал чей-то говор, привстал и пополз тихонько к беседовавшим. Голоса смолкли, он двинулся дальше, и вдруг неожиданно перед ним выросли какие-то фигуры. Он едва успел спрятаться от них за кусты.

– Я говорю тебе, Джонс, – шептал один из этих людей другому, – что тебе нельзя выехать с острова, не дав клятвы.

– Я и готов ее дать, – отвечал другой с досадой, – но к чему меня держать здесь, когда у меня на мази знатное дельце в штате Миссисипи.

– Ты знаешь, что клятву приносят в общем собрании, во избежание всяких недомолвок и уверток. Собрание только

завтра вечером. Что ж, потерпи.

– А если вас всех здесь захватят, то и меня заодно с вами повесят, совершенно невинного! Очень приятно!

– Ты невинный? – усмехнулся собеседник Джона.

– Разумеется, по крайней мере, я не участвую в ваших делах. Слушай, Бен, одолжи мне лодку, сделай милость, а я принесу клятву тебе. Не все ли равно?

– Нет, вовсе нет. И я не желаю рисковать из-за тебя головой. Дьявольщина! Я наткнулся на что-то.

Ирландец лежал так близко от говоривших, что Бен задел его ногой. О'Тул замер от страха, не зная, на что решиться: бежать было опасно, эти люди, отлично знакомые с местностью, нагнали бы его тотчас, сопротивляться им, хорошо вооруженным, по всей вероятности было тоже невыносимо. «Самое лучшее, – подумал он, – притвориться спящим, чтобы отнять у них всякое подозрение о том, что я слышал что-нибудь из их разговора». Но следующие слова Бена заставили его осознать опасность, которой он подвергнулся.

– Подумай, – сказал разбойник своему товарищу, тронув Патрика за руку, – эти ленивые собаки просто бросили здесь Клыка. Неужто нам тащить его туда, где следует хоронить? Зароем и здесь, ему все едино, где гнить.

Говоря это, Бен взял лопату и принялся копать землю.

– А пока ты работаешь, – сказал Джонс, – я пойду посмотрю, нет ли где чужой причаленной лодки. Ты знаешь, атаман велел наблюдать за этим.

– Ловкач! – возразил Бен. – Я буду вкалывать, а ты тем временем найдешь лодку и улизнешь отсюда. Нет, дружище, оставайся и рой яму вместе со мной.

О'Тул дрожал всем телом. Рядом рыли могилу для него. Но он старался не шелохнуться, зная, что малейшее движение его выдаст. Бен продолжал:

– Нас послали сперва зарыть тело, а потом отыскать лодку ирландца и поймать его, если удастся. Так и сделаем, поработаем здесь, а после поищем вместе.

«Каким образом могла уже дойти сюда весть о моем намерении? – думал Патрик. – Я говорил о нем только близким друзьям и то перед самым отъездом».

Вдали раздался чей-то крик:

– Бен! Ты здесь?

– Здесь! – отвечал тот. – Что случилось?

– Я нашел лодку. Иди сюда. Придется, может быть, зарывать и еще кое-кого вместе с Клыкком.

Кровь застыла в жилах у бедного ирландца. Его лодка действительно была найдена, а с нею отнято всякое средство к бегству.

– Где же лодка? – спрашивал Бен.

– Неподалеку, у старой смоковницы.

– Хорошо, поджидай ирландца там и уложи его на месте, если он явится, только стрелять не велено.

– А что делать, когда Билл Сэвэдж подведет то судно и подаст сигнал?

– Это тебя не касается. Мы с тобой только обыщем остров и поймаем ирландца, не сквозь землю же он провалился!

Сердце Патрика билось так, что готово было разорваться в груди. Разбойники работают усердно, и яма должна быть вот-вот готова. Нельзя ли незаметно доползти до берега, броситься в воду и уплыть? По реке несло столько пней и целых деревьев, что опасность утонуть ему не угрожала.

Он пополз в сторону, но задел за сухой сук, и тот переломился с легким треском. Бен вздрогнул и спросил у товарища:

– Ты слышал, Джонс? Что то хрустнуло... точно кто идет.

– Почудилось тебе. Ну, довольно копать! – проговорил Джонс, вылезая из ямы. – Достаточно глубоко. Да и что я, могильщик, что ли? Право, не для такой работы явился. Что ж, спустить туда эту падаль, и конец! Очень весело, рыть могилы ночью в темень.

– Да ладно, помолчи! Где же труп? Вот он. Мне казалось, он ближе лежал. Бери же, тащи. Черт возьми, какой тяжелый.

– И теплый еще! – проговорил Джонс, вздрогнув. – Что, если мы живого зароем?

– Какой же живой? После ножа Келли живым не останешься. А что он теплый, так немудрено. Порешил его атаман всего час назад. Ну, спускай.

Наступила роковая минута.

Бен уже засыпал яму. Патрику осталось на выбор: быть убитым при попытке к бегству или погребенным заживо. Но

слова Джонса подали ему мысль о средстве к спасению, он слабо застонал.

– Что я говорил? – воскликнул Джонс. – Мы хороним живого!

В эту минуту раздался выстрел, а вслед за ним свист, очень знакомый разбойникам.

– Это Сэвэдж! – крикнул Бен с радостью. – Ура! Новый приз. Я бегу. А ты, Джонс, вытащи Клыка из ямы, помоги ему чем можно. Я скоро вернусь.

– Послушай, однако... – начал Джонс.

– Делай, что велено! – перебил его Бен сердито. – Говорят тебе, я вернусь через несколько минут.

Он убежал, а Патрик, хватаясь за последнее средство к спасению, проговорил слабым голосом:

– Помогите, задыхаюсь.

Джонс взял его под руки и потащил вверх.

– Ну и тяжел же ты, – проговорил он. – А не можешь ли, любезный, упереться ногами хоть немножко? Вот так. Однако откуда вдруг прыть такая явилась?

Он мог удивиться, потому что человек, которого он считал смертельно раненным, вдруг выпрямился и прежде, нежели Джонс успел крикнуть, нанес ему в переносицу мощный удар кулаком; у несчастного посыпались искры из глаз, и он рухнул на землю, лишившись чувств.

Обретя свободу, О'Тул бросился через чащу к реке, в то самое время, когда Бен возвращался к могиле, крича убежав-

шему:

– Куда ты, Джонс? Вернись, мерзавец!

Но мнимый Джонс не слушался, и Бен сказал себе: «Не гнаться же мне за ним! Да и воротится, некуда ему деваться, все лодки заняты, а он плавать не мастер, поневоле придет».

Он наткнулся при этом на тело своего товарища, тот лежал неподвижно, не приходя в себя от глубокого обморока.

– Умер Клык, значит! Теперь уже несомненно, чего еще ждать. И то сказать, Клык, ты должен быть даже благодарен атаману за то, что он избавил тебя от виселицы.

Говоря это, Бен спихнул Джонса в яму и засыпал землей своего товарища, живого еще и только оглушенного ударом Патрика.

Глава XXIX

Пароход «Чёрный сокол»

Барка Эджворта продолжала свой путь. Боб Рой стоял у руля. Связанный Билл не мог подать ни малейшего сигнала своим сообщникам, но положение пловцов было еще далеко не безопасным. Туман не позволял определить место, в котором находилось судно, и экипаж мог ожидать нового нападения.

С некоторых пор Боб Рой заметил что-то как будто прицепившееся к рулю и ждал с нетерпением рассвета, чтобы рассмотреть, что это было. Но ему послышался стон, стало ясным, что судно тащило за собой таким странным образом какого-то человека. Друга или недруга, вот вопрос! И его необходимо разрешить. Но незнакомец не ответил ничего на первый окрик Боба.

– Эй, ты! Как тебя звать? – закричал вторично Боб. – Отвечай, не то стряхну.

– Что такое? – спросил, подходя, Эджворт.

– Примите меня, – раздалось снизу.

– Примите! – передразнил Боб. – Как принять? Лодки у нас нет, карабкайся наверх сам. Хочешь, весло тебе опустим?

– Не могу... из сил выбился... где уж мне по веслу. По-

могите.

– Можно бросить ему веревку, – сказал Эджворт.

– Это не поможет, – возразил Боб. – Он уже полумертвый.

Придется мне лезть к нему.

– А если это один из пиратов?

– Если даже и так, то он в таком состоянии, что не в силах повредить нам. Нельзя же дать человеку погибнуть!

Говоря это, Боб разделся.

– Держите крепче веревку, – велел Боб матросам, – а я спущусь вниз и обвяжу этого беднягу.

Он спустился по веслу, вложенному в уключину, подплыл к едва державшемуся на воде человеку и крикнул: «Готово! Тяните!»

Через две минуты потерпевший лежал на палубе. Его закутали теплыми одеялами, и первое слово, которое он произнес, обогревшись немного, было:

– Виски!

Матросы, питавшие большое уважение к этой драгоценной влаге, поспешили выполнить его желание.

Читатели узнали, конечно, в спасенном Патрика О'Тула. Оправившись, он рассказал все, что успел узнать на острове, и Эджворт пришел в ужас, размышляя об опасности, которой они только что избежали, а главное, о многочисленных и великолепно налаженных связях бандитов, позволявших им передавать друг другу сведения со столь завидной оперативностью. Каким образом на него, прибывшего недавно

из Индианы, было уже указано, как на жертву, и все бы заранее тщательно подготовлено для ограбления его судна? И что следовало предпринять теперь? Огласить дело, заявить властям? Но как скоро удастся организовать облаву на разбойников, и есть ли гарантия, что их не предупредят вовремя их вездесущие агенты?

Судно продолжало идти между тем, и скоро вахтенный объявил, что справа виднеется огонь. Оказалось, что свет исходит из топки какого-то парохода, стоящего на якоре. Догадываясь, что берег близко, Эджворт велел матросам налечь дружнее на весла, и скоро тяжелое судно притянулось к выдававшемуся в реку уступу, пониже того места, у которого стоял пароход.

О'Тул, совершенно оправившийся, выскочил на берег и пошел вместе с Эджвортом к капитану судна, которое, как оказалось, шло из Порт-Джонсборо в Сент-Луис и называлось «Черный Сокол». На нем находился батальон солдат, переводимый с границы индийской территории в штат Миссури.

Командир парохода капитан Колборн, старый служака, выслушав рассказ О'Тула об острове, решил отправиться туда тотчас же на рекогносцировку. Если ирландец не ошибался в своих предположениях, что именно этот остров служил гнездом разбойничьей шайки, то следовало не терять ни минуты и действовать энергично. О'Тул заметил, что не может определить в точности местонахождения острова, но Эдж-

ворт был вполне уверен, что его судно останавливалось у номера 61.

Капитан Колборн распорядился перевести Билла на пароход, но разбойник только угрюмо молчал в ответ на все расспросы и угрозы. Не добившись от него ничего, капитан решил, что отыщет остров и без помощи негодяя. Эджворт очень хотел продолжить свой вояж, чтобы сбыть товар и доставить пассажирку на место, но Колборн требовал его присутствия, как необходимого формального предлога для нападения на остров. Все матросы тоже пожелали участвовать в экспедиции против пиратов, миссис Эверест объявила, что предпочитает вернуться в Хелену на «Черном Соколе» и ждать там нового случая отправиться на каком-либо пароходе, нежели подвергаться опасности попасть в руки пиратов на беззащитном торговом суденышке. Капитан решил окончательно вопрос тем, что закупил у Эджворта весь запас виски для миссурийского гарнизона, после чего бочки с виски и весь остальной груз были перенесены на пароход.

Прежде чем сняться с якоря, Колборн произвел смотр своим солдатам, раздал им оружие и вызвал охотников для схватки с пиратами. Пришлось кидать жребий, потому что все изъявили желание первыми пойти в дело. По принятому решению, следовало напасть прежде всего на то место, где, по предположению О'Тула, стояла флотилия разбойников, и отрезать им, таким образом, все пути к бегству.

Глава XXX

Два волка против волчицы

Том Барнвель в тюрьме предавался не особенно веселым размышлениям. Он ходил взад и вперед по тесной камере, тщетно стараясь уяснить себе все происшедшее. Гэвс был отъявленный мошенник, в этом не было никакого сомнения, но поведение судьи казалось непонятным. Неужели арест Тома был устроен с целью помешать разоблачению какого-нибудь преступления? Эта мысль поразила молодого человека. Однако его арестовал настоящий констебль, притом в присутствии самого судьи. Но кто был обвинителем Тома? Все это выглядело загадочно, хотя, конечно, могло произойти из-за простого недоразумения. Тюрьма, в которую посадили Тома, находилась на одной улице с домиком миссис Бредфорд, и молодой человек, глядя в окошечко, видел ее крыльцо, у которого сейчас стоял тот самый тип, что незадолго перед тем стучался в ее дверь. На улице было темно и Том не мог разглядеть его лица, но рост был тот же, та же осанка, словом, опять мистер Гэвс. Неужели он покинул свою больную жену и снова пришел сюда? По какому неотложному делу?

Между тем дверь домика отворилась, пришедший вошел, и улица стала совершенно безлюдной. Мало-помалу погасли огни в соседних домах, и только у миссис Бредфорд продол-

жало светиться верхнее оконце.

Через некоторое время Тому послышался крик, но тотчас же все смолкло опять. Молодой человек постоял несколько минут в раздумье и потом лег на жесткую постель и забылся тяжелым сном.

А в доме миссис Бредфорд происходила весьма оживленная сцена. Том не ошибся, заподозрив в ночном посетителе мнимого Гэвса. Старуха долго не отворяла ему, но он знал ее привычки и потому, постучав напрасно в дверь несколько раз, нагнулся к замочной скважине и сказал:

– Миссис Бредфорд, я знаю, что вы лишь прикидываетесь спящей и не слышите моего стука, сами же стоите за дверью. Поэтому я буду стучать до тех пор, пока соседи не прикажут мне перестать, а они начинают уже обращать внимание на меня.

Дверь тотчас отворилась, и Сандерс вошел.

– Что за дерзость... – начала хозяйка.

– Тише, моя красавица, тише! – перебил ее Сандерс. – Очаровательная Луиза, не бойтесь, ваше целомудрие в полной безопасности.

– Чтобы вам палач шею свернул! – крикнула она в гневе. – Что вы ломитесь к беззащитной вдове? Или по глупости хотите погубить и меня и себя?

– У меня вовсе нет такого намерения, моя прелесть! – отвечал Сандерс, стараясь обнять ее за талию, но она с негодованием отвергла его фамильярное поползновение. – Я не

желаю губить никого, но должен сказать вам, прекраснейшая из всех здешних лавочниц, что продрог, промок, изнемогаю от голода и жажды. Следовательно, прежде всего, подкрепите меня, а потом и поговорим.

– И я обязана впускать к себе на ночь всяких бродяг потому только, что им нужно скрываться? Мистер Сандерс, это ни на что не похоже! Мой покойник... Но что вы делаете? Зачем вы стараетесь отворить дверь в эту комнату?

– Затем, – отвечал он со смехом, – что там мне будет удобнее сидеть, чем в прихожей. И вы дадите мне чего-нибудь поужинать.

– Уходите! У меня не постоянный двор! – крикнула она.

– А мне нужен именно приют на ночь, – возразил он с невозмутимым спокойствием. – Видите, я говорю с вами по-приятельски, дорогая миссис Бредфорд, но если мои нежные мольбы не трогают вас...

– Убирайтесь со своими глупостями! – перебила она.

– В таком случае, – продолжал он, внезапно меняя тон, – я прибегну к другому средству.

– Вы мне угрожаете?

– Да... но я не желал бы называть имени человека, могущего отдать вашу шейку в руки палача. Неужели я должен буду упомянуть о гвозде, который может стать гвоздем в вашем собственном гробу?

Миссис Бредфорд побледнела и произнесла изменившимся голосом:

– Что за странные речи! Я вас не понимаю, но не хочу спорить более. Ночь такая холодная, притом здесь находится один человек, с которым мне не особенно приятно оставаться наедине.

– А кто этот человек, смею спросить? Вы понимаете, что в моем положении...

Миссис Бредфорд украдкой оглянулась и шепнула:

– Это Генри Коттон. Вы видите теперь, что я не могла впустить нового постояльца без всякого спроса.

«Как он сюда попал и именно сегодня? – подумал Сандерс, следуя за хозяйкой наверх. – Впрочем, может быть, оно и кстати».

Комната, в которую миссис Бредфорд ввела своего посетителя, освещалась ярко пылавшим камином, но окна ее были завешены плотными занавесями, не позволявшими приметить свет с улицы. Коттон сидел у огня, растянувшись в большом мягком кресле, перед столиком, на котором стояло вино, и походил скорее на хозяина дома, нежели на преступника, голова которого оценивалась в немалую сумму. Он не испугался при входе Сандерса, будучи уверен, что миссис Бредфорд не сведет его с каким-нибудь опасным человеком. Она отпустила даже свою служанку в ожидании Коттона, позволив ей воротиться лишь на следующее утро.

– Как поживаете, любезный друг? – спросил Сандерс, подходя ближе. – Принесла ли вам пользу прогулка бегом?

Коттон взгляделся в лицо подошедшего и воскликнул:

– Сандерс! Приятель! Вот неожиданность! Давно не виделись!

– Не особенно давно, – возразил Сандерс, пожимая ему руку. – Часов десять или двенадцать, не более.

– Как так? – спросил озадаченный Коттон.

Сандерс принялся со смехом рассказывать о том, как и ему пришлось принимать участие в погоне за беглецами, прибавив, что Уильям Кук избежал смерти от пули Коттона именно благодаря его появлению на месте схватки, о чем приходится сожалеть.

– Да, – сказал Коттон, ударяя кулаком по столу, – если бы ты не подъехал, я покончил бы с ним. Но, может быть, так и лучше. Смерть этого молодца наделала бы шума, а за мною уже и так много чего числится.

Миссис Бредфорд внесла тем временем приготовленную закуску, и приятели принялись молча все уничтожать с такой жадностью, что хозяйка испугалась за участь припасов своей кладовой. Она поспешила внести большую миску с пылавшим в ней пуншем, и тогда друзья, отодвинув тарелки, взяли за стаканы, и продолжили начатую беседу.

– Я вижу, – начал Коттон, – что мне приходится окончательно примкнуть к вам. У меня нет другого пристанища, меня травят, как собаку. Бери меня с собой, Сандерс, только дай мне отдохнуть денька два, я вконец измучен и не хотел бы явиться таким на остров. Но скажи мне, какие требуются условия для приема?

Сандерс молчал, раздумывая, сказать ли Коттону, что союз рушится и дело идет об общем спасении, а не о принятии новых членов? Но признаться в этом при миссис Бредфорд значило лишить себя возможности выудить у нее какую-нибудь сумму.

– Так ты решил примкнуть к нам? – спросил он громко. – Это прекрасно! Тебе известно, какую клятву мы приносим?

В эту минуту хозяйка вышла, унося тарелки, и он договорил шепотом, наклонившись к товарищу:

– Пусть старуха уснет. Мне надо многое тебе сообщить, но так, чтобы она не слыхала. Тише! Идет. Поговорим о посторонних вещах.

И он принялся рассказывать Коттону, как ловко засадил в тюрьму ни в чем не повинного человека, с целью помешать ему огласить кое-какие сведения.

– Что же вы решили? – спросила миссис Бредфорд возвращаясь. – Хотите перебраться на остров, Коттон? И хорошо делаете, на вашем месте я отправилась бы даже тотчас. Мой покойник говаривал: «Луиза, не откладывай дела на завтра».

– Скверно ему пришлось кончить, – перебил Сандерс, подмигивая Коттону.

– Скверно? – повторила миссис Бредфорд. – Что вы этим хотите сказать? Сплетни слушаете какие-нибудь.

– Сплетни, конечно, – сказал насмешливо Коттон, – и что толковать о них, дайте-ка мне добрую сигару, любезная хозяйка. Смерть курить хочется. Я был лишен этого удоволь-

ствия целых три недели.

– Вы хотите курить здесь, закоптить мою лучшую комнату? Ни за что!

– Только по одной сигаре, милейшая моя! За то я преподнесу вам целый ящик французских лент и цветов, – сказал Сандерс.

– Будто и в самом деле поднесете!

– Всенепременно.

– Господи, как эти мужчины умеют к нам подъехать! Но куда уж старухе рядиться.

– Какая вы старуха, добрейшая миссис Бредфорд? Да вы еще заткнете за пояс любую девицу!

– Льстец! – сказала она, потрепав его ласково по щеке. – Нечего делать, дам вам по сигаре.

Лишь только она затворила за собой дверь, Сандерс сказал поспешно:

– Тебе не найти убежища на острове, Генри! Мулат, который был с тобой, попался и выдал все. Нам надо думать только о своем спасении.

– Что же делать?

– Выманить у этой ведьмы денег. Она не подозревает еще ничего, и нам не следует говорить ей.

– Но есть ли у нее наличные?

– Она толкует всегда, что ничего не имеет, но это сказки. Слишком давно занимается она укрывательством, чтобы не скопить порядочного капитала.

– И она отдаст добровольно?

– Надеюсь. А если нет... Но тише, мне кажется, она подслушивает нас...

Старуха вошла с сигарами в руках. Сандерс предложил ей отведать пунша, она отлила себе немного в стакан, выпила и села в углу комнаты. Против своего обыкновения, она не вмешивалась в разговор и скоро задремала, по-видимому, под говор приятелей. Однако она не спала, но так искусно ввела в заблуждение обоих гостей своим всхрапыванием и положением тела, что они сочли ее уснувшей и возобновили деловой разговор.

– Не пойти ли нам тотчас в харчевню, чтобы узнать новости у Келли? – спрашивал Коттон.

– Да, но только прежде мне надо побеседовать с миссис Бредфорд, – отвечал Сандерс.

– Ты все надеешься, что она даст тебе денег?

– Надеюсь, потому что знаю одно словечко.

– Не то ли, что известно и мне? Но, стой... она смотрит.

Вы не спите, хозяйюшка?

Старуха, пойманная врасплох, не растерялась.

– Уф! – проговорила она, потягиваясь. – А я никак и впрямь задремала. А все вы, Коттон, с вашими рассказами. Слушала, да и клюнула носом. Рассказывали бы что веселенькое, так не навели бы дрему на людей. Который теперь час, джентльмены?

– Уже десять, – сказал Сандерс. – Я слышал, как прокри-

чал ночной сторож.

Миссис Бредфорд старалась казаться спокойной, но думала только о том, как бы улизнуть из комнаты, где ей грозила опасность, она была убеждена в этом. Сердце у нее билось усиленно. Она взялась уже за ручку двери, еще шаг, и она переступит порог, захлопнет дверь, задвинет засов...

Но Коттон угадал ее намерение, бросился к ней и схватил за руку.

– Помогите! – крикнула миссис Бредфорд. – Помогите!

Вдова не успела произнести ничего более. Сильный удар кулаком в голову свалил ее, и она осталась недвижимой на полу у входа в спальню.

– Коттон, – прошептал Сандерс, оглядываясь со страхом, – что ты сделал? Ведь ты убил ее!

– Ну, что же, может быть! – ответил тот. – Дело теперь в деньгах, где она прятала их?

– Я не знаю, вероятно у себя в спальне.

– Пошли! Боишься перешагнуть через труп? Или никогда не видал мертвецов?

Но дверь в спальню оказалась запертой. Коттон нагнулся к трупу убитой, говоря насмешливо:

– Одолжите ваши ключи, многоуважаемая миссис Бредфорд.

Он отвязал большую связку ключей от ее пояса, бандиты вошли в спальню, однако тщетно обшарили все комоды и столы, денег не было нище. Им попались под руку лишь де-

шевые золотые вещицы, которые они поспешили рассовать по карманам.

– Но где же, дьявол ее побери, запрятала она деньги? – с бешенством воскликнул Коттон.

– А все ты виноват! – вскинулся на него Сандерс. – Сразу кулаки в ход пустил. Я бы сумел выудить у нее приличную сумму.

– Да, дал бы ей время выбежать и крикнуть на всю улицу «грабят!» Постой... это что?

Внизу раздавался стук в дверь. Преступники вздрогнули, стук все усиливался.

– Мы пропали! – прошептал Сандерс.

– Надо бежать, – ответил Коттон. – Ты выходы знаешь?

– Нет... да еще собаки нападут, если выскочим во двор.

– Эй! – раздавался голос внизу. – Миссис Бредфорд, что там у вас?

Коттон замер от страха, но Сандерс схватил один из цепов старухи, выпавший из комода, надел его и высунулся из окна.

– Что ты делаешь? – говорил ему Коттон в испуге, но Сандерс, не отвечая ему, крикнул вниз, выставив только голову из-за занавесок и подражая голосу старухи:

– Кто там? Что вы не даете покоя бедной одинокой женщине? Какой нахал позволяет себе стучать?

– Это я, миссис Бредфорд, ночной сторож. Мне послышался крик у вас в доме, и был виден свет.

– Крик у меня? Свет? Вы, верно, загуляли, и вам чудится. Убирайтесь!

С этими словами Сандерс захлопнул окно, сторож пошел прочь от дома, посмеиваясь и ворча:

– Я загулял! Сама, должно быть,хватила сегодня вечером более обыкновенного и не помнит, как крикнула, невесть отчего.

Он прошел до перекрестка и стукнул здесь о тротуар своей палкой с железным наконечником. Такой же стук повторился по всем городским кварталам, сторожа давали таким образом знак, что бодрствуют и могут подать помощь друг другу в случае надобности.

Шаги сторожа замолкли в отдалении, Сандерс сбросил чепец и обратился к товарищу.

– Что же, поищем еще, – сказал он. – Мы теперь в безопасности, сторож уже не заглянет на эту улицу до утра.

Он взял лампу и принялся снова шарить по всем уголкам, но и на сей раз поиски оказались напрасными. Между тем начинало светать, и разбойники, проклиная старуху, поняли, что им пора уносить ноги, хотя и ни с чем. Они выбрались осторожно из дома и направились к харчевне «Старый Медведь».

Глава XXXI

Двойник

Утренний ветер разогнал туман, и солнце поднялось над городом во всем своем блеске.

Адель стояла у окна в гостиной миссис Дейтон и смотрела на небо.

– Люси, – сказала она, – солнце рассеяло мрак и как бы радуется своей победе. Я испытываю нечто подобное, когда освобождаюсь от городской суеты и могу насладиться на воле красотами природы. Да что с тобой, Люси? Ты плачешь? Со вчерашнего вечера ты так грустна. Или тебя тревожит состояние Марии?

– Я сама не знаю, что со мной, – отвечала миссис Дейтон, – но с самого нашего возвращения с фермы меня что-то томит. Я готова плакать без всякой причины.

– Тебя очень расстроило несчастье Марии, вот и все. Успокойся, моя милая.

– Нет, Адель, не одно это. Мне становится ненавистным сам этот город. Муж никогда не бывает дома. Он так переменялся.

– Пожалуй, он бывал прежде такой веселый, шутил, а теперь стал угрюмый, задумчивый, вздрагивает при всяком движении на улице. Но он ночевал дома сегодня?

– Да, он вернулся около двух часов ночи и очень измученный. Эти вечные разъезды, в любое время, среди сырости, по болотам, окончательно расстроят его здоровье. И теперь надо пойти его разбудить, он хотел встать в восемь часов, чтобы опять ехать куда-то.

– Что это за новый негр у вас внизу? – спросила Адель. – Совершенный дикарь какой-то!

– Муж сказал мне мимоходом только, что купил его дешево у каких-то проезжих эмигрантов, – ответила Люси. Негр заболел дорогой, и Джордж хочет отправить его для поправки на свою плантацию. Как чувствует себя Мария?

– Ей лучше, по-видимому. Она спит совершенно спокойно. А где пропадает мистер Гэвс? Миссис Лейвли сказала нашему мулату, что он уехал с фермы еще вчера после полудня. Но кто это? Не он ли? Нет, это мистер Кук.

Молодой человек, которого Адель увидела из окна, соскочил с седла и бросился в дом, даже не привязав к крыльцу свою взмыленную лошадь. Он вбежал на лестницу, спрашивая у прислуги, дома ли мистер Дейтон.

Люси отворила дверь гостиной, приглашая его войти; он повиновался, но казался очень взволнованным.

– Простите меня, – сказал он, – но я должен переговорить тотчас же с господином судьей. Могу я видеть его?

– Он спит еще и не совсем здоров, – ответила миссис Дейтон, – но я разбужу его.

– Прошу вас. Мне не хотелось бы его беспокоить, но дело

такое важное и спешное. Оно касается тысяч людей. И мистер Гэвс сообщил уже, вероятно, господину судье все, что нужно?

– Мистер Гэвс? Да он не был здесь! – удивилась миссис Дейтон.

– Не был? Это очень странно... – проговорил Уильям, задумываясь. – Он не был... но, в таком случае, мне еще необходимо видеть мистера Дейтона.

– Я вызову его тотчас, – сказала Люси. – Посидите пока с мисс Адель.

Но Уильям не сел, а принялся ходить по комнате, скрепив руки на груди и не говоря ни слова.

– Вы не находите поведение мистера Гэвса очень загадочным? – спросила Адель, прерывая молчание.

Он остановился, глядя ей прямо в лицо.

– Да, мисс Адель, оно не столько загадочно, сколько подозрительно... и мне давно так кажется.

– А поправляется ли мулат? Хорошо ли лечил его мистер Гэвс?

– Мистер Гэвс? Да разве он врач?

– Он сказал нам, что способен оказывать врачебную помощь, и что останется на ферме именно ради того, чтобы наблюдать за лечением мулата.

– Вот как! Да он, напротив того, уморил бы его с величайшей радостью. Он и готов был это сделать, если бы мы не помешали ему...

Дверь отворилась, и вошел Дейтон. Он был очень бледен, глаза его запали, волосы в беспорядке ниспадали на белый как мрамор лоб, но он приветливо поклонился посетителю и протянул ему руку, говоря:

– Добро пожаловать в наш город и ко мне в дом. Вы хотите сообщить мне что-то важное, по-видимому, если пожаловали так рано.

– Мистер Дейтон! – проговорил Кук, глядя на него с изумлением. – Но я имел уже честь вас видеть. Только, как же это... Вы не мистер Уартон из Фурш-Лафава? Не присутствовали вы на собрании регуляторов две недели назад?

– Я? В Фурш-Лафаве? – возразил Дейтон, смеясь. – Между мной, лицом административным, и трибуналом регуляторов не может быть абсолютно ничего общего. Что это вам взбрело в голову?

– Но вы как две капли похожи на того человека, который был с нами в Фурш-Лафаве и назывался Уартоном, – сказал Уильям, не сводя глаз с лица Дейтона. – Нельзя и представить себе подобного сходства...

– Уартон, говорите вы? – проговорил Дейтон задумчиво. – Позвольте... Уартон. Мне что-то уже говорили по этому поводу. Да, находят сходство. Бывает.

– Но это уже что-то совсем удивительное, – продолжал Кук. – Лицо того Уартона слишком врезалось мне в память, чтобы я мог ошибиться.

– Мистер Кук, – сказал Дейтон, улыбаясь, – имею честь

представить вам миссис Дейтон. Надеюсь, что вы поможете, по крайней мере, на ее свидетельство. Она скажет вам, что я не Уартон, а Джордж Дейтон, мировой судья.

Кук поклонился Люси в смущении, но не мог удержаться, чтобы не сказать с прежним недоверием:

– И даже этот небольшой шрам на лбу... слишком странно!

– Но чему же обязан я вашим посещением? – вежливо спросил Дейтон.

– Я хотел бы поговорить с вами наедине, – ответил молодой человек. – Дело очень важное.

Дамы вышли, и Кук стался наедине с хозяином.

Глава XXXII

Расследование

– Мистер Дейтон, – начал Уильям, – знайте, что Гэвс уехал вчера с нашей фермы со специальным, очень важным поручением к вам. Меж тем, как мне сообщили сейчас, он вовсе и не появлялся в Хелене.

– Вы ошибаетесь, – перебил Дейтон. – Гэвс был здесь, и если вы прибыли сюда по тому же поводу, то ваше волнение мне понятно.

– Был здесь? Но как же миссис Дейтон, она...

– Я встретил его на улице и тотчас же отправил в Синквилл по неотложному делу. Он сказал мне, что вы намереваетесь поднять весь округ для нанесения решительного удара. Ведь так?

– Да, и я думаю, что мой тесть и Джеймс уже успели собрать некоторые силы.

– Прекрасно, но я полагаю, что следует отложить операцию до получения вестей из Синквилла. Мистер Гэвс совершенно прав, настаивая на необходимости держать дело в тайне, чтобы не вызвать подозрений пиратов. Именно ввиду этого фермерам не следует показываться в Хелене прежде, чем все будет организовано.

– Нам требуется, однако, держать наготове свои силы, –

сказал Уильям, – и мы сосредоточили их неподалеку от города. Я прибыл пока сюда один, только с Джеймсом, мы примем некоторые меры и здесь. Именно Гэвс должен был сообщить вам о бегстве Коттона из тюрьмы.

Дейтон утвердительно кивнул.

– Теперь слушайте. Меня с Джеймсом не пустили сегодня на рассвете в харчевню «Серый Медведь», когда мы хотели выпить кофе.

– И это кажется вам подозрительным?

– Да, потому что мы слышали там громкий разговор, вернее, ожесточенный спор, а при нашем появлении все стихло. Далее, с берега подавали сигналы ракетами. Мы притаились, чтобы видеть, что будет дальше. Из харчевни ответили на сигнал, и тотчас же с той стороны отделилась лодка.

– И она причалила к харчевне?

– Так точно.

Дейтон задумался, потом спросил:

– А много ли было пущено ракет? И какого цвета?

– Сколько и какого цвета? – повторил молодой фермер с удивлением. – Я не обратил внимания. Или вам известны эти сигналы?

– Лично мне нет, но я хочу этим сказать, что судовщики переговариваются часто таким способом между собой с одного берега на другой. Наконец, кто-нибудь мог пускать ракеты просто ради забавы.

– Хорошо, но отчего они потушили в харчевне огни при

нашем приходе? Почему не впустили нас?

– Может быть, простая случайность?

Дверь в комнату отворилась, и вошла Адель, чтобы взять свою шляпу.

– Извините, если я помешала вашему разговору, – сказала она, – но мне надо ехать к миссис Сمارт.

Она взяла шляпу и хотела уйти, но нарочно замешкалась у рабочего столика, услышав, как Кук говорил:

– Джеймс Лейвли решил присматривать за этой харчевней и дожидается теперь в рощице, неподалеку от нее.

– Прощайте, господа, – сказала девушка, уходя.

– По моему мнению, – продолжал Уильям, не обратив внимания на ее появление и уход, – нам следует тотчас же произвести обыск в этом притоне.

– Любезный мистер Кук, – произнес судья серьезно, – я не могу вторгаться в жилище свободного гражданина на основании одних только подозрений. Если бы были доказательства.

– О, если бы у нас были прямые доказательства, то мы распорядились бы сами! – презрительно ответил молодой человек. – Но именно потому, что мы имеем только подозрения, мы и прибегаем к помощи властей.

– Послушайте, мистер Кук, мы не в Фурш Лафаве, не в таких местах, где господствует суд Линча. Вы принадлежите, по-видимому, к «Союзу регуляторов»?

– Вы не ошибаетесь, – резко ответил Кук.

– Прекрасно, но позвольте вам заметить, что мы здесь в цивилизованном городе, и я, хотя и вполне сочувствуя вам в деле правосудия, все же обязан воспрепятствовать всякому проявлению насилия с вашей стороны.

– Так мы не можем на вас рассчитывать?

– никоим образом, – ответил Дейтон со смехом. – Напротив того, я не допущу ничего противозаконного. Я сам считаю харчевню «Старый Медведь» воровским притоном, но может оказаться, что это просто игорный дом, и я его закрою, отняв у хозяина патент на торговлю, лишь только добуду явные улики.

– Мы знаем, чему они служат, – перебил Кук раздражительно. – Подобное поведение правосудия и заставляет нас обращаться к суду Линча. Вы принуждаете нас прибегнуть к нему и теперь.

Шум, раздавшийся на улице, прервал его речь. Слышались крики: «Убили... Бредфорд... грабеж!»

– Что случилось? – проговорил Уильям. – Кого-то убили. Надо узнать.

Он схватил шляпу и выбежал вон, едва не сбив с ног полицейского, входившего к Дейтону. В толпе, запрудившей улицу, находилось несколько знакомых ему лиц, и он спросил:

– Ну, что, ребята? Вы пришли расправиться со злодеями, я вижу. Изловили преступников, Милз?

– Нет еще, Кук, – ответил ему высокий уроженец Виргинии, – мы решили прийти сначала к судье. Необходимо про-

известии обыски в городе.

Толпа продолжала волноваться. Слышались возгласы: «Убили бедную! Такая добрая была!.. Ну какая там добрая! Преехидная!.. Да что же это судья не выходит?»

– Джентльмены! – раздался голос Дейтона, появившегося на крыльце в сопровождении констебля. – Я узнал сейчас, что в городе совершено зверское убийство, и немедленно приму должные меры.

– Они уже приняты! – без церемоний перебил его виргинец. – Мы оцепили город, так что ни одно судно не может выйти отсюда.

Дейтон не слушал его, он стоял бледный, не сводя глаз с реки, однако неожиданно, увидев большую плоскодонную барку, подходившую к берегу, весь преобразился. Глаза его оживились и он слегка усмехнулся, как бы приветствуя зеленый с красным флаг, развевавшийся на корме судна.

– Присяжные оповещены? – спросил он у констебля.

– Все уже собрались, ваша милость.

– Так идемте, джентльмены, – произнес Дейтон, направляясь к дому убитой.

Толпа двинулась за ним. В это время кто-то тронул виргинца за рукав. Он повернул голову и увидел перед собой какого-то мальчика в фермерской одежде, явно сшитой не по росту. Блуза сидела на нем мешковато, рукава были слишком длинны, так что закрывали кисти рук, старая большая шляпа съезжала то и дело на глаза.

– Сэр, – сказал он виргинцу, – этот джентльмен в белой шляпе, который идет впереди всех, здешний мировой судья?

– Верно, мой милый.

– А как его зовут?

– Дейтон... А тот, что рядом с ним, – здешний констебль.

– И он, судья Дейтон, живет всегда здесь?

– Разумеется, где же больше? Но мы отстали от остальных.

Пошли.

– Не можете ли вы рассказать мне...

– О, теперь мне не до рассказов, извини, дружок. Если тебе нужно знать более подробно о мистере Дейтоне, то обратись к его жене. Вон она смотрит из окна.

Мальчик бросился по указанному направлению и остановился перед окном, в котором виднелась голова Люси. Он простоял с минуту, очевидно, колеблясь, потом как бы решился на отчаянный шаг и бросился в дом, захлопнув за собой входную дверь.

Между тем в доме убитой собрался народ, но в той комнате, где лежало тело, находились одни присяжные. Когда прибыл судья, констебль прочел протокол, скрепленный свидетельскими показаниями. Из него было видно, что два сторожа слышали ночью крик, но успокоились, когда один из них, подойдя, окликнул миссис Бредфорд, и она сама выглянула из окна. Ближе к рассвету уже, они увидели каких-то двух людей, спешивших из города, но не сумели их догнать. Убийство было открыто служанкой, которая, возвратившись, на-

шла дом открытым, а свою хозяйку мертвой на постели, и поспешила созвать соседей.

При обыске помещений дома на одном столе у лампы были найдены остатки пунша, небольшой бумажник, простой охотничий нож, почти совершенно новый, и два окурка сигар. Было известно, что сама старуха не курила, следовательно, в доме находились, по всей вероятности, двое мужчин. Один из сторожей говорил, что, действительно, к миссис Бредфорд приходили накануне двое, но не вместе, и она сама их впустила к себе.

Среди толпившихся в комнате находился один немец, торговавший разными мелочами. Он взглянул на нож, переходивший из рук в руки, осмотрел его со всех сторон и сказал:

– Я знаю, чей это нож.

Все глаза обратились на него, а констебль хлопнул его по плечу, говоря:

– Вы знаете владельца ножа, Бамбергер? Так заявите скорее, хотя старуха была убита не ножом, но он послужит уликой против убийц.

– Этот самый нож был продан мной в прошлый четверг за один доллар молодому фермеру Джеймсу Лейвли.

– Лейвли! – проговорил констебль с изумлением. – О, Лейвли не может быть убийцей.

– Джеймс Лейвли? – подхватил с живостью Дейтон. – Как странно... Где мистер Кук? Он сам говорил мне, что пришел сюда с этим Лейвли перед рассветом... Этот нож... Дело

принимает неожиданную окраску.

– Необходимо допросить обоих, Лейвли и Кука, – сказал один из присяжных. – Где они?

– Я здесь, – сказал Кук, который был все время на улице и узнал от прибежавшего к нему приятеля о возникновении против него подозрений. – Я здесь, и Джеймс Лейвли тоже недалеко. Кто осмеливается возводить обвинение против нас?

– Тише! – строго остановил его судья. – На подозрение не отвечают громкими фразами. Взгляните лучше на этот нож.

– Ах, проклятье! – воскликнул Кук. – Этот злодей замешался и здесь? Он украл его у нас. Но это уж ему не пройдет. Попадет он нам в руки.

– Вы признаете нож? – нетерпеливо спросил Дейтон.

– Третьего дня, – сказал Уильям, – этот разбойник Коттон украл у нас разные охотничьи принадлежности. Нож в том числе. Но его надо поймать, он здесь, в городе. Идемте, ребята!

Он повернулся к двери, но, по знаку судьи, констебль загородил ему дорогу.

– Когда вы прибыли в Хелену? – спросил Дейтон.

– Я? Для чего вам это нужно знать?

– Отвечайте без рассуждений.

– Хорошо. Сегодня утром.

– В котором часу?

– У меня нет часов, но могу сказать, что это было перед

рассветом. Довольны?

– Как зовут молодого человека, который прибыл с вами и которому принадлежит этот нож?

– Мистер Дейтон, я уже говорил вам.

– Отвечайте на вопрос: где Джеймс Лейвли находится в настоящее время?

– Да, всякий вопрос требует ответа, – произнес резким голосом какой-то вновь показавшийся человек, входя в сопровождении еще нескольких лиц. Увидев его, Дейтон сказал с довольным видом:

– А! Судья Порель из Синквилла! Вы кстати: поможете нам словом и делом.

– Говорят, здесь совершено убийство? – спросил Порель, между тем как Кук направился опять к выходу, говоря:

– Нечего терять времени на всякие пустые формальности! Друзья, за мной!

– Стойте! – произнес констебль, кладя ему руку на плечо. – Именем закона, я арестовываю вас!

– К черту ваши законы! – крикнул Кук, отбиваясь от него. – Граждане Виргинии и Хелены! Помогите! Протестую против подобного произвола!

Но вновь пришедшие закричали в свою очередь:

– Кто стоит за порядок, помогайте полиции!

– Вы называете это порядком? – кричал Уильям, борясь с удерживавшими его. – Берегитесь вы, Уартон или Дейтон, или как вы там еще называетесь! Виргинцы, выручайте!

Началась жестокая свалка, которая кончилась, однако, в пользу партии Дейтона, который хладнокровно отдал приказ отвести Кука в тюрьму.

– Виргинцы! – крикнул Уильям, находясь уже на пороге. – Окажите мне последнюю услугу...

– Молчать! – перебил его констебль.

Но Кук успел прокричать, пока его уводили:

– Предупредите Джеймса Лейвли! Сделай это ты, Милз!

– Ладно, – ответил высокий виргинец, – но где его найти?

– Он... – начал Уильям, но его увлекли силой, и товарищ не успел расслышать конца фразы.

– Что же мне делать? – подумал Милз. – Предупредить Джеймса, но как? Лучше всего будет обратиться для этого на ферму. Эй, Боб! – окликнул он, завидя на улице знакомого человека. – Где я могу найти лошадь?

– У Смарта, – ответил Боб, не останавливаясь для разговора.

– Что ж, пойду в гостиницу! – произнес Милз, глядя вслед торопившемуся куда-то приятелю.

Глава XXXIII

Муж и жена

Толпа рассеялась после того, как Уильям Кук был отведен в тюрьму, и перед домом остались только Дейтон, Порель и несколько преданных им людей.

– Надо решаться, минуты дороги, – произнес Порель вполголоса, тронув за руку Дейтона, стоявшего в раздумье.

– Вы уже знаете все? – сказал тот с удивлением.

– Знаю. Сандерс успел рассказать. Но что же вы решаете? Мы можем тотчас отплыть отсюда на нашей большой лодке.

– И нас догонят на каком-нибудь пароходе. Нет, у меня другой план. Коттон очень навредил нам этим новым убийством, его ищут повсюду, а фермеры и так настроены враждебно против нас. Вся округа поднялась на ноги, и борьба наша с противниками была бы слишком неравной. Вот что я придумал, мы соединимся с ними.

Порель посмотрел на него с недоумением.

– Да, это самое надежное средство, – продолжал Дейтон, – мы отправимся с ними к номеру 61 на пароходе «Соединенные Штаты», который должен прийти сюда через час или два, следуя из Мемфиса к Наполеонвиллю. Так как дело касается общественной пользы, то капитан должен будет принять нас на борт, в случае отказа я могу даже принудить его,

пользуясь положением судьи, наконец, и сами фермеры заставят его повиноваться.

Порель слушал его все еще недоверчиво, но Дейтон продолжал с воодушевлением:

– Мы высадимся на острове, я разделю отряд на две части. Фермеры бросятся на нашу крепость, встретят отпор гарнизона, а мы, по данному сигналу, ударим в них с тыла. Они очутятся, таким образом, между двух огней. Незнакомые с местностью, не понимая, где друзья, где враги, они погибнут все, до последнего. Мы перенесем тогда наши богатства на пароход, которым завладеем окончательно, и в ту же ночь, на всех парах, пока здесь будут ждать возвращения парохода, спустимся по Миссисипи в Мексиканский залив.

– План превосходен, но зачем арестованы тогда Уильям Кук и еще тот, Том Барнвель?

– Они были опаснее других и могли бы помешать исполнению моего замысла. Необходимо также засадить молодого Лейвли. Отправьтесь к той рощице, которая у харчевни, он прячется в ней, наблюдая за тем, что происходит у наших. Я надеюсь на вас, Порель, предлог для ареста есть, в квартире убитой нашли его нож.

– Прекрасно! – сказал Порель, потирая руки. – И я рад, что дело разыгрывается начистоту. Надоела эта вечная комедия и постоянная боязнь проговориться. Прощайте! Побойтесь же, чтобы все наши оказались на берегу к прибытию парохода.

Расставшись с Порелем, Дейтон пошел к своему дому. Мальчик в фермерской одежде, пристававший с вопросами к Милзу, выскочил в эту самую минуту из подъезда и пустился бежать.

– Кто это? – спросил Дейтон у служанки. – Зачем он сюда приходил?

– Не знаю, ваша милость, – отвечала мулатка. – Он вбежал сюда, взглянул на нашу госпожу и опять бросился вон, сел на последней ступеньке и зарыдал. Мне стало его жаль и я послала к нему того негра, которого вы привели вчера, но бедняжка не захотел и смотреть на него, закрыв лицо руками, точно стыдясь, что плачет, он поторопился уйти, как только Боливар отошел от него.

Дейтон не обратил особенного внимания на этот рассказ и вошел в комнату жены. Люси там не было, но один вид этих стен, этой обстановки, где все говорило о присутствии нежной, доброй, любящей женщины, подействовал на него тяжело. Она, это чистое создание, способное сделать счастливым всякого человека, любила его, преступника, обagrившего свои руки кровью. Он сознавал в эту минуту всю глубину своего падения, жизнь ему была не дорога, он готов был идти навстречу смерти, но покинуть ее, беззаветно преданную ему подругу, было свыше его сил.

– О, Люси... Люси... – произнес он, закрывая руками искаженное мукой лицо. Но за дверью раздались легкие шаги, и он преодолел свое волнение.

– Джордж! – воскликнула молодая женщина, входя. – Ты уже вернулся! Как я рада! Если бы ты знал, как мне было тяжело после твоего отъезда.

– Глупенькая! Ты создаешь себе напрасные тревоги, – ласково перебил он ее.

– Я сама хотела бы быть потверже, – сказала она печально, – да не умею, что делать... Но как ты бледен! Что с тобой? Посмотри на себя.

Она хотела подвести его к зеркалу, но кто-то так быстро пронесся на лошади мимо их дома, что оба они невольно посмотрели в окно.

– Адель! – воскликнули они разом.

– И на какой-то бешеной лошади! – прибавила миссис Дейтон. – Что за сумасбродная девушка. Но ты бледнеешь еще более, Джордж, скажи, что с тобой?

– Ничего особенного, моя милая, но, признаюсь, меня расстраивают все эти дела. Мне становится не под силу такая жизнь.

– Джордж, – сказала Люси, нежно обнимая его, – сколько раз я просила тебя бросить твои занятия! Они почетны, доставляют тебе общую любовь и уважение, но губят твое здоровье. О, если бы ты захотел бросить все и довольствоваться любовью преданной тебе жены.

Лицо Дейтона как бы преобразилось при этих словах, скорбное выражение исчезло, в глазах засветилось что-то отрадное... Ему, закоренелому преступнику, представилась

картина тихой, идиллической жизни. Там, где-то в лучезарной дали, островок, омываемый волнами океана, осененный пальмами, благоухающий всеми дарами Флоры, кругом морская ширь, отдаляющая все прошлое от настоящего, новый горизонт, на котором не видно ничего, напоминающего о былом.

– Люси, – произнес он, страстно обнимая ее, – ты любишь меня, а я тебя недостойн. Но ты, чистый ангел, можешь возродить меня. Не расспрашивай меня ни о чем, говори только: согласна ли ты бежать тотчас со мной? Слышишь пароходный гудок? Это «Ван-Борен», который отправляется вверх по Миссисипи. Мы еще успеем уехать на нем, но через час будет уже поздно. Говори, Люси, хочешь ты меня спасти? Спасти от меня самого...

– Я не понимаю тебя, Джордж, – произнесла она с трепетом. – Но, если нужно, я готова.

– Да, Люси, мое счастье, твое, все наше будущее зависит от нашего отъезда.

– Но бросить так Адель... наших друзей...

– Адель получает наследство. Сверх того, она может пользоваться нашим домом и всем, что в нем есть. Я довольно богат и без этого.

– Джордж, это все пугает меня... Объясни мне, что происходит?

– После, – сказал он, отворачивая от нее свое лицо. – Не спрашивай, знай только, что я должен бежать, мне грозит

смертельная опасность. Последуешь ли ты за мной?

– Всюду, мой Джордж! Я твоя, ты должен знать это.

Он обнял ее, потом открыл свой письменный стол и вынул из него несколько бумаг и пакетов, которые бросил в огонь.

– Вот, – сказал он жене, передавая ей портфель, – то, что принадлежит мне законно. Ты можешь взять это без всякого опасения. Собери, что нужно тебе в дорогу, Боливар отнесет вещи на пароход. Я приду за тобою, прощай ненадолго! До свидания!

Глава XXXIV

Адель и Джеймс

Адель подошла к гостинице Смарта в то время, когда он сам стоял на крыльце, провожая Милза, готовившегося сесть на вороную лошадь, подведенную ему Сципионом.

– Мисс Адель! Добро пожаловать! – сказал Смарт. – Вы к моей жене? Она совершенно свободна, потому что сегодня весь народ на другом конце города, благодаря миссис Бредфорд, которая отбивает у меня посетителей.

– Ионафан! – воскликнула миссис Смарт. – Можно ли говорить подобным образом о таких ужасных вещах? Я не терпела эту старуху, но искренне жалею ее. Ужасно погибнуть во время сна от рук каких-то неизвестных бандитов!

– Должно быть, все-таки известных ей, – заметил Милз, – судя по тому, что они там угощались. Но мне пора, не то опоздаю. Скажите, Смарт, где самая короткая дорога на ферму Лейвли?

– Поезжайте той, которая идет в северо-восточном направлении, – отвечал Смарт.

– А зачем вам туда? – спросила Адель, вспоминая слышанный ею отрывок из разговора Дейтона с Куком. – Вы не застанете никого на ферме, я полагаю.

– Как же быть? Вот досада! – сказал Милз. – Я проезжу

понапрасну, между тем я должен видеть Джеймса, ему грозит беда.

– Беда? – повторили разом Смарт и Адель.

– Уильям Кук в тюрьме... – начал Милз.

– Кук в тюрьме? Быть не может! – воскликнул Смарт, вынимая даже руки из карманов, в знак своего изумления. – Уильям Кук... – что вы говорите?

– И Джеймса ожидает то же, потому что в доме убитой нашли его нож, – продолжал Милз.

– Но разве подозрение может пасть на него? – воскликнула Адель. – И судья Дейтон знает, что они оба прибыли в город только сегодня, и даже знает зачем.

– Дейтон? Странно, потому что он-то и настаивает на поимке Джеймса. Если бы мне знать, где он сейчас.

– Я могу сказать вам, – живо перебила Адель. – Он в рощице у харчевни. Это в одной миле отсюда, за городом, на берегу реки.

– Благодарю вас, мисс! – ответил Милз, стараясь сесть на лошадь, но никак не попадая ногой в стремя. Сципион хохотал во все горло, глядя на эту сцену. Адель выходила из терпения и спросила наконец:

– Вы не умеете ездить верхом? – удивилась Адель.

– По правде сказать, мисс, я лучше управляюсь с лодкой, нежели с лошастью. Чего она вертит головой, поглядывая на меня? Ну, вот и сел.

Едва он успел выговорить эти слова, как конь вскинул за-

дом и всадник очутился на земле.

– Отлично! – воскликнул Смарт.

– Сципион! Подавай скорее седло хозяйки! – приказала Адель.

– Но я никуда не собираюсь, милая мисс! – с удивлением заметила миссис Смарт.

– Знаю, дорогая моя, но вы позволите мне воспользоваться вашей лошастью? – спросила девушка.

Сципион быстро заменил одно седло другим, и Адель очутилась на лошади прежде, нежели озадаченная миссис Смарт нашлась что сказать. Мистер Смарт вложил в стремя хорошенькую ножку наездницы. Сципион подал ей хлыст, и прежде, нежели Милз успел отряхнуться, она скрылась с глаз свидетелей сцены.

Джеймс Лейвли лежал в засаде у харчевни, притаившись среди густой кипарисовой чащи. С этого места он мог наблюдать за рекой и скоро увидел сквозь туман большую лодку, из которой вышли восемь человек. Некоторые из них были в матросских, другие в обыкновенных городских костюмах.

– Ну, Торсби, – сказал один из них содержателю харчевни, выбежавшему им навстречу, – как дела? Где Келли? Что слышно от Уатерфорда?

– Ничего не знаю, но скоро все объяснится. В городе у нас уже бурно. Порель с вами?

– Нет, он поехал другой дорогой. А что на острове? Все ли там благополучно? Да что нам угрожает?

– Войдем в дом, там расскажу.

Все скрылись. Джеймс подполз снова ближе к харчевне, но, хотя до него явственно донесся гул голосов, не мог разобрать ни слова. Он лежал, притаившись, в ожидании Кука, который должен был попросить у судьи людей в достаточном числе для того, чтобы окружить воровской притон.

Вот еще какие-то два незнакомца быстро подошли к харчевне, один из них стукнул в дверь четыре раза и ответил, очевидно, на заданный ему изнутри вопрос:

– Это я, Сандерс... Отворяйте скорее.

Джеймс сразу узнал голос: он принадлежал Гэвсу. Что это могло значить? Какие отношения существовали между ним и этими злодеями?

Было слишком темно для того, чтобы рассмотреть, кто еще был с Сандерсом, притом дверь отворилась и оба посетителя скрылись в ней, а вслед за ними стали появляться еще какие-то новые лица; они входили на минуту в харчевню, перекидывались несколькими словами с хозяином и потом следовали далее. Время шло, и Джеймс подумывал уже, не лучше ли ему самому отправиться к Уильяму, нежели ждать его здесь. Но подошли еще четверо людей, из которых один вел на поводу лошадь, оставленную Джеймсом в стороне среди самого густого леса.

«Вот дьявольщина! – с досадой подумал молодой фермер. – Они нашли моего коня. Что теперь делать?»

Но в ту же минуту раздался топот лошади, незнакомцы

бросились в чашу, а Джеймс, к своему неопишному удивлению, увидел мчавшуюся во весь опор мисс Адель. Но он изумился еще более, когда она, остановив своего взмыленного коня неподалеку от того места, где находился молодой человек, проговорила громко и с явным волнением:

– Мистер Лейвли... мистер Лейвли! Вы здесь?

Джеймс соскочил бы при таком призыве и с самого высокого утеса. Он бросился к молодой девушке, схватил ее лошадь под уздцы. «Мисс Адель», – начал он, – но она перебила его голосом, дрожавшим от тревоги:

– Садитесь на мою лошадь и спасайтесь бегством!

– Мисс Адель... вы здесь? Каким образом?

– Если жалеете меня немного, не теряйте ни секунды. Мистер Кук в тюрьме, вас тоже ищут. Скорее!

Она оглянулась и увидела, что люди, разбежавшиеся при ее появлении, снова направились сюда. Джеймс тоже заметил их и понял, что спешат они не с дружелюбными намерениями.

Адель стаскивала между тем дамское седло с лошади. Джеймс, помогая ей, говорил:

– Мисс Адель, но я не могу оставить вас здесь одну.

– Обо мне не беспокойтесь... Скорее! Они уже близко.

– Но, Адель...

– Бели вы меня любите, Джеймс! Умоляю вас!

Эти слова заставили бы молодого человека броситься хоть в огонь. Он вскочил на лошадь и взялся за повод.

– Стойте! – крикнул подбежавший Порель. – Куда вы? Мы не враги. Мистер Дейтон послал меня к вам...

– Не верьте! Спасайтесь! – крикнула Адель, готовая лишиться чувств. Джеймс понял опасность, пришпорил лошадь и скрылся из вида.

– Мисс, – сказал Порель, – я не понимаю, зачем вы заставили мистера Лейвли уехать? Ему не грозила никакая опасность.

– Вы лжете! – возразила Адель. – Вы хотели засадить его в тюрьму.

– Если так, – ответил он с язвительной усмешкой, то бегство не служит еще доказательством невинности. Вы оказали, может быть, плохую услугу тому, кому хотели помочь. Но это ваше дело... Джон! Вскинь-ка дамское седло на ту лошадь, которую мы нашли. Мисс пожелает, конечно, вернуться в город одна, а не в нашем обществе.

Человек, подозванный Порелем, оседлал лошадь и подвел ее к Адели. Она села на нее и хотела сначала извиниться перед Порелем за свою дерзость, но раздумала и помчалась, не оглядываясь, к Хелене. Он погрозил ей вслед и пошел поспешно на пристань.

Глава XXXV

Окончательное решение

Люди, собравшиеся в «Старом Медведе», видели все происходившее, но не понимали, в чем дело, один только Сандерс, узнавший наездницу, догадался, что ее появление увеличило опасность, уже нависшую над шайкой. Вошедший Порель еще более усилил его тревогу, рассказав о происходившем в городе.

– Что же задумал Келли? – спросил с раздражением Сандерс. – Если его план не удастся, мы все погибли, а ему хорошо, он держится в стороне. Почему он не с нами?

Не бойтесь, он знает, что делает, – сказал Порель. – Его план – стать для вида на сторону регуляторов, – по-моему, превосходит. Но если каким-нибудь образом они не допустят этого, мы схватимся с ними здесь.

– Мое положение незавидно, – возразил Сандерс. – Если бы Кука не засадили в тюрьму, мне бы несдобровать! Но с кем это вы там говорили, на опушке рощи, Порель? Этот человек ускакал на вороной лошади.

– Вы не узнали его? Это был Джеймс Лейвли, который спрятался здесь, высматривая, что происходит у вас в харчевне.

– Он! – воскликнул Сандерс в испуге. – Тогда мы пропа-

ли! Хорошо таким официальным лицам, как вы, Порель, вы всегда выпутаетесь из беды, а мы расплатимся за вас веревкой вокруг шеи! Господи, зачем я только спутался с этим Келли!

– Ну, не тревожьтесь до такой степени, Сандерс! Все кончится благополучнее, чем вы предполагаете. Теперь же всем нам надо уходить отсюда, небольшими партиями, к пристани. Часть людей пусть подьедет на лодке, другие пойдут пешком.

В то время как разыгрывалась эта сцена, мистер Смарт, узнав от Милза все подробности об аресте Кука, пошел к Дейтону, но не мог найти его, а констебль не решился выпустить арестанта без разрешения судьи даже на поруки. Смарт понимал, что констебль поступил правильно, но Милз относился к делу иначе, он находил, что уважение к законности не ведет ни к чему там, где власть имеющие сами без зазрения совести попирают закон.

Однако выломать двери тюрьмы своим кулаком он не мог и должен был ограничиться одними ругательствами, идя со Смартom назад. Вдруг оба они услышали окрик:

– Эй, приятели!

Смарту показалось сначала, что это голос Уильяма, но, подняв голову, он увидел в тюремном окне того самого Тома Барнвеля, который должен был давно уже плыть по реке Миссисипи!

– Это как же, друг? – крикнул он ему. – Или судья только

тем и занимается, что сажает за решетку честных людей?

– На меня возвели ложное обвинение, – сказал Том, – но обвинитель мой исчез после того. По-видимому, меня здесь забыли. И такие дела творятся в свободной стране!

– Джентльмены, – заговорил какой-то человек, подходя, – не дозволено разговаривать с арестантами.

– Вам то что за дело до этого? – возразил ему Смарт. – Вы не полицейский.

– Все равно, мне поручено наблюдать.

– А я не желаю слушаться всякого встречного, – ответил ему Смарт флегматично, между тем как Милз уже засучил рукава своей блузы, готовясь подкрепить слова делом.

Несколько человек начали уже собираться вокруг споривших. Тюрьма находилась почти напротив дома миссис Бредфорд, и кто-то воскликнул:

– Тише, джентльмены! Тише! Не стыдно вам поднимать шум тут, рядом с покойной? Уважайте мертвых!

– Ну, – перебил Милз, – эта дрянь обирала меня столько раз, что я ее уважать не могу, а скажу откровенно, что делом ей досталось!

Толпа зашумела и приблизилась с явно враждебными намерениями против Милза, но Смарт, выставив вперед свой громадный кулак, крикнул:

– Ах вы негодяи! Не могу назвать джентльменами сволочь, готовую броситься вдесятером на одного, говорите, истые вы американцы или ублюдки, которые гнездятся в Новой

Англии¹³?

– Ура Смарту! – загалдела толпа, склонная быстро менять свое настроение и довольная тем, что всегда невозмутимый Ионафан пришел в раздражение. – Подавайте сюда скамью или стол! Янки влезет на него и будет говорить спич! Ура Смарту! Ура!

– Вас стоит повесить за ноги! – проревел Смарт еще громче, чтобы покрыть своим голосом эти крики. – Ах вы, подлецы, разбойники! Ваши отцы проливали свою кровь за свободу, а вы что? Вы бесчестите родину...

– Bravo, Смарт! Еще! – кричала толпа, смеясь, но несколько не изменяя своего намерения вступить в драку. Одно только появление констебля восстановило порядок. В сущности, все так уважали в Смарте прямодушие и кулаки, что ему дали спокойно уйти, и он удалился, заложив руки в карманы, насвистывая свою любимую песенку, и только бросил презрительный взгляд на окружающих. Милз последовал за ним тоже, после того как констебль уверил его, что обоих арестантов согласятся выпустить на поруки.

В этот момент на другом конце города стояли Келли и Порель.

– Вы теряете драгоценное время, – говорил Порель. – Вы изложили мне свой план, а теперь уходите.

¹³ *Новая Англия* – название исторически сложившегося района на севере атлантического побережья ССШ. Включает штаты: Мэн, Нью-Хэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд.

– Я должен еще отлучиться. Вы можете исполнить все без меня, Порель. Потом, одержав победу над регуляторами, вы перенесете на пароход все золото, которое Джорджина вам выдаст, когда вы покажете ей этот перстень, и сохраните его нашей встречи в Техасе. Если мне не удастся прибыть туда... вы разделите кассу поровну между товарищами.

– Келли, – сказал Порель, глядя на него недоверчиво, – вы что то скрываете. Должен я передать то, что вы мне теперь говорите, другим, или все это придумано вами только для отвода глаз? Вы покидаете дом?

Келли посмотрел на него в нерешительности, потом протянул ему руку, говоря:

– Порель, я скажу вам всю правду. Да, вы угадали, я твердо решил навеки расстаться с этими людьми и начать новую жизнь. Будьте моим преемником здесь, передаю все дело в ваши руки. Пароход должен скоро прибыть. Приведите в исполнение мой план, он хорошо продуман, потом распорядитесь по своему усмотрению.

– Вы берете с собой жену?

Келли кивнул утвердительно.

– А Джорджина?

– Джорджина? Прочтите ее послание.

Он подал Порелю записку, взятую Боливаром у метиса. На ней еще сохранился кровавый отпечаток.

– Что же, – сказал Порель, пробежав записку и взглянув на адрес, – это только доказывает, что она была ревнива и

потому поручала некоторым лицам следить за вами. Чья это кровь?

– Того, кто переносил записки, – ответил Келли глухим голосом. – Я не увижу более никогда этой женщины, но я не хочу, чтобы она нуждалась, передайте ей от меня этот пакет. Я уеду отсюда на «Ван-Борене».

– Вы окончательно решились, Келли?

– Решился, Порель. И когда вы исполните все мои распоряжения, спасете наших товарищей и разделите между ними всю накопленную нами добычу, возьмите мою часть себе. Она ваша.

– Всю часть? Что вы! Вы представляете, насколько велики наши богатства?

– Представляю, – отвечал Келли, отворачиваясь. – И без колебаний отдаю мою долю вам. Если люди будут спрашивать обо мне, скажите им, что я отправился в Мемфис, чтобы попытаться спасти трех наших товарищей, попавших там в беду. Меня действительно зовут туда по этому поводу. Может быть, и успею еще сделать что-нибудь для облегчения их участи. Теперь прощайте! Я должен еще зайти домой за женой. Будьте счастливы, Порель! Желаю вам благополучно добраться до Техаса и отделить себя Мексиканским заливом от здешнего правосудия!

Глава XXXVI

Схватка

Адель возвратилась в гостиницу Смарта и нашла там одного Сципиона, который объявил ей, что хозяйку его позвали к миссис Дейтон, поскольку Марии стало хуже.

– Боже мой! – воскликнула Адель. – Надо и мне поспешить туда. Ты проводишь меня, Сципион? На улицах так беспокойно, что я боюсь идти одна.

– К вашим услугам, мисс. Но что это, лошадь уже другая, не наша? Как будто я видел ее у мистера Лейвли. Ладно, я готов, идемте, мисс Адель.

Молодая девушка пошла так быстро, что негр едва поспевал за ней. Они завидели издали Дейтона, в ту минуту, когда он прощался с Порелем. Дейтон тоже заметил Адель и, видимо, хотел уклониться от встречи с нею, но вынужден был остановиться, потому что ему загородил дорогу всадник, загнанная лошадь которого зашаталась и пала. Человек вскочил, однако, тотчас же на ноги, обменялся торопливым приветствием с некоторыми из подбежавших к нему людей и бросился к Дейтону, который остановился как вкопанный.

Перед ним был его подручный, Питер, бледный, в изорванной одежде, забрызганный кровью и грязью. Лоб его был рассечен сабельным ударом.

– Капитан, – произнес он, задыхаясь, – спасайтесь! Остров наш взят!

– В уме ли ты? – произнес Дейтон вполголоса.

– Да, к сожалению! То, что я вам говорю, не бред. Слушайте. Сегодня утром к острову пристал пароход с вооруженными солдатами. Нас разбили. И этот «Черный Сокол» идет сюда, к Хелене. Я успел добраться до берега и прискакал сюда. Спасайтесь. Все погибло.

– А Джорджина? Где она?

– Она скрылась с острова еще до рассвета.

– Что с вами, мистер Дейтон? – спросила Адель, подходя. – На вас лица нет.

– Вам не место здесь, Адель, уходите, – отвечал он, стараясь казаться спокойным. – Сципион отведет вас домой. Что за шум?

Вдали послышался лошадиный топот, постепенно приближавшийся, и скоро густая толпа всадников покрыла всю площадь перед тюрьмой.

– Регуляторы! – послышалось между горожанами, выпавшими из домов.

Все всадники были в охотничьих костюмах, вооружены винтовками и ножами, и находились под командой Джеймса, раздававшего приказы, на которые они отвечали воинствующими возгласами более громогласными, чем самый воинственный клич индейцев.

Дейтон стоял неподвижно, как бы не слыша призывного

пароходного гудка и слов Боливара, который говорил ему, что капитан «Ван-Борена» не хочет ждать долее.

– Мистер Дейтон! – крикнул Джеймс, соскакивая с лошади и подбегая к нему. – В городе происходит что-то странное, можно опасаться больших беспорядков, и мы все собрались, чтобы помочь властям со своей стороны, Уильям Кук был послан вперед, чтобы вас уведомить, но я узнаю, что он посажен в тюрьму. Что это может значить?

– Простое недоразумение, – отвечал Дейтон, стараясь говорить спокойно. – Теперь все разъяснилось, и он будет выпущен на свободу.

Он хотел сказать еще что-то, желая выиграть время и дать подойти пароходу, на котором должны были спастись Порель и его товарищи. Но Джеймс воскликнул:

– Кук и Том уже освобождены! Мой отец заставил стражей выпустить их.

Действительно, молодые люди подбегали к толпе. Видя, что все потеряно, Дейтон шепнул Боливару:

– Проведи мою жену на пароход.

Но негр остановился на месте, вскрикнув от ужаса. Как-то молодая женщина, в мужском платье, без шляпы, с растрепанными волосами и бледным искаженным лицом, стояла перед Дейтоном.

– Джорджина! – воскликнул он, между тем как Адель, не решавшаяся отойти далеко от него, произнесла с испугом:

– Мистер Дейтон, что с вами? Что это за женщина?

Джорджина дико расхохоталась.

– Это тоже, может быть, одна из ваших жен, Ричард Келли? – сказала она, глядя на него презрительно.

– Сумасшедшая! – произнес он, стараясь оттолкнуть ее в сторону, но она выдернула свою руку и крикнула:

– Прочь! Я безумная? Да, я теряю рассудок, и вы – причина тому. Регуляторы! Жители Хелены! Слушайте меня: этот человек, которого вы уважаете, который состоит у вас судьей... это змея, свившая себе гнездо у вас под боком! Это Келли, атаман пиратов.

Волнение заглушило ее голос, и она опустилась без чувств на руки Джеймса, находившегося возле нее. Кругом раздались угрожающие крики:

– Хватайте бандита! Вяжите его!

Толпа ринулась вперед. Келли выхватил пистолет и крикнул, понимая, что дальнейшее заперительство было бы бесполезным:

– Ко мне, пираты! Продадим дорого свою жизнь!

Первый фермер, подступивший к нему, упал, сраженный пулей. Остальные невольно подались назад, увидев Келли, окруженного какими-то страшными, неведомо откуда появившимися людьми. И началась отчаянная схватка, засверкали ножи, засвистели пули. Коттон и Сандерс, подплывшие с другими пиратами на лодке, ожидавшей их у харчевни, выскочили на берег и подоспели на помощь своим.

Капитан «Ван-Борена», опасаясь за сохранность своего

парохода, отдал приказание убрать трап и рубить канаты, однако пираты, повинувшись команде своего атамана, бросились на пароход и оттолкнули матросов. Келли и Сандерс были уже на палубе.

– Рубите концы! – приказал Келли, но многие из фермеров успели тоже вскочить на пароход, другие лезли на палубу, падали в воду и снова упорно карабкались вверх. На палубе происходила ожесточенная свалка, и вдруг среди общего шума раздался женский голос:

– Вперед! Отомстим!

И Келли увидел перед собой Джорджину. В то же мгновение дуло винтовки Милза уставилось на него. Но Боливар успел подтолкнуть руку виргинца, и пуля ушла в сторону, а сам он упал, лишившись чувств от удара, который нанес ему негр головой в грудь. Келли, избавленный от опасности верным слугой, перерубил последний канат, удерживавший пароход, и «Ван-Борен», подхваченный течением, начал отделяться от берега.

– Ты не уйдешь от меня! – воскликнула Джорджина. – Я здесь и могу расквитаться с тобой!

Келли обернулся к молодой женщине, в глазах которой светилась какая-то бешеная радость. Не помня себя от ярости, он замахнулся и вонзил лезвие ножа ей в плечо по самую рукоять. Она упала, обвивая руками колени атамана, и этот миг стал роковым для него: он нагнулся, чтобы освободиться от нее, и тут пуля Уильяма раздробила ему череп.

«Ван-Борен» шел быстро, но находился не более чем в двухстах метрах от Хелены, когда к городу подошел «Черный Сокол». Матросы готовились уже причалить, но капитан Килборн, заслышавший еще издали перестрелку, спросил в рупор:

– Что здесь происходит?

Ему отвечали, однако несколько выстрелов с «Ван-Борена» объяснили лучше всяких слов, в чем было дело. Он крикнул тотчас вниз:

– Машинам полный ход! Мы должны нагнать разбойников!

«Черный Сокол» недаром носил свое название, он отличался быстроходностью и теперь, коща погоня началась, несся действительно как птица. Кочегары работали не покладая рук, солдаты и матросы подносили уголь. Но и «Ван-Борен» не уступал своему сопернику в легкости хода, а пираты подливали сало в огонь, стараясь довести давление пара до предела. Они не думали о возможной опасности, поглощенные лишь мыслью о спасении. С ними не осталось никого, кто мог их образумить.

Вдруг «Ван-Борен» дрогнул и весь окутался облаком пара. Еще секунда, и раздался оглушительный взрыв, в воздухе замелькали обломки дерева, человеческие тела. На берегу раздались радостные крики, но к ним примешивались стоны раненых и вопли женщин, искавших своих мужей и сыновей. В воде барахтались еще два человека, борясь друг с другом.

Один из них был Том Барнвель.

– Прочь! – кричал он желавшим их разнять. – Этот мерзавец принадлежит мне, только мне!

Он вытащил из воды свою жертву и отказался от помощи даже близких друзей.

– Нет, Брэдшоу, – говорил он своему недавнему знакомцу, почти не помня себя, – нет, я хочу один... я ему обещал... Мария! Я веду его к тебе.

Почти не замечая ничего, не слыша ничьих речей, он приволок Сандерса к дому Дейтонов и втолкнул его в прихожую. Там не было никого. Адель, хоть и потрясенная всем виденным и перенесенным, не потеряла присутствия духа и увела Люси в самую дальнюю комнату, так что бедная женщина, все ожидавшая своего мужа, не знала ничего о постигшей его участи. В комнате Марии находились только миссис Смарт и Нэнси. Миссис Смарт плакала, а мулатка стояла на коленях перед постелью, на которой лежало уже бездыханное тело.

Вдруг дверь отворилась, раздался радостный возглас:

– Вот он, Мария! Вот он! – и Том подтащил Сандерса к ногам его жертвы.

Обе женщины вскрикнули от ужаса. Том остановился, устремив взгляд на лицо покойницы. Лучи солнца, проникавшие сквозь кисейные занавеси, окружали голову умершей тихим сиянием.

Бедный молодой человек вздрогнул, выпустил из рук убийцу, подошел к кровати и упал на колени перед телом

той, которую боготворил...

Сандерс воспользовался этой минутой и скрылся. С того дня Том не видел его более.

Глава XXXVII

Эпилог

Вслед за равноденственными бурями, которые потрясают вековые леса и отгоняют дальше к югу летний зной, на севере штатов, вместе с перелетом птиц и роскошной осенней окраской деревьев, наступает то чудное время года, которое американцы зовут «индейским летом», над плодоносной землей сверкает в течение месяца лазурное безоблачное небо. Настает время, когда сытые, жирные медведи разгуливают среди белых дубов и высоких камедников, влезая на самые высокие деревья, чтобы полакомиться плодами или высосать мед из сот, то время, когда гепарды преследуют оленей, дикие индейки собираются в стада, чтобы вдоволь насытиться падающими желудями и семенами, а белки снуют по ветвям, выбирая себе лучшие орешки, и стаи голубей летят тучами на юг.

Вся природа дышит негой, как бы отдыхая от треволнений прекрасным «индейским летом», соответствующим «бабьему лету» в европейских странах.

В один из таких тихих и светлых дней два всадника ехали по дороге, ведущей от города Чероки, на берегу Апалакико, к большой богатой плантации. Они остановились на минуту у садовых ворот, любуясь раскинувшейся перед ними карти-

ной. Стоявший в саду одноэтажный дом был окружен широкой верандой. К нему вела аллея, окаймленная китайскими тутовыми деревьями, в громадных ветвях которых прыгали голубые зяблики – охотники до тутовых ягод. Густые кусты дикого мирта и апельсиновые деревья с золотистыми плодами полузакрывали от взгляда ведущие на веранду ступени.

– Надо признаться, Уильям, – сказал один из всадников, – что Джеймс выбрал великолепное место для своего жилья.

– И приложил невероятные усилия, чтобы перетащить сюда и вас с моей тещей, но вы заупрямились, как обычно.

– Верно, Кук, но я не могу расстаться с моим гнездом, где можно так славно охотиться. Что здесь? Мы проехали сегодня семь миль, не встретив ни оленьего, ни медвежьего следа. Что ни говори, Уильям, но в Арканзасе привольнее и тебе, и мне. Ворота не заперты, я надеюсь? Эй, кто там есть!

Какой-то мулат показался на веранде и подбежал к приезжим.

– Дома твой хозяин, Дан? – спросил Кук.

– Нет, ваша милость. Ах, да это мистер Лейвли и мистер Кук! А я и не узнал сразу! Вот будет рада моя госпожа. А я и подавно!

И он принялся целовать руки у старика и его зятя.

– Ну, будет, будет, Дан! – сказал Кук. – Все ли у вас благополучно?

– Все, мистер Кук! И моя нога зажила! Пусть «мертвецкий доктор» ищет теперь другую мулатскую ногу.

– А твой хозяин совершенно поправился?

– Еще не совсем... Нэнси, проведи господ, а я лошадей уведу.

– Ай, что я сделал! – вскричал старик, уже подходя к дому. – Дан! Воротись с лошадьёу, Дан!

– Что с вами? – спросил Уильям с удивлением.

Но старик не успел ему ответить, потому что услышал веселый возглас:

– Милости просим! Дорогой папа... братец...

Адель, ставшая миссис Лейвли, радостно обнимала приезжих.

– Пойдемте в комнаты, – говорила она. – Джеймс недалеко, его сейчас позовут. Вы оставили что-нибудь в чересседельных сумках? Нэнси все принесет.

Но старик так переминался с ноги на ногу, что Адель невольно взглянула вниз и засмеялась.

– Вижу, в чем дело! – сказала она. – Вы опять без башмаков.

– Они там... в чемодане, – проговорил он в смущении.

– А чулки потерялись дорогой, – сказал Кук. – Мы положили их в шапку, да и выронили.

Старик погрозил зятю, но Адель обещала замять дело и провела гостей в дом, куда через минуту прибежал и Джеймс. Рука его, пострадавшая при схватке в Хелене, была на перевязи, но он был свеж и бодр, как и прежде. Миссис Дейтон, в глубоком трауре, была тут же. Она, видимо,

очень грустила, но милостивое лицо ее немного оживилось с приездом гостей. Им пришлось ответить на многочисленные вопросы и подробно рассказать о здоровье миссис Лейвли, миссис Кук и детей, а также Красавчика, прочих собак, коровы и ее теленка. Но лишь только разговор касался происшествий в Хелене, Адель заминала его каким-нибудь новым вопросом. Когда она вышла из комнаты вместе с Люси, Уильям сказал старику:

– Теперь можете дать волю своему языку.

– Что такое? – спросил тот. – Я согласен говорить все мою жизнь только о чулках и башмаках, если я что-нибудь понимаю!

– Не надо никогда упоминать Хелену при миссис Дейтон, – сказал Джеймс.

– Да разве она не знает всего?

– Если бы она знала хотя бы малую часть, то не вынесла бы такого горя.

– Но неужели она даже не подозревает, что Дейтон являлся атаманом пиратов и совершил столько кровавых злодейств?

– Горькая истина будет скрыта от нее навсегда, – сказал Джеймс. – Она полагает, что муж ее погиб, сражаясь против разбойников, а не за них. Вы знаете, что она тогда же опасно заболела и несколько недель находилась между жизнью и смертью. Благодаря этому, удалось утаить многое от нее. Тело ее мужа было найдено, забальзамировано доктором Мо-

про, который, кстати сказать, очень хотел ампутировать мне руку, и доставлено сюда. Келли похоронен в нашем саду, и бедная Люси ходит на его могилу ежедневно, в тот час, в который покойный прощался с ней в последний раз.

– Но что случилось с оставшимися в Хелене сообщниками Дейтона? – спросил Джеймс. – Неужели они подверглись жестокой расправе?

– Да, Джеймс, расправа и впрямь, оказалась жестокой, – сказал старик. – Твое счастье, что ты лежал больной и не видел ее, не участвовал в ней. Я не могу пить воды из Миссисипи с того дня. Мне кажется, что это кровь.

– О, батюшка, оставьте это, прошу вас! – перебил Кук. – Мир праху павших! Они дорого заплатили за свои преступления. Поговорим о другом. Что с Барнвелем?

– Не знаю. Старик Эджворт, который навел «Черный Сокол» на разбойничий остров, возвратился в Индиану, но Том не захотел ехать с ним и отправился, кажется, в Техас... А как поживает Дан? Не возвращается ли к прежним привычкам?

– О, нет, он примерный слуга. Адель писала его бывшему хозяину, что мулат у нас и мы желаем оставить его у себя.

– А Смарт? Он продал свое заведение, я слышал, и хочет купить землю в Джорджии. Это правда?

– Совершенная правда, и я приторговал уже ему гостиницу здесь, в Чероки. Жду его с часу на час для подписания купчей.

– Есть ли кто дома? – произнес знакомый голос в саду.

– Смарт! Легко на помине! – воскликнул Кук, открывая окно. – Здравствуйте, Смарт! Входите!

После первых приветствий, при которых янки едва не вывихнули мужчинам руки, он объявил, что очень доволен гостиницей, подысканной для него Джеймсом, и переберется в нее с женой и всем скарбом недели через три-четыре.

– Но что у вас в карманах, Смарт? – спросил Кук. – Они точно вспухли.

– Я засунул туда находку, – отвечал Ионафан, вытаскивая два больших шерстяных чулка.

– Ура! – закричал Кук. – Дорогой тесть, принимайте! Это ваше добро, растерянное по дороге.

– Небольшое горе, если бы оно и совсем потерялось, – проворчал старик, перекладывая чулки из карманов Смarta в свои.

Адель и Люси возвратились в эту минуту, и молодая хозяйка проговорила весело:

– Мистер Смарт! Очень рада вам, наш будущий сосед!

– Да, я буду от вас недалеко, как и в Хелене. Очень жалею, что уже нет миссис Бредфорд.

– А ваша жена скоро приедет? – перебила его Адель, с целью не допустить разговоров о Хелене.

Но янки, по своему обыкновению, стоял на том, чтобы кончить начатую фразу с того самого слова, на котором его прервали и продолжал:

– Уже нет миссис Бредфорд, а то мы с удовольствием распили бы с нею иногда чашку чая, как встарь, хотя, миссис Лейвли, покойная оказалась злодейкой, и я был прав, когда подозревал, что и она, вечно толкуя о своем «дорогом покойнике», принадлежала к банде...

– О, мистер Смарт, – перебила снова Адель, – если бы вы сумели уговорить моего свекра и Уильяма перебраться в наши края.

– ...к банде разбойников, – продолжал янки, не смущаясь перерывом. – У нее нашли множество товаров и письма, которые разъясняли ее сношения с пиратами. Между прочим, и это самое главное, там оказались также вещи, принадлежавшие Гольксу. Оказывается, что несчастный вовсе не утонул, а был убит. Детей он не имел. Далее разъяснилось, что миссис Бредфорд звалась прежде миссис Даулинг и убила своего первого мужа с помощью второго, вбив ему гвоздь в голову во время сна. Бредфорд был повешен регуляторами, а она бежала в Арканзас.

– О, мистер Смарт, – сказала Адель, – нельзя ли рассказать что-нибудь повеселее?

– Что же, например? Да, вот, решено единогласно отдать миссис Эверест, в виде вознаграждения, все, что уцелело из имущества Голькса. В Хелене все спокойно. Но вы просили меня, миссис Лейвли уговорить ваших родных переехать сюда? Да как же они могут не согласиться? Разве сравнится Арканзас со здешними местами?

– Я не прочь... – начал Кук нерешительно. – И моя жена тоже.

Старый Лейвли покачал головой.

– Дорогие мои, – сказал он, – я и моя старуха, оба мы очень любим вас и рады бы жить с вами. Но что мне делать тут? У вас нет лесов. Ничего не видишь, кроме негров и плантаций. Самыми дикими животными у вас считаются зайцы, самыми крупными птицами домашние гуси. Я уверен, что и собаки здесь также способны выследить медведя, как например, наш почтеннейший Смарт, отроду не видавший косолапого. Стоит отойти в сторону от большой дороги буквально на десять шагов, как натолкнешься на чей-нибудь забор! А у нас-то приволье! Особенно теперь, когда на Миссисипи истребили пиратов.

– Мистер Лейвли, – сказала Адель, – Дан принес ваши башмаки.

– Милая моя! – проговорил старик, глядя на нее с мольбой. – Обещаю тебе, что завтра же надену и чулки и башмаки. Буду носить их в угоду тебе каждый день, пока гощу у вас. Но сегодня... сегодня давайте проживем так, чтобы всем было отрадно на душе!

1848 г.